

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (29)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2018**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (29)

Published since 2008

Quarterly

Moscow

2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.	ректор ГАОУ ВО МГПУ, кандидат педагогических наук, доцент,
председатель	почетный работник общего образования Российской Федерации
Рябов В.В.	президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя	член-корреспондент РАО
Геворкян Е.Н.	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор,
заместитель председателя	академик РАО
Агранат Д.Л.	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
	доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Щепилова А.В.	главный редактор	доктор педагогических наук, профессор
Викулова Л.Г.	заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Смирнова А.И.	заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор
Алмазова Н.И.		доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Афанасьева О.В.		доктор филологических наук, профессор
Беляева И.А.		доктор филологических наук, профессор
Бубнова И.А.		доктор филологических наук, доцент
Вострикова О.В.	секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Геймбух Е.Ю.		доктор филологических наук, профессор
Джанумов С.А.		доктор филологических наук, профессор
Кафтанджиев Христо		доктор филологии, почетный доктор, профессор (Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)
Курдюмов В.А.		доктор филологических наук, профессор
Матвеева И.И.	секретарь	кандидат филологических наук, доцент
Поршнева Е.Р.		доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова)
Прохоров Ю.Е.		доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Радченко О.А.		доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина)
Романова Г.И.		доктор филологических наук, доцент
Сагаз Мицунори		доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)
Собянина В.А.		доктор филологических наук, профессор
Спичко Н.А.	ответственный секретарь	кандидат педагогических наук, доцент
Сулейманова О.А.		доктор филологических наук, профессор
Сурьянараян Нилакши		доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)
Тарева Е.Г.		доктор педагогических наук, профессор
Тышковска-Каспиак Эльжбета		доктор филологии, доцент (Вроцлавский университет, Польша)
Чернявская В.Е.		доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)
Чупрына О.Г.		доктор филологических наук, профессор
Языкова Н.В.		доктор педагогических наук, профессор
Ярыгина Е.С.		доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

<i>Афанасьева О.В.</i> Эволюция образа грешного священника в новелле Н. Готорна «Черная вуаль священника»	8
<i>Стрельникова М.А.</i> Роман В. Набокова «Король, дама, валет»: особенности поэтики	18
<i>Мартьянова С.А.</i> Русская и мировая классика на страницах романа А.И. Солженицына «В круге первом»	27

Русистика. Германистика. Романистика

<i>Погодаева С.А.</i> О политкорректности во французском туристическом дискурсе	34
--	----

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

<i>Осипова Л.И.</i> Эволюция социальных типов языка	42
<i>Плотникова С.Н.</i> Дискурсивное конструирование России в современных западных СМИ	50
<i>Фу Мэйянь</i> И.А. Бунин в Китае: переводы произведений, изучение творчества	60
<i>Борисова Е.С.</i> Оценочная лексема <i>bravo</i> в современном культурологическом пространстве	67

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

<i>Иванова А.М.</i> Контактная вариантология как новая лингвистическая парадигма: некоторые актуальные вопросы преподавания английского языка в высшей школе (часть 2)	74
--	----

Слово молодым ученым

<i>Труфанова М.И.</i> Социально-исторические основы семейной темы в романах «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Собственник» Дж. Голсуорси	82
---	----

<i>Осламенко А.С.</i> Архетип современного концепта <i>герой</i>	89
<i>Романова Т.А.</i> Лингвокультурологические особенности формирования и употребления термина <i>animation</i> в английском языке.....	96
<i>Попова К.А.</i> Вербальная агрессия в немецкоязычных интернет-комментариях как средство выражения сочувствия.....	101
<i>Матунова Г.А.</i> Лексическая репрезентация гендерных стереотипов в британской прессе начала XX в.	107
<i>Нефедова О.И.</i> Роль мотива «бесплодная земля» при создании образов второстепенных героев романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»	112
<i>Леванова Т.В.</i> Словообразовательное гнездо с вершиной <i>пиар</i> в современном русском языке	117

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Трофимова Т.Б.</i> Рецензия на сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2016. Вып. 11. 196 с.)	128
<i>Сулейманова О.А., Лукошус О.Г.</i> Рецензия на учебник для магистратуры В.Е. Чернявской, Е.Н. Молодыхенко «Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе» (М.: Ленанд, 2017. 176 с.).....	131

Научная жизнь

<i>Рянская Э.М.</i> Информационно-аналитический обзор материалов конференции «Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы» (Москва, 13–16 сентября 2017 г.) ...	134
<i>Щелокова Л.И.</i> Международная научная конференция «Русская интеллигенция и революция в литературе XX в. К 100-летию революции 1917 г. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина» (Саратов, 10–12 октября 2017 г.).....	140

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

Языковое образование», 2018, № 1 (29)	144
---	-----

Требования к оформлению статей.....	150
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Literary Science

<i>Afanasyeva O.V.</i> Evolution of the Image of a Sinful Priest in N. Hawthorne's Short Story «The Minister's Black Veil»	8
<i>Strelnikova M.A.</i> The Novel «King, Queen, Knave (Korol', Dama, Valet)» by V. Nabokov: Poetic Features	18
<i>Martyanova S.A.</i> Russian and World Classical Literature in A.I. Solzhenitsyn's Novel «In the First Circle»	27

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

<i>Pogodaeva S.A.</i> About Political Correctness in French Tourism Discourse.....	34
---	----

Linguistic Theory. Cross-cultural Communication Theory

<i>Osipova L.I.</i> Evolution of Language Social Types.....	42
<i>Plotnikova S.N.</i> Discursive Construction of Russia in Modern Western Massmedia	50
<i>Fu Meiyan.</i> Translations and Studies of I.A. Bunin's Writings in Mainland China.....	60
<i>Borisova E.S.</i> Evaluative Lexeme <i>bravo</i> in the Contemporary Culturological Space	67

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

<i>Ivanova A.M.</i> The World Englishes Paradigm and Current Challenges of Teaching and Learning English at Universities (Part 2)	74
--	----

Young Scientists' Platform

<i>Trufanova M.I.</i> The Social and Historical Foundations of the Family Theme in the Novels «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy and «The Man of Property» by J. Galsworthy	82
<i>Oslamenko A.S.</i> The Archetype of the Modern Concept <i>Hero</i>	89

<i>Romanova T.A.</i> Linguo-cultural Peculiarities of the Development and Application of Terms <i>Animation</i> in English	96
<i>Popova K.A.</i> Verbal Aggression in German Internet Comments as a Means of Expressing Sympathy	101
<i>Matunova G.A.</i> Lexical Representation of Gender Stereotypes in the Early XXth Century British Mass Media	107
<i>Nefedova O.I.</i> The Role of the Motif <i>Wasteland</i> in Creating Minor Characters of the Novel by F.S. Fitzgerald «The Great Gatsby»	112
<i>Levanova T.V.</i> The Word-family with the Vertex <i>PR</i> in the Modern Russian Language	117

Criticism. Reviews. Bibliography

<i>Trofimova T.B.</i> Review of the Collection of Research Papers «Russian Studies and Comparative Studies» (Chief ed. M.B. Loskutnikova. M.: Moscow City University, 2016. Issue 11. 196 p.).....	128
<i>Sulejmanova O.A., Lukoshus O.G.</i> Review of the Master's Textbook by V.E. Chernyavskaya and E.N. Molodychenko «Persuasion in Political, Advertising and Internet Discourse» (M.: Lenand, 2017. 176 p.).....	131

Scholarly Events

<i>Ryanskaya E.M.</i> Informational and Analytical Review of Materials of the Conference «Fundamental and Current Issues in Language Evolution: Categories, Factors and Mechanisms» (Moscow, September 13–16, 2017).....	134
<i>Shchelokova L.I.</i> International Scientific Conference «Russian Intelligentsia and Revolution in the 20-th Century Literature. To the Centenary of the 1917 Revolution. To K.A. Fedin's 125-th Anniversary» (Saratov, October 10–12, 2017).....	140

Authors of «MCU Vestnik», Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education», 2018, № 1 (29).....	144
---	------------

Style Sheet.....	150
-------------------------	------------

УДК 17.09.91 (73)

О.В. Афанасьева

Эволюция образа грешного священника в новелле Н. Готорна «Черная вуаль священника»

В статье рассматривается эволюция образа грешного священника в американской литературе на материале анализа новеллы Н. Готорна «Черная вуаль священника». В ней исследуются причины, по которым автор обращается к указанной проблеме, а также пути ее развития и разрешения в изучаемом произведении.

Ключевые слова: грех; вина; священник; пуританизм; черная вуаль.

Образ грешного священника появляется в американской литературе в начале XVII в. В одном из самых значительных произведений того времени «История поселения в Плимуте» (1646–1650) У. Брэдфорда (W. Bradford) автор довольно детально описывает прибытие в колонию из Англии некоего священника Дж. Лайфорда, его грехи и жизнь в общине. Дальнейшее развитие тема *грешного священника* получает в сочинениях классика американского романтизма Н. Готорна. Тот факт, что центральными фигурами его новеллы «Черная вуаль священника» (The Minister's Black Veil, 1832) и одного из самых выдающихся романов той эпохи «Алая буква» (The Scarlet Letter, 1850) выступают священнослужители, совершившие грехопадение, не является случайным.

Как известно, предки писателя эмигрировали из Европы на североамериканский континент в числе первых переселенцев. Принадлежали они к ревностным поклонникам пуританизма и поселились в Новом Свете на территории общины Салема, места, вошедшего в историю США благодаря своим ведовским процессам. Объявив охоту на ведьм, как именовали женщин, подозреваемых в причастности к магическим ритуалам, правители Салема назначили судебный процесс, результатом которого явилась казнь 19 осужденных колонисток, чья вина якобы заключалась в проведении ими колдовских

обрядов и наличии связи с дьяволом. (Все приписываемые женщинам обвинения, естественно, не были доказаны.) Один из предков знаменитого американского романтика был активным участником стороны обвинения.

С детства Н. Готорн интересовался историей своей семьи. Осмысление поступков его родных, живших в колониальную эпоху, нашло отражение на страницах различных сочинений писателя. Характеризуя его творчество, многие литературоведы отмечают безусловное влияние традиций пуританизма, верований и предрассудков пуритан на мировоззрение романтика. Так, Н.И. Самохвалов пишет: «Готорн — сын пуританской Новой Англии. Творчество этого писателя невозможно понять вне связей с ее пуританскими традициями <...> Проблема вины, проблема греха и его искупления; склонность к аллегориям и символам; суровость тона повествования; пуританское морализирование — таковы характерные черты его творчества» [8: с. 129].

Исследователи пуританизма подчеркивают, что его последователи были фанатично преданы своей вере, отличались целеустремленностью, трудолюбием и независимостью. Согласно пуританскому мировоззрению человек должен был стойко принимать ниспосланные ему Провидением тяготы и невзгоды, являть собой образец добродетели и непоколебимо верить в промыслительность происходящего. Любые случайности полностью отрицались. Следовательно, колонистам надлежало смиренно воспринимать все лишения [6: с. 109]. Как отмечает в своем исследовании К.М. Баранова, все эти качества были свойственны и европейским переселенцам, обосновавшимся в Новой Англии. Однако, подчеркивает ученый, «к середине XVII в., значительно упрочив свое положение в Новом Свете, многие колонисты начинают отходить от основ пуританизма» [3: с. 20]. Из преследуемых и гонимых борцов за истинную веру к концу столетия они превращаются в свою противоположность, и сами начинают жестокие процессы преследования сограждан за их инакомыслие, что проявилось во время упомянутого выше Салемского процесса, а также в их ожесточенной борьбе с квакерами. Следовательно, можно утверждать, что колонистам-пуританам были присущи такие качества, как нетерпимость и даже жестокость. В произведениях Н. Готорна можно усмотреть эту двойственность. Автор не может полностью принять философию пуританизма. Он явно осуждает фанатизм представителей данного философско-религиозного течения, но одновременно он восхищается силой духа этих людей, их трудолюбием, нравственными принципами — тому, что помогало им выживать, невзирая на все жизненные трудности. Писатель детально изучает события прошлых лет и переносит их на страницы своих произведений, движущей силой которых является борьба добра и зла.

Проблемы, связанные с пуританским прошлым новоанглийского поселения, становятся центральными, в частности, в новелле «Черная вуаль священника», которая вошла в сборник его рассказов «Дважды рассказанные истории» (Twice-Told Tales, 1837). Современник Н. Готорна, известный американский

поэт-романтик и новеллист, Э.А. По (Edgar Allan Poe) высоко оценивал этот труд и писал: «...о рассказах м-ра Готорна следует решительно сказать, что они достигают вершин Искусства, доступных лишь величайшим талантам. <...> Нам известно мало произведений, которые критик может хвалить так искренне, как “Дважды рассказанные истории”. Как американцы, мы гордимся этой книгой» (цит. по: [6: с. 74]). Вышеупомянутый рассказ Э.А. По называл одним из самых таинственных и оригинальных.

Тема тайной вины, греха, возможно и несовершенного, существовавшего только в мыслях, является ведущей в анализируемой новелле. Как отмечают ученые-американисты, «с точки зрения переселенцев-пуритан, вступивших на земли Новой Англии в начале XVII столетия, всех их отличала от других колонистов своего рода негреховность, ибо они полагали себя Божьими избранниками. Переселившись на американские земли, колонисты верили, что приобрели это качество» [2: с. 44]. Однако они не отрицали наличия греховности у всех остальных людей. Н. Готорн затрагивает эти проблемы в связи с персонажем, обладающим духовным саном, что само по себе вступает в определенный диссонанс с религиозными традициями Европы и Америки. Согласно религиозной традиции католицизма священнослужители должны осуществлять связь между Господом и обычными людьми. В пуританизме эта роль служителей Церкви отвергается, однако их значимость и нравственная безупречность не подвергаются сомнению. Тем не менее в обращении Н. Готорна к вышеуказанной проблеме можно усмотреть определенный намек на то, что неугодные Всевышнему поступки могут совершаться и церковнослужителями. Что касается дальнейшего развития образа грешного священника в англоязычной литературе конца XIX в., греховность станет пониматься как союз священнослужителя и коммерсанта (показателен «почетный мир» Морелла и Берджесса — героев «мистерии» Б. Шоу «Кандида», на который обращает внимание в своей работе М.Г. Меркулова) [5: с. 301–302].

Желание Н. Готорна выявить грешников, показать, что некоторые из них осознают свое недостойное поведение и готовы наказать себя только лишь за мысленно совершенное преступление, явно прослеживается в рассматриваемой новелле. Главным героем анализируемого рассказа является некий господин Хупер, священник небольшого прихода новоанглийского поселения Милфорд. Автор сообщает читателю совсем немного о протагонисте повествования: «Мистер Хупер, благообразный мужчина лет тридцати, но все еще холостяк, <...> одет с подобающей духовному лицу опрятностью; можно было подумать, что это заботливая жена накрахмалила ему нарамник и очистила его воскресное одеяние от всей накопившейся за неделю пыли» [1: с. 283]. В профессиональном отношении жители общины высоко оценивают священнослужителя. Он хороший проповедник, всегда находит нужные слова, чтобы донести до слушателей волю Создателя. У прихожан нет никаких причин сомневаться в праведности и благочестии своего пастора.

Однако однажды во время воскресной службы он появляется в церкви с черной вуалью на лице. Сам священник не дает никаких объяснений по поводу столь необычного элемента своей одежды. Это незначительное добавление к традиционному облачению духовного лица становится причиной волнений среди паствы и вызывает пересуды. У многих горожан появляются сомнения в том, что мистер Хупер ведет достойный образ жизни. Жители Милфорда считают, что людям свойственно скрывать свое лицо от окружающих лишь в том случае, если они грешны и им стыдно за совершенные поступки.

В тот роковой день новый облик священника поверг в смятение тех, кто пришел в церковь послушать его проповедь. С изумлением смотрели они на пастора. Их реакция на столь явные изменения в облики своего духовника была самой неожиданной. Кто-то забывал его поприветствовать, кому-то он напоминал пугало, кто-то сделал вывод, что Хупер сошел с ума. Он внушал окружающим не только «благоговейный страх, это было потрясение» [1: с. 285]. И хотя проповедь, которую он произносил, мало чем отличалась от предыдущих, все, кто слушал ее, почувствовали, что на этот раз она звучала более проникновенно и убедительно, оставляя глубокий след в мыслях и душах прихожан. Как замечает писатель, «у каждого из присутствующих <...> было такое чувство, что проповедник, прикрывшись своей страшной вуалью, проник к нему в душу и обнаружил там несправедные поступки и мысли, которые он искусно скрывал» [1: с. 285].

Разглядывая черную вуаль, взволнованные прихожане с трудом вникали в суть произносимой проповеди. Их больше интересовали причины, по которым столь странный и даже пугающий атрибут одежды появился на лице священнослужителя и скрыл от них его взор. Иными словами, в момент произнесения молитвы священник вольно или невольно отвлекал молящихся людей от религиозного действия, ибо присутствующие в церкви думали лишь о том, чем можно объяснить появление черного крепа на его лице. Размышляя о возможных несправедных делах своего духовника, приписывая ему тайную вину и осуждая его за это, жители Милфорда сами отступали от правил религиозного благочестия, так как их собственные мысли были далеки от проблем, которые затрагивались в проповеди. Фактически своим поведением они подтверждали то, о чем говорил пастор.

Скорее всего, именно в это время и начали зарождаться слухи о вероятных грехах Хупера. Высказывались разнообразные причины, по которым духовный наставник жителей Милфорда решил носить темный покров. Большинство сходилось на том, что грешная совесть больше не позволяет ему вести прежний образ жизни. Некоторые «уверяли, что тайны вообще никакой нет, а просто от долгих ночных засидок при свете лампы у мистера Хупера настолько ослабли глаза, что им нужен теперь полумрак» [1: с. 285]. Однако по замечанию писателя, таких прихожан было явное меньшинство, всего один или двое.

Н. Готорн вводит в нарратив некоторые детали, которые усугубляют подозрения горожан. Во время чтения молитвы, подчеркивает автор, черная

материя отбрасывает тень на страницы Священной Книги: «Вуаль вздымалась и опускалась в такт его размеренному дыханию, когда он читал псалом; она была мрачной преградой между ним и исполненными святости словами на странице Писания; когда же он возглашал молитвы, вуаль эта плотно прикрывала его высоко поднятое лицо. Быть может, он хотел скрыть его от грозного Судии, к которому были обращены эти молитвы?» [1: с. 284]. Вопрос задан, но читатель не получает на него ответа. В повествовании лишь указывается, что в тот день проповедь была посвящена сокрытию греха и всем тем постыдным поступкам, «какие мы прячем даже от собственной совести, забывая о том, что от Вседержителя нет и не может быть никаких тайн» [1: с. 284–285].

В приведенных элементах описания можно усмотреть желание и попытку писателя показать, что пастор отгораживается при помощи куска черного крепа не только от Создателя, которому известны потаенные желания и недозволенные действия своих чад, но и ото всех окружающих. Тема проповеди в тот день, очевидно, была выбрана им специально. Однако и Н. Готорн делает на этом особый акцент, никакие попытки индивида утаить свои прегрешения не приводят к успеху. Прежде всего сам человек осознает глубину своего нравственного падения. Кроме того, Господь имеет возможность проникнуть в любую тайну грешника и выявить пороки каждого живущего на земле. Хупер в этом отношении не является исключением.

Американский писатель-романтик наделяет главного героя новеллы чувством покаяния. Последний действует и говорит так, как будто он уверен, что ему надлежит получить соответствующее наказание за содеянное. В своем разговоре с невестой священник заявляет, что сможет снять вуаль лишь тогда, когда данный им самому себе обет это позволит: «Так знайте: вуаль эта — своего рода символ, и я обязан носить его до конца жизни, на свету и во тьме, в одиночестве и на глазах у всего народа, как перед незнакомыми, так и перед самыми близкими мне людьми. Ни один смертный не увидит теперь моего лица. Эта темная тень должна отделять меня от всего мира: даже вам, Элизабет, нельзя будет ее приподнять» [1: с. 290]. Безусловно, столь странный ответ на прямо поставленный девушкой вопрос по поводу необъяснимого поведения будущего мужа не может удовлетворить ее.

Всячески пытается она уговорить своего возлюбленного прекратить его странное, никому непонятное поведение, внушающее страх жителям Милфорда: «Как вас ни уважают и ни любят, могут ведь пойти сплетни, что вы прячете лицо от того, что знаете за собой какой-нибудь тайный грех. Ради Пресвятой церкви, не допустите такого позора!» [1: с. 290]. Автор подчеркивает, что невеста Хупера покраснела, произнося эти слова. Очевидно, что мысли о неподобающем поведении человека, с которым она помолвлена, не покидают девушку. Его невероятное упорство не пускать даже ее к разгадке своей тайны пугает и отдаляет от нее любимого. Н. Готорн в новелле показывает, что Элизабет обладала силой духа и имела достаточно твердый характер, но и она ощутила

ужас, исходящий от черной вуали. Скорее всего, поведение и упорство жениха укрепили ее подозрения, и она приняла единственно возможное для себя решение — расстаться с любимым.

Все просьбы и мольбы священника не покидать его остаются без внимания: «Не бросайте меня, хоть вуаль эта и останется между нами на протяжении всей нашей земной жизни. Будьте моей, и тогда в жизни грядущей на лице моем не будет этой завесы, не будет и мрака между нашими душами! Вуаль эта — для смертной жизни, она не для вечности» [1: с. 291]. Сбивчивые пояснения жениха по поводу возможной жизни на небесах, где ничто не сможет отделить их друг от друга, не устраивают девушку. Главный герой крайне одинок. Самый близкий человек уходит от него.

Осознавая, на что он обрек себя, пастор крайне опечален тем, что Элизабет покинула его. Он испытывает страх от принятого решения. Его пугают и последствия принятого обета, и тот факт, что его невеста абсолютно верно интерпретирует причины, побудившие его надеть черную накидку, и правильно оценивает все происходящее. Именно поэтому она отказывается от любви и будущей совместной жизни с ним. Иными словами, Элизабет, как это иногда случается с искренне любящими сердцами, смогла понять, какой грех совершил ее жених, ужаснулась тому, что стало для нее очевидным, и оказалась не в состоянии принять его в новом качестве.

Несомненно, что события, предшествовавшие этому разговору и связанные с похоронами молодой прихожанки, также способствовали этому решению. Желая проститься с умершей девушкой, священник наклонился над ней. В этот момент его черная вуаль приподнялась. Два лица оказались друг напротив друга, и произошло чудо: «в ту минуту, когда лицо священника приоткрылось, покойница слегка вздрогнула, зашуршала своим саваном и кисейным покровом, но при этом лицо ее оставалось таким же застывшим, каким его сделала смерть» [1: с. 287]. Многие присутствовавшие на похоронах, узнав об этом, сочли это событие неслучайным. Стали поговаривать о том, что священник и душа умершей идут рядом. Все, кто был на погребении, восприняли этот эпизод однозначно. Связь между священником и девушкой оказалась для всех очевидной.

С тех пор пастор становится изгоем среди членов своей паствы. Фактически прихожане, не имея доказательств, что грех действительно совершен, вычеркивают его из своей жизни. Слухи о нем с каждым днем становятся все более зловещими. Люди устанавливают якобы существующую связь между ним и мертвецами. Они считают, что священник ненавидит черную вуаль, которую носит, и боится ее. По их мнению, он страшится смотреть в зеркало, чтобы не испытывать ужаса от созерцания собственного лица, и стремится проходить мимо предметов, в которых мог бы увидеть собственное отражение, предпочитая, например, не останавливаться на берегу водоема.

Столь таинственное и непостижимое для окружающих поведение, по замечанию автора, имеет тем не менее определенный позитивный результат —

пастор становится еще более ревностным служителем Церкви. Темная вуаль, которую он носит, притягивает к нему тех, кто считает себя грешниками. Желая получить прощение за свои поступки, эти люди предпочитают исповедоваться только духовнику общины Милфорд. Кажется, что прихожане, терзаемые собственной совестью за свои прегрешения, находят некую связь между собой и отнюдь не безупречным, по их мнению, священнослужителем. А это облегчает покаяние и дает надежду на искупление греха.

Со всей округи идут местные жители к священнику в черной вуали, чтобы рассказать о своих проступках. Он приобретает славу исключительного проповедника, которому Господь даровал способность проникать в темные стороны жизни кающихся и правильно оценивать их. При этом для членов прихода уже неважно, реально ли пастор совершил грехопадение и не имеет смелости признать содеянное или же он только в своих мыслях был готов совершить неугодные Богу поступки. Причина появления черной вуали до конца рассказа остается тайной. В тексте повествования нет четкого ответа на вопрос, почему ее носит Хупер. Читатель лишь может строить предположения по поводу того, служит ли она проявлением глубокой скорби проповедника или же это выставленный на всеобщее обозрение символ совершенного им греха. Н. Готорн не дает ключа, благодаря которому можно было бы узнать истинные мотивы поведения пастыря и понять реальное положение дел. Автор подводит итог жизни священника следующим образом: «Так вот мистер Хупер прожил долгую жизнь, не запятнав себя ни одним недостойным поступком, но, несмотря на это, опороченный мрачными подозрениями; добрым и любящим, но в то же время никем не любимым и внушавшим всем смутный страх; человеком, отчужденным от людей, которые избегали его, пока были веселы и здоровы, но неизменно взывали к его помощи, когда приближение смерти наполняло их сердце ужасом» [1: с. 294]. Отец Хупер, как его теперь называют, приобретает известность на территории всей Новой Англии, проповеди его пользуются популярностью и собирают большое количество слушателей. Тем не менее пропасть между ним и всем остальным миром не становится меньше.

Даже в последние минуты своей жизни, чувствуя, что силы покидают его, и понимая, что смертный час близок, священник отказывается избавиться от черной вуали. Он не желает оправдываться и не хочет, чтобы его лицо без темного покрова видели другие. Собрав последние силы, умирающий заявляет, что окружающие его люди боятся маленького куска материи на его лице, так как все они греховны и пытаются скрыть свой грех. Однако подобные попытки тщетны — утаить несправедливые деяния от Создателя невозможно: «Я вот гляжу на вас — и, о горе, на лице у каждого из вас Черная Вуаль!» [1: с. 296] — восклицает пастор.

Данные слова можно рассматривать как намек на разгадку тайны духовного лица. Каждый человек, с его точки зрения, совпадающей с мнением автора, грешен. (Учитывая интерес Н. Готорна к истории пуританизма, естественным

представляется обращение автора к теме первородного греха.) Будучи последовательным пуританином, священник уверен, что каждый из людей в глубине души хранит воспоминания о своих неблагоприятных поступках. Однако, даже понимая, что для Всевышнего тайн не существует, далеко не всякий грешник имеет смелость признать чинимое им или уже причиненное кому-либо зло. Это удел избранных. К ним, несомненно, автор относит и самого священника.

Анализируя этот образ, обратим внимание на примечание, которое делает Н. Готорн в самом начале новеллы, где сообщает о том, что некий новоанглийский священник по имени Джозеф Муди из штата Мэн, подобно отцу Хуперу, прятал свое лицо от окружающих, наказывая себя подобным образом. Его грех заключался в том, что он по неосторожности убил своего близкого друга. Вряд ли правомерно проводить абсолютную параллель между схожими действиями двух священников и причинами, которые побудили их так поступить. Джозеф Муди удручен тем, что произошло, он горюет из-за безвременной кончины своего друга, который погиб в результате его выстрела. Но он совершил этот грех без злого умысла, не имея намерения убить человека. Его черная вуаль, безусловно, является выражением искренней скорби.

Другое дело — кусок черного крепа на лице отца Хупера. Он, судя по всему, является платой за какой-то его истинно греховный поступок. Повторимся, однако, что для столь категоричного вывода в новелле нет объективных доказательств. Писатель не включает в текст никаких явных подтверждений и объяснений этому. Отметим также, что одновременно кусок темной ткани выступает в качестве своеобразного покаяния священнослужителя и причиняет ему глубокие страдания. Тем не менее, с его точки зрения, носить темную вуаль он обязан, чтобы как-то искупить собственный грех, а потому его боль и муки целительны. Кроме того, пастор считает, что, будучи проповедником, он несет ответственность за членов своего прихода, а значит, в определенной степени отвечает и за их прегрешения.

В этом плане несомненный интерес представляет замечание Э.А. По, которое он делает по поводу поведения главного героя анализируемой в статье новеллы. Известный американский писатель, критик и почитатель творчества Н. Готорна пишет, что, по всей вероятности, «мораль, вложенная в уста умирающего священника, будет принята за истинный смысл рассказа; и только читатели, родственные автору по духу, поймут, что совершено тяжкое преступление (в отношении “Молодой особы”）」 (цит. по: [4: с. 74–75]).

Интерпретируя этот пассаж из статьи Э.А. По, логично предположить, что, скорее всего, молодой Хупер был повинен в неподобающем поведении по отношению к умершей молодой прихожанке, чьи похороны были показаны в самом начале новеллы. Виновный пастор, не желая публично каяться, решает понести заслуженное наказание, выставив свой грех на всеобщее обозрение, но одновременно сохранив его в тайне. В тексте новеллы можно найти намеки автора, что черная вуаль этого священника является платой за его *реальное*

грехопадение, по отношению к умершей. Это также весьма выразительный символ, который используется автором для того, чтобы «не осуждая напрямую героев своего произведения, тем не менее, дать понять читателю, какие тайные пороки могут скрываться под их внешней благопристойностью» [7: с. 72]. Прежде всего необычный атрибут его одеяния появляется в день ее похорон. При прощании с ней лицо священника приоткрывается, и он оказывается лицом к лицу с покойной. Невидящим взором передает она ему свой немой укор, а у прихожан возникает ощущение, что дух девушки и сам духовник идут рука об руку.

Отметим также, что через несколько лет после опубликования «Черной вуали священника» Н. Готорн завершает свой самый известный роман «Алая буква», где главным действующим лицом опять выступает грешный священнослужитель. Герой романа по имени Димсдейл всю жизнь скрывает свой грех, который состоит в том, что, полюбив замужнюю женщину, он вступает с ней в греховную связь. Поскольку многие исследователи рассматривают «Черную вуаль» и «Алую букву» во взаимосвязи друг с другом, протагониста проанализированной новеллы логично сопоставить с главным действующим лицом романа. Таким образом, мысль Э.А. По о значении куска черного крепа, который не снимает с лица пастор, представляется оправданной, логичной и может считаться истинной причиной таинственного и необъяснимого для многих поведения священника на протяжении всей его жизни. Подобная интерпретация анализируемого символа в рассмотренном рассказе играет существенную роль как для исследования эволюции образа грешного священника в американской литературе, так и для понимания отношения Н. Готорна к затронутой проблеме, учитывая неподдельный интерес автора к пуританскому наследию своей родины.

Библиографический список

Источники

1. Готорн Н. Черная вуаль священника // Готорн Н. Алая буква: роман, новеллы. М.: Эксмо, 2006. С. 282–296. (Зарубежная классика).

Литература

2. Баранова К.М. XVIII столетие. Рождение американской мечты: творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина: монография. М.: МГОУ, 2010. 250 с.
3. Баранова К.М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы): монография. М.: МГПУ, 2014. 148 с.
4. Машошина В.С. Лейтмотив предопределения (providence) в романе Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит»: European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2011. № 6. С. 109–113.
5. Меркулова М.Г. Ретроспекция в английской «новой драме»: истоки, типология, функционирование: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2006. 345 с.

6. *Николюкин А.Н.* Писатели США о литературе. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. 294 с.
7. *Савинич С.С.* Проблема символики дома в литературе США: от эпохи Романтизма до середины XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 203 с.
8. *Самохвалов Н.И.* Натаниэль Готорн. История американской литературы. М.: Просвещение, 1971. Ч. I. С. 128–141.

References

Istochniki

1. *Gotorn N.* Chernaya vual' svyashhennika // *Gotorn N.* Alaya bukva: roman, novelly'. M.: E'ksmo 2006. S. 282–296. (Zarubezhnaya klassika).

Literatura

2. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty': tvorchestvo Dzh. E'dvardsa i B. Franklina: monografiya. M.: MGOU, 2010. 250 s.
3. *Baranova K.M.* Obraz Novogo Adama v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda (religiozny'j, grazhdanskij i lichny'j idealy'): monografiya. M.: MGPU, 2014. 148 s.
4. *Mashoshina V.S.* Lejtmotiv predopredeleniya (providence) v romane Germana Melvilla «Mobi Dik, ili Bely'j kit» // *European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'ny'x nauk)*. 2011. № 6. S. 109–113.
5. *Merkulova M.G.* Retrospekciya v anglijskoj «novoj drame»: istoki, tipologiya, funkcionirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk. M.: MPGU, 2006. 345 s.
6. *Nikolyukin A.N.* Pisateli SShA o literature. M.: Progress, 1982. Т. 1. 294 с.
7. *Savinich S.S.* Problema simboliki doma v literature SShA: ot e'poxi Romantizma do serediny' XX veka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 203 s.
8. *Samoxvalov N.I.* Natanie'l' Gotorn. Istoriya amerikanskoj literatury'. M.: Prosveshhenie, 1971. Ch. I. S. 128–141.

O.V. Afanasyeva

Evolution of the Image of a Sinful Priest in N. Hawthorne's Short Story «The Minister's Black Veil»

The article deals with the image of a sinful priest in American Literature based on the analysis of N. Hawthorne's short story «The Minister's Black Veil». It investigates the reasons that made the author draw his attention to the mentioned above problem and the ways of its development in the work under study.

Keywords: sin; fault; priest; Puritanism; black veil.

УДК 821.161.1.09'1917/1991

М.А. Стрельникова

Роман В. Набокова «Король, дама, валет»: особенности поэтики

В статье анализируются сюжетные особенности романа В. Набокова «Король, дама, валет» в контексте традиций мировой литературы. Рассматриваются мотивы и образы, которые стали знаками творческой манеры писателя. В основе поэтики романа — двойственность художественного пространства, концепция творчества как высшей реальности.

Ключевые слова: сюжет; художественные приемы; вещные реалии; традиции символизма; двоемирие Набокова.

«Король, дама, валет» — второй роман Набокова, опубликованный в Берлине в 1928 г. (английский вариант был подготовлен автором при участии Дм. Набокова и вышел в 1968 г. в Нью-Йорке и Лондоне). Один из самых тонких и проницательных ценителей творчества В. Набокова, З. Шаховская считала эту книгу написанной с целью «пробиться в переводы» [12: с. 55]. Эта мысль возникла не случайно.

Роман буквально пропитан многочисленными отсылками к образцам мировой литературы. Исследователи творчества Набокова отмечали влияние на поэтику произведения романов и повестей Ф. Стендаля, О. Бальзака, Г. Флобера, Т. Драйзера, Д. Джойса, М. Пруста, Л. Толстого, И. Гончарова, И. Бунина, Л. Андреева (Б. Бойд, М. Медарич, Н. Букс, Дж. В. Конноли, А. Долинин, Ю. Рыкунина, Е. Егорова).

Как отмечает Набоков в предисловии к английской редакции романа, «сюжет его не нов» [14: с. 90]. Действительно, сюжет адюльтера многократно использовался всемирно известными авторами и был востребован читающей публикой по всему миру. Ситуация брака женщины с нелюбимым мужем и дилемма, возникающая, когда она любит другого, достаточно типичная в русской классической литературе XIX в. Начиная с Пушкина («Евгений Онегин»), этот «сюжет» развивали писатели разных направлений, однако проблемная ситуация «Евгения Онегина», романа «без конца», долго не имела другого решения. Через пятьдесят лет Л.Н. Толстой в романе «Анна Каренина» предложил иное решение проблемы. Однако «толстовская Анна — своего рода перерождение Татьяны, намеченное самим Пушкиным в отрывках задуманного романа» [13: с. 182].

Главные коллизии «Евгения Онегина», «Анны Карениной» позже неоднократно варьировались в литературе. Яркий пример — рассказ «Дама с собачкой»

А.П. Чехова. У Л.Н. Толстого конфликт разворачивается в великосветской среде, у А.П. Чехова драма происходит в жизни обычных людей. Любовь изменила чеховских Анну и Гурова, как изменила (хотя в разной степени) Анну и Вронского. Выхода из драматического положения чеховские герои также не видели. «Как освободиться от невыносимых пут? Как? Как?» — этим вопросом Чехов заканчивает рассказ [5: с. 503]. Каренина, трагически ощущая безысходность создавшегося положения, почти этими же словами спрашивала Вронского: «Но как, Алексей, научи меня, как?» [4: с. 908].

Роман «Анна Каренина» заканчивается катастрофой. Заключительные строки чеховского рассказа говорят о смутных надеждах: «...казалось, что еще немного, и решение будет найдено» [5: с. 504].

У Набокова распространенный сюжет наполняется новым содержанием, поступки героев — иными мотивировками. Не случайно в предисловии к английскому варианту романа есть весьма значимая фраза: «Но Марта — это не Анна и не Эмма» [2: с. 63].

Марта вовсе не та цельная, одухотворенная захватившим ее чувством Анна Каренина, пожертвовавшая всем ради любви. Поведение героини четко регламентировано, а поступки продиктованы отнюдь не искренними проявлениями всепоглощающей страсти. Все представления Марты о жизни рассудочно примитивны и являются образчиком ужасающей и так ненавидимой Набоковым пошлости, задуманное ею преступление преследует меркантильные, корыстные цели. И в конечном итоге причиной ее гибели являются деньги и расчет.

Эмма, о которой упоминает В. Набоков, героиня романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», напротив, тяготится пошлостью окружающей жизни, грезит об экзотических странах, страстной романтической любви. Вот как оценивает этот персонаж Набоков в лекции о флюберовском романе: «Эмма Бовари неглупа, чувствительна, неплохо образованна, но душа у нее мелкая: обаяние, красота, чувствительность не спасают ее от рокового привкуса мещанства» [1: с. 205]. Однако трагическая судьба Эммы — это трагедия каждого человека, взыскующего лучшей жизни, более высокого счастья, другой действительности.

Е.В. Егорова считает роман «Госпожа Бовари» Г. Флобера неким «катализатором создания книги» [6: с. 459] Набокова. Роман Флобера как вероятный источник «Короля, дамы, валета» указывается самим писателем в предисловии к американскому изданию: «...Мои симпатичные маленькие подражания “Госпоже Бовари”, которых хорошие читатели не могут не заметить, являются сознательной данью Флоберу» [2: с. 63]. В тексте есть прямое указание на это сходство: общая черта в облике Марты и Эммы Бовари — черные волосы с четкой ниточкой пробора, собранные сзади в шиньон. Однако этим родство героинь исчерпывается.

Марта стремится к своему идеалу счастья: богатой обеспеченной жизни с послушным мужем. Марта — абсолютное олицетворение пошлости. Это подчеркивается полубредовым видением Франца, где Марта предстает в образе дамы, раскачивающей ногой в ажурном чулке, с поднесенной к пунцовым

губам рюмкой — типичная картинка на рекламных этикетках. Привкус пошлости особенно ощутим в описании обстановки Драйеров. Множество бесполезных предметов, которыми никто никогда не пользовался: разноцветные подушки, лампа в виде бронзового рыцаря с фонарем в руке, картины, напоминающие «жирную радугу, решившую в последнюю очередь стать яичницей или броненосцем» [3: с. 135–136], — все это, по мнению Марты, должно было удивлять и восхищать.

Пошлостью пронизаны и сами взаимоотношения Марты и Франца. Молодой племянник мужа для Марты не столько предмет внезапно нахлынувшего чувства, сколько средство в достижении цели, в реализации определенной жизненной модели. Вначале она хотела получить любовника, как это было принято («Смутная обида ей шептала, что вот у ее сестры было уже три любовника... а у молоденькой жены Вилли Грюна — два — и зараз») [3: с. 166]. Затем появляется идея сделать Франца своим мужем, даже, скорее, не мужем, а вещью, собственностью, управляемым автоматом. Бесчеловечность, автоматизм становятся подлинной сущностью Франца и Марты, что особенно наглядно проявляется в замысле убийства Драйера. Ситуация смерти мужа Марты разыгрывается на протяжении романа в разных вариантах и становится обыденной, способы умерщвления спокойно обсуждаются, как «рецепты в поварской книге» [3: с. 214].

Настоящая цель Марты и суть ее влечения к Францу в аллегорической форме выражены в эпизоде обучения молодого любовника танцам: «Неловкость, стыд, то чувство горбатости, которое было сперва, все это скоро пропало; зато прямая, стройная, но искусственная поступь, которой она учила его, поработила его всецело... Головокружение стало для него состоянием привычным и приятным, автоматическая томность законом естества; и Марта уже улыбалась, уже прижималась виском к его виску, зная, что он с ней заодно, что он сделает так, как нужно» [3: с. 207]. Танец с его хореографической запрограммированностью вырастает в емкий образ, развивающийся в русле одной из центральных тем романа — теме автоматизма и механистичности персонажей.

С этой темой непосредственно связаны образы вещного мира. Автор работы «Поэтика вещи в прозе В.В. Набокова» В.Б. Полищук выделяет «образы-доминанты вещных реалий» — «кукла» и «зеркало». Эти образы занимают в художественной ткани романа позицию инвариантов, создавая своеобразные синонимические ряды. Так, образ куклы является ядром следующего синонимического ряда: собственно кукла (детская кукла), манекен, статуя, шахматная фигура, карточная фигура, автомат [10: с. 154].

Восковые фигуры, манекены — это те образы, которые определяют художественную структуру романа. В некоторых эпизодах мы можем наблюдать их уподобление центральным героям романа, что доказывает наличие смысловой оппозиции «живое/мертвое», «одушевленное/неодушевленное».

Включение в названный синонимический ряд карточной и шахматной фигур (далеких, на первый взгляд, от куклы) объясняется в первую очередь их принадлежностью к категории неодушевленности.

Эти же образы лежат в основе мотива игры, который приобретает тотальное значение в поэтике писателя, начиная с первых его произведений. Как заметила Н. Букс, «игра в роман начинается с заглавия, “Король, дама, валет”», «прием игры делается одним из главных, моделирующих художественное пространство в “Короле, даме, валете”» [11]. Символика названия также подчеркивает его игровую направленность, заданную автором, который говорит в предисловии, что «сохранил эти три фигурные карты, все червонной масти, снеся мелкую пару», давая понять «уважаемым партнерам», что все происходящее не более, чем игра, блеф [2: с. 60].

Карточная игра — расширенная метафора всего содержательного плана романа. Дополняет игровую стихию романа метафора шахматной игры, которую использует автор при описании рождественского праздника в доме Драйеров. Поведение Франца и Марты на этой вечеринке как будто было подчинено неведомому закону: «Так шахматист, играющий вслепую, чувствует, как передвигается один относительно другого его конь и чужой ферзь. Был какой-то смутно-закономерный ритм в этих их сочетаниях — и ни на один миг чувство этой гармонии не обрывалось» [3: с. 203].

Игра в шахматы — одно из увлечений Набокова, и за образом шахматиста угадывается сам автор, а шахматная игра в данном случае — символ закономерного, упорядоченного движения героев, полностью подчиненных авторской воле (Франц-«конь», Марта — «ферзь», «королева», самая сильная шахматная фигура), и шире — символ творчества.

В одном синонимическом ряду с шахматной и карточной фигурами вполне органично присутствие еще одного элемента поэтики романа «Король, дама, валет» — геометрической фигуры: «Существовала будто незримая геометрическая фигура, и они были две движущиеся по ней точки, и отношение между этими двумя точками можно было в любой момент прочувствовать и рассчитать, и хотя они как будто двигались свободно, однако были строго связаны незримиыми, беспощадными линиями той фигуры» [3: с. 203].

Геометричность как метафора четкости художественного замысла, точного авторского расчета по ходу повествования обрastaет новыми вариациями — «паркет», «шахматная доска»: «Чуть ли не в первый раз она почувствовала нечто, непредвиденное ею, не входящее законным квадратом в паркетный узор обычной жизни» [3: с. 139]. Так, в романе «Король, дама, валет», как и в других произведениях Набокова, игра позволяет писателю показать мир, полностью преображенный творческой волей художника, подчиняющего своим правилам действия персонажей.

Ранее было отмечено, что немаловажную роль в образной структуре романа играют фигуры манекенов, восковых кукол. Порой мы видим явное

их уподобление героям романа, что создает смысловую оппозицию «одушевленное/неодушевленное», «одухотворенное/бездушное». Так, сравнение Франца с восковой куклой Набоков использует на протяжении всего повествования с поразительной настойчивостью, не зашифровывая, а нарочито демонстрируя этот прием. В самом начале романа во время первого визита Франца в дом Драйеров, в представлении Марты провинциал племянник — «теплый, податливый воск», из которого можно сделать все, что захочется.

Другой эпизод со всей наглядностью подчеркивает это уподобление, теперь уже с точки зрения Драйера: «Он (т. е. Драйер) остановился перед восковым молодцом, которого недавно передел в теннисный костюм: фланелевые штаны, белые туфли... Драйер вдруг с ужасом заметил, что на нем галстук. Он обернулся, другой молодой человек, по внешним признакам — живой и даже в очках, кивая, выслушал его короткое признание» [3: с. 219]. «Другой молодой человек» (т. е. Франц) — живой только по внешним признакам (невозможно не обратить внимания на явную ироничность фразы — живой «и даже в очках»).

Куклы, восковые фигуры соседствуют с героями и странным образом напоминают их, вызывая путаницу, смятение и невольный вопрос — где кукла, а где живой человек? Восковой манекен, к которому приближается Франц в магазине, напоминает герою господина в вагоне, мерзкая внешность которого вызвала в нем внезапный приступ тошноты. Неоднократно появляется в тексте кукла на ночном столике: «долголягий негр» во фраке. Негр, но уже живой, появляется в кабаке, где уединились Франц и Марта.

Оживающие манекены,двигающиеся как лунатики, созданные изобретателем как точное подобие людей, в художественной структуре романа приобретают особый смысл, раскрывая тему обездушенности и дополняя цепочку механических, неживых персонажей.

В романе примечательна одна особенность: если в изображении людей, в их психологических характеристиках мы постоянно сталкиваемся с уподоблением их мертвым фигурам, марионеткам, то в описании предметов неживого мира прослеживается обратная закономерность. В изображении живого и неживого мира Набоков использует художественный принцип, который мы определяем как принцип «стилизованной одухотворенности» и который является общим выражением двух разнонаправленных векторов в художественной системе романа: с одной стороны, очеловечивание предметов, неживых объектов (антропоморфизм), с другой — намеренное лишение героев живой души.

Стоит отметить, что в описании предметного, вещного мира у Набокова ясно ощутима некоторая теплота, нежность в интонации. Позволим себе привести два характерных в этом смысле примера: «Черная самопишущая ручка дремала на неоконченном письме. Круглая дамская шляпа, как ни в чем не бывало, выглядывала из-под стула. Какая-то пробочка, вымазанная

с одного конца синевой чернил, подумала-подумала да и покатила тихонько, полукругом по столу, а оттуда упала на стол... В шкафу, улучив мгновение, тайком плюхнулся с вешалки халат, что делал уже не раз, когда никто не мог услышать» [3: с. 174]. Или: «В кафе Марте дали не то пирожное, которое она заказала, и Марта взбесилась, долго звала метавшегося лакея, — и пирожное (прекрасный шоколадный эклер) лежало на тарелке, одинокое, ненужное, незаслуженно обиженное» [3: с. 256].

Такая трактовка предметного мира у Набокова не случайна. То, что заслуживает внимания и составляет особую прелесть жизни, очаровательные мелкие детали, не замечаются центральными персонажами. Чудесный мир, густыми красками описанный Набоковым, проходит мимо почти «мертвых» героев, лишенных творческой фантазии. Так, образы вещей в их соотнесенности с оппозицией «одушевленное/неодушевленное» перекликаются с мотивом зрения/слепоты. Зрение у Набокова предстает не только как физическая способность, но и как категория духовности, позволяющая характеризовать героя — наделенного зрением или слепого [10: с. 112].

С этой позиции Франц — слепой. Не случайно Набоков вводит в повествование эпизод с разбитыми очками. Во второй главе романа «незрячий» герой пытается сориентироваться среди смутных очертаний чужого города. Здесь каждый штрих, каждая деталь передает с микроскопической точностью ощущения полуслепого героя, на которого обрушилось настоящее буйство запахов и звуков. Призрачность, расплывчатость фона — это не только знак близорукости Франца, физической и душевной, но и примета некоего пограничного состояния между сном и явью. Сознание Франца раздваивается при восприятии действительности, словно у романтического героя, реальность обыденной жизни он представляет как кошмарный сон и ужас, его главным инстинктом становится фрейдовское чувство страха перед «грязноватой, прыщеватой жизнью» [3: с. 117].

Смысловая оппозиция «зрение/слепота» подводит нас к теме истинного зрения, отличающего подлинного творца от обывателя, чье эстетическое преступление — духовная слепота.

Синтезируя «различные проявления модернизма, В. Набоков не избежал влияния символизма. Писатель продолжает символистскую традицию А. Белого» [8: с. 55], на что указывает сквозной мотив сна в романе. «Выход из круговращений-тупиков и призрачной карнавальности А. Белый видит либо в физической смерти, либо в антропософском трансe, тождественном сну» [7: с. 56]. Герои пребывают в полусне, в полубреду. Часто сновидения героев несут в романе пророческий смысл (Сон Марты и полусон-полубред Франца в первой главе).

То, что проявилось уже в ранних рассказах Набокова и стало впоследствии приметой его художественной манеры, — колебание между сном и явью, реальностью и нереальностью происходящего, двоемирие, — в полной мере отражено во втором его романе.

Показателен в этом смысле еще один пример — роман К. Вагинова «Бамбочада» (1931). И.И. Матвеева, исследуя художественные особенности романа, указывает на стертость границ между явным и ирреальным в отдельных эпизодах. «Так реальность смешивается в сознании героя с иллюзиями, превращаясь в подобие балаганного театра, где люди уподобляются куклам, а он кукловоду» [9: с. 30–31]. Общие мотивы, образы, художественные приемы таких разных писателей — предмет отдельного изучения. В данном случае речь идет о родственной эстетической основе, модернистском восприятии мира, согласно которому «художественный мир обретал статус второй, подлинной, реальности», эмансипировался от действительности, претендовал на самоценность» [7: с. 87].

Принцип двоемирия, названный А. Белым определяющим в творчестве художника, является основой поэтики произведений В. Набокова. Вся образная структура «Короля, дамы, валета» указывает на ирреальность, вымышленность происходящего, в то время как в повествовании присутствуют детали, почти доказывающие его достоверность. Например, до скрупулезности точное описание местоположения особняка Драйеров, путь от квартиры Франца до дома Драйеров, такие подробности, как номера машин, трамваев, комнат в гостинице. Вполне реалистичен и Берлин 1920-х гг.

Художественный принцип двоемирия определяет мотив театральности, раскрывающий в системе двоемирия «высший мир» — мир творчества, искусства. «Уже однажды они Драйера удалили. Был покойник, были даже все внешние признаки смерти: тошнота смерти, похорон, опустевшие комнаты, воспоминание о мертвом. Все было уже проделано на голой сцене, перед темным и пустым залом» [3: с. 214]. Или: «Пять, шесть таких улиц, и чем дальше от моря, тем дешевле, словно море — сцена, а ряды домов — ряды в театре, кресла, стулья, а там уж и стоячие места» [3: с. 212].

Таким образом, в художественном пространстве романа «Король, дама, валет» и персонажи, и вещные реалии выполняют свою функцию, в конечном итоге создавая многослойную мотивную и образную структуру романа, геометрически сложный смысловой узор, в котором ярко выражена концепция творчества, искусства, возвышающего над обыденностью.

В одном интервью В. Набоков замечает: «Зачем я вообще пишу? — Чтобы получать удовольствие, чтобы преодолевать трудности. Я не преследую... никаких моральных уроков... Я просто люблю сочинять загадки и сопровождать их изящными решениями» [12: с. 47]. В этом плане «Король, дама, валет» — яркий пример эстетического кредо писателя.

Библиографический список

Источники

1. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 512 с.

2. *Набоков В.* Предисловие к английскому переводу романа «Король, дама, валет» («King, Queen, Knave») // В.В. Набоков: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. С. 63–67.
3. *Набоков В.* Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В.В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.
4. *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. М.: Наука, 1970. 912 с.
5. *Чехов А.П.* Рассказы, повести, пьесы. М.: Худ. лит., 1974. 752 с.

Литература

6. *Егорова Е.В.* Художественный мир Г. Флобера в романе В.В. Набокова «Король, дама, валет» // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 2. С. 459–463.
7. *Калинина К.С.* Черты модернизма в романе И.А. Новикова «Золотые кресты» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 1 (21). С. 87–93.
8. *Клименко А.В.* К вопросу о творческом методе Владимира Набокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 2. С. 55–57.
9. *Матвеева И.И.* Иронический модус в структуре образа главного героя романа К. Вагинова «Бамбочада» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 2 (26). С. 25–34.
10. *Полищук В.Б.* Поэтика вещи в прозе В.В. Набокова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2000. 176 с.
11. *Стрельникова Л.Ю.* Роман В. Набокова «Король, дама, валет»: игра как способ творческого преодоления достоверной картины жизни // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11. [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59457> (дата обращения: 29.09.2017).
12. *Шаховская З.А.* В поисках Набокова: Отражения. М.: Книга, 1991. 316 с.
13. *Эйхенбаум Б.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Сов. писатель, 1960.
14. *Clancy L.* The Novels of Vladimir Nabokov. London: Macmillan, 1984. 177 p.

References

Istochniki

1. *Nabokov V.* Lekcii po zarubezhnoj literature. SPb.: Azbuka-klassika, 2010. 512 s.
2. *Nabokov V.* Predislovie k anglijskomu perevodu romana «Korol', dama, valet» («King, Queen, Knave») // V.V. Nabokov: pro et contra. SPb.: RXGI, 1997. S. 63–67.
3. *Nabokov V.* Sobr. soch.: v 4 t. / otv. red. i sost. V.V. Erofeev. M.: Pravda, 1990. T. 1. 414 s.
4. *Tolstoj L.N.* Anna Karenina. M.: Nauka, 1970. 912 s.
5. *Chexov A.P.* Rasskazy', povesti, p'esy'. M.: Xud. lit., 1974. 752 s.

Literatura

6. *Egorova E.V.* Xudozhestvenny'j mir G. Flobera v romane V.V. Nabokova «Korol', dama, valet» // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16. № 2. S. 459–463.
7. *Kalinina K.S.* Cherty' modernizma v romane I.A. Novikova «Zoloty'e kresty'» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 1 (21). S. 87–93.
8. *Klimenko A.V.* K voprosu o tvorcheskom metode Vladimira Nabokova // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. 2008. № 2. S. 55–57.

9. *Matveeva I.I.* Ironicheskiy modus v strukture obraza glavnogo geroya romana K. Vaginova «Bambochada» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 2 (26). S. 25–34.

10. *Polishhuk V.B.* Poe'tika veshhi v proze V.V. Nabokova: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. SPb., 2000. 176 s.

11. *Strel'nikova L.Yu.* Roman V. Nabokova «Korol', dama, valet»: igra kak sposob tvorcheskogo preodoleniya dostovernoy kartiny' zhizni // Sovremennyy'e nauchny'e issledovaniya i innovacii. 2015. № 11. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59457> (data obrashheniya: 29.09.2017).

12. *Shaxovskaya Z.A.* V poiskax Nabokova: Otrazheniya. M.: Kniga, 1991. 316 s.

13. *E'jxenbaum B.* Lev Tolstoj. Semidesyaty'e gody'. L.: Sov. pisatel', 1960.

14. *Clancy L.* The Novels of Vladimir Nabokov. London: Macmillan, 1984. 177 p.

M.A. Strelnikova

**The Novel «King, Queen, Knave» by V. Nabokov:
Poetic Features**

The article analyzes the plot features of Vladimir Nabokov's novel «King, Queen, Knave (Korol', Dama, Valet)» within world literature traditions context and discusses motifs and imagery that define the distinct creative style of the writer. The heart of the novel poetic includes the duality of artistic space and the supreme reality of artistic creation concept.

Keywords: plot; artistic devices; motifs; thingish realities; symbolism traditions; Nabokov's «dual reality».

УДК 821.161.1

С.А. Мартьянова

Русская и мировая классика на страницах романа А.И. Солженицына «В круге первом»

Автор статьи анализирует природу присутствия текстов русской и мировой классики в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Показывает, как Солженицын отстаивает аутентичный характер прочтения классических произведений в противовес «археологическому» типу герменевтики, преобладавшему в официальном литературоведении и учебных программах советского периода. Подчеркивает родство поисков А.И. Солженицына с идеями русских философов начала XX в., писателей русского зарубежья и представителей независимой отечественной литературы.

Ключевые слова: литературная классика; реминисценция; интертекст; реальность.

Роман А.И. Солженицына «В круге первом» содержит множество отсылок к текстам Священного Писания, философским работам, произведениям мировой и русской классической литературы. Они присутствуют либо в форме прямых цитат в авторском повествовании, либо в репликах персонажей, либо обсуждаются героями произведения, либо угадываются как некие архетипы, положенные в основу художественного мира. Среди персонажей произведения есть писатели (или будущие писатели), филологи, философы, художники. На «сложную систему мотивных перекличек» в романе «В круге первом» обратил внимание А.С. Немзер [5: с. 116].

Объяснить феномен присутствия русской и мировой классики на страницах произведения Солженицына невозможно только обычными влияниями и заимствованиями или интертекстуальными связями. Намного важнее, на наш взгляд, поставить вопрос в другой плоскости: в чем необычность обращения писателя к наследию русской и мировой классики в контексте советской России? Частично на этот вопрос ответил Ж. Нива, сравнивший марфинскую шарашку с лицеем и академией: «В течение четырех лет Солженицын вел беседы с самыми образованными... Это обучение в виде диалога, на древнегреческий манер, описано в “Круге первом”» [6: с. 88]. Вместе с тем тюремный опыт и опыт «сократических диалогов» с узниками ГУЛАГа стал источником новых размышлений писателя о предшествующей литературе. Собственный опыт понимания формировался в русле полемики с официальной идеологией, предлагавшей (через школьные и университетские программы) свое прочтение классической литературы. Попробуем понять, как это происходит.

Иронический пассаж об изучении классики в советских школах включен в состав романа «В круге первом». Одна из героинь произведения, дочь высокопоставленного чиновника из министерства внутренних дел Клара, окончив школу, поступает на литфак, но быстро оставляет его, пережив разочарование. Солженицын включает в роман фрагмент о том, как преподавали литературу школьникам и студентам: «И вся-то литература состояла в школе из усиленного изучения, что хотели выразить, на каких позициях стояли и чей социальный заказ выполняли все писатели эти и еще потом советские русские и братских народов» [1: с. 243]. По мысли А.И. Солженицына, единственно возможный классовый подход превращал писателей в вечно ошибающихся «вампилов молодых душ» [1: с. 243].

Процитированный фрагмент таит в себе более глубокую мысль: литература, преподнесенная в свете готовых идеологических решений и схем, уводила человека от подлинной реальности и ничего не говорила «о самом главном в жизни», поэтому Клара не видит смысла в дальнейших занятиях филологией. Вместе с тем, как показал А.С. Немзер, повествовательной ткани романа свойственна «вибрация» между линией автора и героя [5: с. 116]. Автор разделяет с Кларой ее недовольство преподаванием литературы и поиск «главного в жизни», но сам не спешит расставаться с литературой как таковой. Точнее, писатель ставит вопрос о том, какой должна быть литература, способная сообщить о «главном в жизни». Ответ на него будет непростым, спрятанным в лабиринты полифонического произведения, требующего особой культуры читательского понимания.

Другим свидетельством об утрате подлинного понимания классики в советское время становится реакция Нержина на упоминание Сологдиным романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «“Бесов”?.. Да разве мое поколение...? Что ты! Да где было их достать? Это ж — контрреволюционная литература! Да опасно просто!» [1: с. 149].

Таким образом, А.И. Солженицын подвергает критике «археологически ориентированный» (если воспользоваться термином французского философа П. Рикера) тип герменевтики, возобладавший в советском литературоведении. Эта установка провоцировала разоблачение, снижение классики, подозрительное и отчужденное отношение к ее смыслам и ценностям. Именно такая картина, положенная в основу концепции школьного и университетского литературного образования, уводила литературу и ее читателей от «главного в жизни».

Напомним, что в 1920-е гг. согласно партийным директивам в советской России сформировались два основных типа отношения к классической традиции. Первый — радикальный, характерный для групп Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ. Второй — умеренный, связанный с утверждением преемственности, свойственный, например, участникам группы «Перевал». Но освоение классического наследия, о котором много говорили участники группы «Перевал», должно было идти рука об руку с его освобождением от реакционных элементов. Именно об этом

шла речь в статье А.К. Воронского 1924 г. «На перевале (дела литературные)». Средства старой литературы предполагалось только использовать для выявления «нового человека, зреющего в недрах пролетарско-крестьянской гущи» [4: с. 396–406].

Новая литература, как видно из программы «Передела», должна была опираться на внешние пласты классики, а не на ее сущностные элементы. Формы прежнего искусства были призваны выразить новое содержание: приближение «светлого будущего», «элементы завтрашней морали», «новый гуманизм». Позднее этот принцип был унаследован литературой социалистического реализма, прибегавшей к внешней традиционности для изображения «действительности в ее революционном развитии». Вот как Нержин представляет «драматический сюжет» «для соцреализма»: «Сегодня узнаю, что Ройтман, оказывается, живет в этом самом доме. И меня стало терзать, ну, просто, добросовестность создателя: или, если хочешь, вопрос престижа: скрипят там мои полы или не скрипят? Ведь если скрипят — значит халтурная настилка? И я бессилен исправить!» [1: с. 27].

Теория нового искусства началась с резкого отмежевания от классики, но потом позиция несколько смягчилась: возникло деление реализма на критический (с его двумя ветвями — буржуазно-дворянской и революционно-демократической) и социалистический. Но реализм прошлого третировался как себя исчерпавший. Место гуманизма XIX в. занял некий «конкретный гуманизм», возникающий на основе четкого классового самоопределения. Л.К. Чуковская, свидетель этих литературных процессов, с горечью написала в «Записках об Анне Ахматовой»: «Поколения, идущие следом за моим, утратили русскую классику... Теперешняя молодежь не может пробиться к классикам» [9: с. 218].

Подытоживая краткий экскурс в историю рецепции классики в советской критике и науке, скажем, что литературное наследие XIX в. нередко рассматривалось как нечто преодоленное, устаревшее, отжившее. Религиозно-философское наследие Серебряного века, литература русского зарубежья, как и произведения «репрессированной» литературы, были известны немногим и не входили в учебные программы. Вот почему «прорыв» Солженицына к классике представляется таким удивительным. Писатель не ограничивается критикой господствующей концепции. Полемика с идеологическими штампами выстраивается на другом уровне, где, собственно, и становится необходимым возвращение к аутентичному пониманию классической литературы.

Например, возвращение к Л.Н. Толстому совершается в особых экзистенциальных обстоятельствах: тюрьма, предсмертные состояния, решение вопросов о душе, смысле жизни, совести, правде и лжи. Идеология в лучшем случае могла предложить лишь эрзац-ответы на эти вопросы, а чаще всего попросту их игнорировала. Лучшие герои Солженицына, не поддающиеся воздействию идеологических подмен, открывают существование новой реальности, которая настойчиво напоминает им о вечной актуальности вопросов, поставленных

Толстым. Так, профессор Челнов, писавший в графе «национальность» не «русский», а «зэк», автор многих технических изобретений, восемнадцатый год находившийся в тюрьме, «утверждал, что выражение это — “вложить душу”, должно употребляться с осторожностью, что только зэк наверняка имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней... Челнов не скрывал, что это рассуждение он заимствовал у Пьера Безухова. Когда французский солдат не пустил Пьера через дорогу, известно, что Пьер расхохотался: “Ха-ха! Не пустил меня солдат. Кого — меня? Мою бессмертную душу не пустил!”» [1: с. 181–182]. Таким образом Солженицын перебрасывает мостик от героя Толстого к своему персонажу. Толстой одним из первых дал формулу внутренней свободы в условиях плена, и этот опыт оказался созвучен человеку XX в. Родство психологических переживаний Пьера Безухова и профессора Челнова позволяет отнести героев разного времени к одному психологическому типу, как будто подтверждая наблюдение современного теоретика литературы о типологии литературных героев: «Тип персонажа — понятие, позволяющее сблизить многочисленных литературных героев, часто перешагивая при этом через границы национальных литератур, нередко и через рубежи периодов, выделяемых при изучении литературного процесса» [8: с. 10]. Подобного рода «перешагивание» границ становится возможным благодаря близости опыта человеческого существования.

Еще раз обратим внимание, что речь идет не о заимствовании как таковом, а об актуальности и ценности открытия Толстого для обитателя марфинской шарашки. Профессор Челнов, как и многие другие герои «Круга первого», выпал из стандартной ячейки идеологического невода, но не потерял свое субстанциональное «я», а обрел его. Выразительной оказывается и семантика одежды Челнова: недорогой костюм, пиджак и брюки, не совпадающие по цвету, валенки, вязаная шапочка, «чудаковатый шерстяной плед, тоже отчасти похожий на теплый женский платок» [1: с. 182]. Солженицын подчеркивает, что герой при этом выглядел не смешным, а величественным и даже похожим то ли на Архимеда, то ли на Декарта. Что же придавало ему величия? Вероятно, это сознание внутренней правоты, особая подлинность личности, умение хранить «нерушимый покой в душе» в невыносимых обстоятельствах. Признание величия в скромной и вызывающе простой фигуре Челнова — это еще один знак возвращения Солженицына к толстовской традиции. Так, критик Н.Н. Страхов еще в XIX в. утверждал, что в словах «Нет величия там, где нет простоты, добра и правды» заключена главная мысль романа «Война и мир» [7: с. 329].

Возвращается к Толстому и одна из любимых Солженицыным героинь Агния. В споре с Антоном Яконовым она рассуждает о возможностях женщины, вспоминает Наташу Ростову и говорит, что обязательно отпустила бы Пьера в декабристы [1: с. 141]. Впрочем, ее избранник оказался ложным героем, он не стремится к подвигу, предпочитая ему путь партийного карьериста, сопряженный с нравственными компромиссами, ложью и подлостью.

В других случаях именно классическая литература подсказывает пути решения вопросов, ответы на которые мучительно ищут герои Солженицына. В записке Нержина о тайне русской революции 1917 г. отчетливо слышится реминисценция из романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Так и Россия, впервые взлетев к невиданной свободе, сейчас же и тут же оборвалась в худшую из тираний» [1: с. 28].

Русская и мировая классика выступает на страницах романа как некое целое, создающее определенную ценностную шкалу, не считаться с которой невозможно. Например, изображение Сталина как тирана в «сталинских» главах романа в высшей степени литературно, и это далеко не случайно. Предельно жестко и иронично Солженицын пишет о журналистах и писателях, прославлявших Сталина: «А русские писатели, смевшие вести свою родословную от Пушкина и Толстого, удручающе-приторно хвалословили тирана» [1: с. 213]. Рассказ об именинах Нержина на шарашке, напротив, согрет воспоминанием о лицейском братстве (глава 58 называется «Лицейский стол») и наполнена цитатами из «Евгения Онегина» Пушкина.

Восприятие литературы прошлого как некоего целого, берущего начало в древности, не впервые появляется в русской литературе. У романа А.И. Солженицына есть предшественники. В частности, сообщается о загадочных симпатиях Сталина к пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных» [1: с. 125]. Так неявно подается намек на роман «Белая гвардия», в тексте которого, по мысли современного исследователя, «собраны те старые имена, на которые опирается булгаковская новизна. “Капитанская дочка”, “Война и мир”, “Бесы” — не только исконные ценности мира Турбиных; писатель называет те жизненные пласты, которые обнажаются в вихре громоздящихся событий» [2: с. 410].

В текстах произведений Булгакова выявлены два типа реминисценций: основанные либо на точном лексическом совпадении, либо на идеологическом соответствии [2: с. 412]. Эта модель взаимодействия с предшествующей литературой унаследована и автором романа «В круге первом». При этом А.И. Солженицыным воплощены два типа событийности: внешний и внутренний. Внутренний предполагает повествование о разного рода поисках, прозрениях, открытиях, переменах. Они либо остаются достоянием внутреннего мира, либо обнаруживаются в диалогах героев. Произведения русской и мировой классики постоянно становятся незримыми участниками этого диалога.

Прозрения, догадки, открытия солженицынских героев — это не обычные переживания. Они близки к тому, что В. Дильтей называл словом *Erlebnis*, — моменту интенсивной жизненности, подъема, движения к целому [3: с. 248]. Так совершенно неожиданно и по-новому открывается героям романа смысл гетевского «Фауста»: «Но разобраться — не посмеялся ли Гете над человеческим счастьем? Ведь на самом-то деле никакой пользы, никакому человечеству. Долгожданную сакраментальную фразу Фауст произносит в одном шаге от могилы, обманутый и, может быть, правда обезумевший? — и лемуры тотчас же

спихивают его в яму. Что же это — гимн счастью или насмешка над ним?» [1: с. 37]. А художник Кондрашев, к примеру, отказывается считать Шекспира устаревшим писателем: «Что устарело? Злодейство устарело??? Да только в нашем веке оно и проявилось впервые, при Шекспире были телячьи забавы!» [1: с. 276].

Далеко не случаен в романе образ волшебного замка, обитатели которого творят «сказочные перемены: водопровод, канализацию, центральное отопление» [1: с. 50]. Образ оказывается многозначным, разомкнутым как в сторону персонажной, так и авторской сферы. Будучи спроецированным на автора, образ позволяет видеть в нем волшебника, «расколдовывающего» обитателей замка от злых чар. Этот волшебник возвращает людям вещи в их подлинном обличье и значении. Волшебные действия совершены автором не только по отношению к «сосланным навечно», но и по отношению к произведениям русской и мировой классики, которые, как казалось, могли быть утрачены навсегда. Здесь таится скрытое поэтическое начало романа «В круге первом».

Л. Лосев, много писавший о литературности сюжетных ходов романа «В круге первом», усматривал замысел писателя в идее спасения России через обращение ее к высокой культуре [10]. Добавим от себя: к высокой антропологической культуре, заключенной в произведениях мировой классики. Солженицын и его герои продолжают размышлять, сомневаться, искать вместе с героями мировой литературы и таким образом выявляют новые ее смыслы, неочевидные ранее. На этом пути творчество Солженицына перекликается с идеями русской философской критики Серебряного века и писателей русского зарубежья. Но эта тема заслуживает отдельного разговора.

Библиографический список

Источники

1. Солженицын А.И. В круге первом. М.: Наука, 1996. 611 с.

Литература

2. Альми И.Л. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и традиции русской классики // Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб.: Семантика-С; Скифия, 2002. С. 410–430.
3. Бибихин В.В. История современной философии (единство философской мысли). СПб.: Владимир Даль, 2014. 398 с.
4. Воронский А.К. На перевале (дела литературные) // Воронский А.К. Искусство видеть мир (о новом реализме). М.: Сов. писатель, 1987. С. 396–406.
5. Немзер А.С. Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2012. Вып. 1. С. 101–117.
6. Нива Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель. СПб.: Вита Нова, 2014. 336 с.
7. Страхов Н.Н. Война и мир. Сочинение гр. Л.Н. Толстого. Т. V, VI // Страхов Н.Н. Литературная критика. М.: Современник, 1984. С. 323–352.
8. Чернец Л.В. Тип персонажа и его эволюция // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 8–16.
9. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. М.: Согласие, 1997. Т. 1. 542 с.

Интернет-ресурсы

10. Лосев Л. Поэзия и правда у Солженицына. [Электронный ресурс]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (дата обращения: 18.11.2017).

References*Istochniki*

1. *Solzhenitsyn A.I.* V krughe pervom. M.: Nauka, 1996. 611 s.

Literatura

2. Al'mi I.L. Roman M. Bulgakova «Master i Margarita» i tradicii russkoj klassiki // Al'mi I.L. O poe'zii i proze. SPb.: Semantika-S; Skifiya, 2002. S. 410–430.

3. *Bibixin V.V.* Istoriya sovremennoj filosofii (edinstvo filosofskoj my'sli). SPb.: Vladimir Dal', 2014. 398 s.

4. *Voronskij A.K.* Na perevale (dela literaturny'e) // Voronskij A.K. Iskustvo videt' mir (o novom realizme). M.: Sov. pisatel', 1987. S. 396–406.

5. *Nemzer A.S.* Zhizn' i Poe'ziya v romane «V krughe pervom» // Solzhenitsyn'skie tetradi: materialy' i issledovaniya: [al'manax]. M.: Russkij put', 2012. Vy'p. 1. S. 101–117.

6. *Niva Zh.* Aleksandr Solzhenitsyn: Borec i pisatel'. SPb.: Vita Nova, 2014. 336 s.

7. *Straxov N.N.* Vojna i mir. Sochinenie gr. L.N. Tolstogo. T. V, VI // Straxov N.N. Literaturnaya kritika. M.: Sovremennik, 1984. S. 323–352.

8. *Chernecz L.V.* Tip personazha i ego evoluciya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (24). S. 8–16.

9. *Chukovskaya L.K.* Zapiski ob Anne Axmatovoj: v 3 t. M.: Soglasie, 1997. T. 1. 542 s.

Internet-resursy'

10. Losev L. Poe'siya i pravda u Solzhenitsyna. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1158 (data obrashheniya: 18.11.2017).

S.A. Martyanova

**Russian and World Classical Literature
in A.I. Solzhenitsyn's Novel «In the First Circle»**

The subject of the article is the presence nature of texts of Russian and world classics in A. Solzhenitsyn's novel «In the First Circle». The author of the article shows how Solzhenitsyn defends the authentic character of reading classical works in a counter to the “archaeological” type of hermeneutics, prevailing in official literary criticism and in educational programs of the Soviet time. It is emphasized, that the ideas of Solzhenitsyn and Russian philosophers of Silver Age, writers of the Russian diaspora, and representatives of independent national literature, have much in common.

Keywords: literary classical works; reminiscence; intertext; reality.

О политкорректности во французском туристическом дискурсе

Политкорректность — новое языковое явление, охватившее не только сферу политики, но и другие виды профессиональной деятельности, в частности сферу туризма и, как следствие, репрезентирующий ее туристический дискурс. Автор статьи останавливается на истории возникновения политкорректности, причинах ее распространения, рассматривает, как она проявляется во французском туристическом дискурсе.

Ключевые слова: политкорректность; французский туристический дискурс; эвфемизмы; табу; косвенный речевой акт.

В современную эпоху, насыщенную политическими событиями, в период, когда в одночасье возникают межконфессиональные, междонародные конфликты, стремительно свершаются революции, бурно реагирует общественность, обсуждая в социальных сетях поступок или проступок какого-либо медийного лица, как никогда остро встает вопрос о политкорректности.

Под достаточно новым понятием *политкорректность* (калька с англ. *political correctness* — соответствующий установленным правилам) понимают доктрину, возникшую в середине XX в., «согласно которой в обществе недопустимы никакие высказывания, оскорбляющие слух какой-либо группировки, национальности, как правило, меньшинства» [4: с. 10].

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, термин *политкорректность* «представляется неудачным из-за слова *политическая*, подтверждающего рациональный выбор по политическим (а значит, неискренним) мотивам в противоположность искренней заботе о человеческих чувствах, стремлению к тактичности, к языковому проявлению хорошего отношения к людям» [5: с. 277]. Однако он вытеснил предложенный лингвистами термин *языковой такт* (от англ. *linguistic tact*), став «привычным, устойчивым и заимствованным другими

языками» [5: с. 278]. Так, в современном французском языке используется термин *le politiquement correct* (или его краткая форма: *le p.c.*) [10].

Полагают, что у этого феномена несколько истоков.

Во-первых, существует мнение, что его появлению предшествовало зарождение во французском языке XVII в. прециозного (от фр. *précieux* — изысканный) стиля, для которого были характерны условность тематики, галантно-авантюрные сюжеты, изысканность языка и т. д. «В салоне маркизы де Рамбуйе, под влиянием дам, стремившихся облагородить и “отполировать” несколько грубоватые нравы и формы общения, царившие особенно при дворе Генриха IV, были поставлены под запрет все просторечные, фамильярные, архаичные выражения, а грубые, с их точки зрения, слова были заменены замысловатыми метафорами» [1: с. 203]. Такой зашифрованный язык знати высмеивал в своей комедии «Смешные жеманницы» Ж.-Б. Мольер.

Во-вторых, считают, что термин *политкорректность* пришел на смену понятию *langue de bois* (на русском языке — *дубовый язык*), под которым понимают стереотипизированную, клишированную, кодифицированную манеру общения, используемую на всех уровнях административного и политического аппарата и средств массовой информации [6: с. 147]. Особо подчеркивается причастность «деревянного языка» к советской политической пропаганде: «l'affreuse “langue de bois” des apparatchiki» (ужасный «деревянный язык» аппаратчиков) [7: с. 335].

В-третьих, предтечей рассматриваемого явления стала сложившаяся в США в середине 70-х гг. XX в. определенная историческая ситуация, когда студенты-иностранцы, представители чернокожего населения и секс-меньшинств стали решительно требовать корректного отношения к себе.

Итак, политкорректность проявляется в «стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и / или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [5: с. 278]. Вот уже на протяжении нескольких десятилетий она устанавливает определенные обязательные нормы лингвистического поведения, связанные прежде всего с эвфемизацией и табуизацией ряда слов и выражений, которые могут привести к разного рода непониманиям и конфликтам.

Рассмотрим это явление на материале французского туристического дискурса.

Отмечено, что «процесс глобализации мира задействовал туризм в качестве инструмента осуществления диалога» [3: с. 82]. Тем не менее в сфере туризма есть разговорные темы, нежелательные для публичного обсуждения. Опыт работы с французскими туристами утвердил нас во мнении, что одной из них является тема Второй мировой войны. Возможно, это объясняется неоднозначной трактовкой событий тех лет и роли стран — участников войны. Это также, безусловно, вопросы, касающиеся религии, политических взглядов, денег, болезней. Вовлеченные в сопутствующий отдыху вид деятельности [2: с. 182], туристы совсем не расположены думать о социальных проблемах.

Политкорректность, как упоминается выше, часто основывается на эвфемизации. Уточним, что под термином «эвфемизм» понимают нейтральное слово или выражение, используемое для замены другого — нетактичного, грубого, неприличного [11: с. 537], иными словами — для маскировки, завуалированного представления неприятных идей: «figure par laquelle on déguise des idées désagréables» (фигура, через которую представляют в ином свете неприятные идеи) [8: р. 241].

Как известно, самыми желанными туристами (поскольку они готовы отправиться в путешествие в любое время года) в Европе считаются люди пенсионного возраста. Во Франции их весьма почтено, без обидного намека на возраст, называют *seniors* (дословно: старшие) или *vétérans* (ветераны, люди старше 70 лет), а в России это люди, которым «пенсия назначена по старости» [5: с. 292]. По аналогии совсем юных туристов во французском туристическом дискурсе нередко называют *junior* (дословно: младшие): «Junior risque d'être rapidement fatigué» (Молодежь может быстро устать) [13].

Для обозначения категории людей, имеющих физические недостатки, используются следующие термины: *personnes à mobilité réduite* (люди с ограниченной мобильностью, с ограниченными возможностями); *handicapés* (лица, имеющие физический или умственный недостаток); *les personnes en difficulté* (лица, испытывающие трудности) вместо *invalides* (инвалиды) и *infirmes* (немошные); *non-voyants* (невидящие, слабовидящие) вместо *aveugles* (слепые); *malentendants* (слабослышащие) вместо *sourds* (глухие). В гостиницах клиентам с избыточным весом, которых толерантно называют *personnes enveloppées* (упитанные, полные люди) или *fortes* (сильные) вместо *grosses* (толстые) или *obèses* (тучные), предложат просторные кровати как для королей — *lits king size* (кровати королевского размера) или *lits américains* (американские кровати).

С целью избежать дискриминации женщин, представляя их как замужних или незамужних, общепринятым в сфере туризма стало унифицированное обращение *Madame* (госпожа). Неуместным считается устаревшее обращение *Garçon* (официант, гарсон) к официанту (заменяется на *Monsieur* (господин)).

При образовании существительных, обозначающих профессии в сфере туризма, гостиничного и ресторанного бизнеса, а также туристов, практикующих определенный вид туризма, широко используется суффикс *-iste*, универсальный для обозначения представителей обоих родов: *réceptionniste* (администратор гостиницы), *excursionniste* (экскурсант), *bagagiste* (носильщик багажа), *caviste* (кавист, смотритель винного подвала), *voyagiste* (агент по организации турпоездки), *congressiste* (участник конгресса, делового туризма), *croisiériste* (участник круиза), *curiste* (курортник), *vététiste* (велосипедист).

Для того чтобы повысить статус непрестижных профессий, вводят новые термины: к примеру, в объявлениях о приеме на работу горничных все чаще встречается *technicien(ne) de surface* (техник по уборке помещений) вместо *valet de chambre* (горничный, лакей) и *femme de chambre* (горничная).

В декабре 2008 г. французская Национальная компания железных дорог (*SNCF*) ввела новую должность — *régulateur de flux*. В должностные обязанности этого специалиста входит помощь в быстрой посадке пассажиров в поезд и их высадке из поезда, особенно в час пик. Так, обыкновенный *pousseur* (толкач) превращается в *régulateur de flux* (регулирующего людских потоков) [1: с. 205].

Одним из проявлений политкорректности во французском туристическом дискурсе является социальная установка на повышение привлекательности Франции и определенных ее территорий. К примеру, «департамент *les Côtes du Nord* стал именоваться *les Côtes d'Armor*, поскольку *Ceвер (Nord)* в названии был не очень притягателен для туристов, *les Basses Alpes* и *les Basses Pyrénées* стали называться соответственно *les Alpes de Haute Provence* и *les Pyrénées Orientales*, чтобы их жители не чувствовали себя ниже (и не только географически) своих соседей, кроме того, *Восток* и *Прованс* звучат очень заманчиво для туристов» [6: с. 147]. Повышению притягательности французской провинции способствует современный французский кинематограф. Так, после выхода в свет в 2008 г. побившей все рекорды французских фильмов комедии «Бобро поржаловать» (фр. *Bienvenue chez les ch'tis*, где слово *ch'tis* означает северофранцузский диалект) Север Франции вновь вошел в моду, и это, в свою очередь, сказалось на притоке туристов.

Как полагает Т.М. Матвеева, использование эвфемизмов продиктовано не собственно языковыми и не эстетическими, а этическими причинами, поскольку «эвфемизация — сугубо культурное явление» [11: с. 538]. Наряду с этим существует мнение, что подчеркнутая вежливость, заботливое, чуткое отношение к индивиду в западноевропейских языках обусловлены не только высоким уровнем социальной культуры стран, провозглашающих культ отдельной личности, но и коммерческим интересом к потенциальному туристу, клиенту, посетителю ресторана [5]. К примеру, путешествующие в зависимости от выбранных ими тарифов на транспорте делятся на две категории: *première classe* (первый класс) / *classe affaire* (бизнес-класс) и *classe touriste* (класс для туристов) / *classe économique* (экономкласс). В зависимости от их финансовой возможности им предложат *hébergement de prestige* (престижное жилье), *hôtel tout confort* (комфортабельную гостиницу) или *résidence touristique* (гостиницу экономкласса), *location standard* (бронирование стандартного номера в гостинице) [16].

Эвфемизмы могут быть как лексикализованные (*lexicalisés*), так и синтаксические (*syntactiques*) [8: р. 242]. В первом случае это замена табуированной лексики или неприемлемого понятия нейтральным словом или выражением, во втором — обращение к косвенным речевым актам (комплименты, благодарности, пожелания), соблюдение правил речевого этикета (принципов вежливости и кооперации П. Грайса, Г. Лича, Р. Лакофф, использование выражений вежливости) [9: р. 440–441].

Примеры использования лексикализованных эвфемизмов были приведены ранее. Полагаем, что к этой группе также близки по цели употребления (в частности,

способствующие успешному интерактивному общению) лексические единицы со смягчающим значением (фр. *les adoucisseurs*). Например: *les petits tarifs de l'hôtel* (невысокие гостиничные тарифы), *les prix mini* (минимальные цены).

Встречаем также во французском туристическом дискурсе случаи использования и синтаксических эвфемизмов: «*Ami touriste, merci de nous aider à préserver la Corse telle que vous l'aimez!*» (Друг-турист, спасибо за то, что помогаете нам сохранять Корсику такой, какой Вы ее любите!) [13]. В данном примере использована стратегия коммуникативного сотрудничества с адресатом: автор не только показывает свое уважительно-дружеское отношение (*Ami touriste, vous*) к адресату (потенциальному туристу), но и пытается в смягченной форме, благодаря использованию формулы вежливости *merci*, подсказать адресату совершить желаемые для адресанта (автора сообщения) действия.

Представляется важным отметить тот факт, что в последние годы происходит чрезмерное увлечение политкорректной лексикой, как, например, в случае с французской лексемой *espace (m)* (пространство, зона): *espace ludique* (зона для развлечений) вместо *salle de jeux* (игровой зал); *espace fumeurs* (зона для курящих) вместо *fumoir* (курилка, курительная комната); *espace de relaxation* (зона расслабляющего отдыха) вместо *salon* (кабинет массажа); *espace de culte* (место богослужения) вместо *église* (церковь); *espace de représentation* (место представлений) вместо *théâtre* (театр) [6: с. 147], *espace enfant* (зона для детей), *espace client* (зона для клиентов), *espace détente* (зона для отдыха), *espace de bien-être* (оздоровительный центр), *espace affaires* (бизнес-центр) [14].

Вышеупомянутая тенденция наблюдается не только во французском языке, но и в других европейских языках. Так, в газете *Independent* сообщается о намерении Государственного музея Нидерландов в Амстердаме переименовать все имеющиеся в его коллекции произведения искусства, чьи названия не соответствуют нормам политкорректности. Программа под названием «Корректировка колониальной терминологии» должна затронуть до 220 тысяч произведений искусства. Так, из описаний экспонатов будут исключены такие слова, как *негр, индеец, карлик*, и многие другие лексемы с негативной коннотацией. В качестве примера приводится картина 1900 г. «Молодая негритянка», которая теперь будет называться «Девушка с веером» [12]. Ту же участь предрекают 14 картинам датских художников, созданным в период с 1609 по 1959 г. и входящим в коллекцию Национального художественного музея г. Копенгагена [15].

Таким образом, идеология политической корректности, получившая широкое распространение по всему миру, нашла свое отражение не только в политике, но и в других сферах использования современных языков, которые подвергаются существенным изменениям, что было наглядно показано на материале французского языка в предметной области туризма.

Библиографический список*Литература*

1. *Арсентьева М.В.* К понятию LE POLITIQUEMENT CORRECT // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 202–206.
2. *Викулова Л.Г., Погодаева С.А.* Туристические проспекты и брошюры как дискурсивные жанры // Эффективность коммуникации: сб. ст. М.: МГПУ, 2008. С. 176–182.
3. *Викулова Л.Г., Троепольская Ю.Б.* Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.
4. *Кончаловский А.* Новая диктатура // Аргументы недели. 2007. № 4. С. 10.
5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во МГУ, 2014. 352 с.
6. *Шапина Л.Н.* Эвфемизмы в социальных сферах деятельности: политкорректность и «деревянный язык» (на примере французского языка) // Вестник Аддыгейского государственного университета. Сер. 2. «Филология и искусствоведение». 2008. № 1. С. 147–150.
7. *Fiala P.* Langue de bois // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 335–337.
8. *Kerbrat-Orecchioni K.* Euphémisme // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 241–242.
9. *Kerbrat-Orecchioni K.* Politesse // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 439–443.
10. *Oulahbib L.-S.* Le politiquement correct français. Épistémologie d'une cryptoreligion. Paris: L'Harmattan, 2012. 150 p.

Справочные и информационные издания

11. *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

Интернет-ресурсы

12. Голландский музей переименует картины ради политкорректности. [Электронный ресурс] // Мир 24. 2015.12.14. URL: <https://mir24.tv/news/13659883/gollandskii-muzei-pereimenuet-kartiny-radi-politkorrektnosti> (дата обращения: 25.09.2017).
13. GoVoyages. [Электронный ресурс]. URL: <https://govoyages.com/blog/2016/12/02> (дата обращения: 25.09.2017).
14. Groupon. [Электронный ресурс]. URL: <https://groupon.fr> (дата обращения: 25.09.2017).
15. Quand le politiquement correct prime sur l'art. [Электронный ресурс] // Sputniknews. 2016.06.08. URL: <https://fr.sputniknews.com/societe/201606081025669319-danemark-musee-negre-supprimer-art> (дата обращения: 26.09.2017).
16. Ski Planet. [Электронный ресурс]. URL: <https://ski-planet.com/fr> (дата обращения: 26.09.2017).

References

Literatura

1. *Arsent'eva M.V.* K ponyatiyu LE POLITIQUEMENT CORRECT // Aktual'ny'e problemy' filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. S. 202–206.
2. *Vikulova L.G., Pogodaeva S.A.* Turisticheskie prospekty' i broshyury' kak diskursivny'e zhanry' // E'ffektivnost' kommunikacii: sb. st. M.: MGPU, 2008. S. 176–182.
3. *Vikulova L.G., Troepol'skaya Yu.B.* Turisticheskij katalog v publichnom medijnom prostranstve // Chelovek v informacionnom prostranstve: sb. nauch. tr. Yaroslavl': YaGPU, 2016. S. 80–87.
4. *Konchalovskij A.* Novaya diktatura // Argumenty' nedeli. 2007. № 4. S. 10.
5. *Ter-Minasova S.G.* Yazy'k i mezhkul'turnaya kommunikaciya. M.: Izd-vo MGU, 2014. 352 s.
6. *Shapina L.N.* E'vfemizmy' v social'ny'x sferax deyatel'nosti: politkorrektnost' i «derevyanny'j yazy'k» (na primere francuzskogo yazy'ka) // Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2 «Filologiya i iskusstvovedenie». 2008. № 1. S. 147–150.
7. *Fiala P.* Langue de bois // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 335–337.
8. *Kerbrat-Orecchioni K.* Euphémisme // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 241–242.
9. *Kerbrat-Orecchioni K.* Politesse // Dictionnaire d'Analyse du Discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 439–443.
10. *Oulahbib L.-S.* Le politiquement correct français. Épistémologie d'une cryptoreligion. Paris: L'Harmattan, 2012. 150 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. *Matveeva T.V.* Polny'j slovar' lingvisticheskix terminov. Rostov n/D.: Feniks, 2010. 562 s.

Internet-resursy'

12. Gollandskij muzej pereimenuet kartiny' radi politkorrektnosti. [E'lektronny'j resurs] // Mir 24. 2015.12.14. URL: <https://mir24.tv/news/13659883/gollandskii-muzei-pereimenuet-kartiny-radi-politkorrektnosti> (data obrashheniya: 25.09.2017).
13. GoVoyages. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://govoyages.com/blog/2016/12/02> (data obrashheniya: 25.09.2017).
14. Groupon. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://groupon.fr> (data obrashheniya: 25.09.2017).
15. Quand le politiquement correct prime sur l'art [E'lektronny'j resurs] // Sputniknews. 2016.06.08. URL: <https://fr.sputniknews.com/societe/201606081025669319-danemark-musee-negre-supprimer-art> (data obrashheniya: 26.09.2017).
16. Ski Planet. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://ski-planet.com/fr> (data obrashheniya: 26.09.2017).

S.A. Pogodaeva

About Political Correctness in French Tourism Discourse

The article deals with the new linguistic phenomenon — political correctness that covers not only the sphere of politics, but other types of professional activities, particularly, tourism and, as a consequence, its representation — tourism discourse. The author describes when, where and why PC appeared, considers how it manifests in the French tourism discourse.

Keywords: political correctness; French tourism discourse; euphemisms; taboos; indirect speech act.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА. ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81'1

Л.И. Осипова

Эволюция социальных типов языка

В статье рассматриваются социальные типы языка, их эволюция, гендерная дифференциация; народный язык; национальный и литературный язык, языковая норма, социальные диалекты и жаргоны.

Ключевые слова: этносы; гендерные различия в языке; территориальные и социальные диалекты.

Человеческое общество на разных этапах исторического развития характеризуется через типы общественно-экономической формации и общественно-экономического уклада. Чтобы выяснить, как функционирует язык в обществе, необходимо учитывать категорию формации, особенности хозяйственно-культурного типа.

При построении классификации социальных типов языка нужно опираться на внеязыковой, экстралингвистический критерий, учитывая при этом и собственно лингвистические особенности языка.

Язык первобытных людей имел особенности, связанные с внутренней жизнью племени и рода. Существовали некоторые отличия в области лексики между языками экзогамных групп, позже появились различия в языке мужчин и женщин одного племени, а также различия в языке разных возрастных групп. Таким образом, внутри племени существовало различие групповых языков, возникшее на разных исторических этапах.

Подобные явления наблюдаются и в наше время. «В языке кочующих охотников и рыболовов юкагиров, или одулов (на северо-востоке Сибири), палатальные взрывные звуки типа русск. *ть, дь* принадлежат только языку мужчин, женщинами они произносятся как *ц, дз*, а стариками — как *чь, джь*» [4: с. 167].

Отличие женской речи от мужской (гендерная дифференциация) обусловлено не биологическими, а социальными причинами. Одним из первых исследователей, проявивших внимание к этим различиям, был Э. Сепир, который, изучая язык аборигенов острова Ява, отметил формы слов, употребляемых

преимущественно либо женщинами, либо мужчинами. В 1922 г. О. Есперсен в своей книге «Язык: его суть, происхождение и развитие», опираясь на сведения миссионеров и путешественников, приводит примеры мужских и женских языков индейцев, подчеркивая, что в некоторых индейских племенах женщинам запрещалось использовать «мужские» речевые средства, и наоборот. Например, в племени чикито в Боливии мужчинам разрешалось употреблять одни суффиксы, а женщинам — другие [3: с. 259].

Современные ученые, проводя сравнительно-сопоставительное изучение речи женщин и мужчин, обнаружили различия на самых разных уровнях языка: фонетическом (акустико-просодические различия); лексическом (разный объем и организация словаря); грамматическом (можно говорить о мужском и женском синтаксисе).

Но вернемся к языкам родоплеменного строя. Еще одной отличительной чертой упомянутых языков является быстрое обновление лексики, чему способствуют постоянные контакты, отсутствие письменности, фиксирующей язык, и в особенности табу — общественный запрет на определенные слова. «Запрету могли подвергаться названия животных, вещей, событий, действий, дней, времен суток, и не только имена существительные, но и глаголы и наречия» [4: с. 169].

Табуирование названий животных (*медведь — хозяин, он, сам; заяц — ушкан, косой*) — это запреты промысловые, хозяйственные. Другой тип табу — домашнее, бытовое, ср.: *не к ночи будь помянут, паче чаяния* — желание предотвратить злое дело, страх перед неизвестным. Промысловые табу — принадлежность мужской речи, бытовые — женской.

Объединение племен в племенные союзы сопровождается контактами, взаимодействием не близко родственных и вообще не родственных языков (скрещенные языки), при этом побежденный язык исчезает, а язык-победитель становится общим языком новой этнической общности людей.

Однако в языке-победителе происходят изменения под влиянием побежденного языка (обычно в области фонетики и лексики). Например, на всех завоеванных Римом территориях победил латинский язык, однако на каждой из них он несколько видоизменился под влиянием побежденного языка. В результате появились родственные, но различные романские языки — французский, испанский, румынский. По мнению лингвистов-палеонтологов, подобные явления имелись и на стадии родоплеменного строя.

Первобытно-общинное бесклассовое общество сменилось древнейшим классовым — рабовладельческим строем. В Древней Греции и Риме сложилось рабовладельческое государство так называемого западноевропейского типа, от которого несколько отличался восточный тип древнего государства. Главные признаки государства — общественная власть, отделенная от народа, и место постоянного жительства (а не принадлежность к родовым связям).

Для древних государств характерна тенденция к созданию государственного языка. На Востоке таким языком стал уйгурский (VIII–XIII вв. н. э.), на Западе — латинский и отчасти древнегреческий.

Создание единого государственного языка — явление огромного культурно-исторического значения. Латинский язык был языком нации, литературы и культуры. И после падения Западной Римской империи латинский язык не утратил своего значения, вплоть до XVIII в. оставаясь языком дипломатии и международным языком нации. Наконец, латинский язык, наряду с древнегреческим, с давних пор и до настоящего времени служит источником для образования международной общественно-политической и научной терминологии. Так, в русский и другие европейские языки вошли многие слова латинского происхождения: *конституция, реформа, конференция, армия, легальный, студент, аудитория, доктор, артист* и др.

Вместе с возникновением государственного языка появилось понятие нормы и стиля языка и речи. Стало важным не только *что* сказать, но и *как*. Норма предполагает три основных понятия — вариативность, идеал и традиция. Норма не имеет классового характера, всегда традиционна, хотя исторически изменчива, что обусловлено изменчивостью и развитием языка.

Римские писатели периода империи были превосходными стилистами, римские грамматисты развили учение о трех стилях — «простом», «умеренном», «возвышенном». Именно эта классификация легла в основу теории классицистов во Франции, а затем и в России.

Таким образом, появление древних государств сопровождалось созданием общего государственного языка (уйгурского — на Востоке, латинского — на Западе). Для дальнейшего развития языка было чрезвычайно важным появление понятия нормы и стиля языка и речи, совершенно не свойственное языковому сознанию родоплеменного строя.

В Средние века с развитием частнособственнических отношений и переходом к оседлости образуются феодальные государства и формируется новый тип социальной общности — народность. Под *народностью* понимается общность людей, исторически сложившаяся в результате разложения племенных отношений на базе единства языка, территории и общности экономической жизни.

Однако наряду с тенденцией к созданию единого языка в феодальном обществе наблюдается тенденция к двуязычию, или диглоссии. Такое парадоксальное положение объясняется следующими причинами. Феодальное общество характеризуется иерархией: верхушка общества — феодалы — противостоит основной массе населения — крестьянам и горожанам. Социально-экономическое положение, быт, культура и самосознание феодальной знати и народа резко различались. Эти различия коснулись и языка: знать пользовалась особым языком, отличным от языка народа. В качестве языка верхушки общества — феодалов — часто использовался чужой литературный язык: в Индонезии до XV в. — санскрит, в Англии после завоевания ее норманнами — французский язык (языком коренного населения оставался древнеанглийский), «на Руси те же функции, что латынь на Западе, выполнял старославянский, или церковнославянский язык» [4: с. 186].

Таким образом, у высшего социального слоя был свой единый язык. В свою очередь, народный язык, складывающийся из диалектов, формировался и у более низкой социальной группы: крестьян, горожан, бюргерства, зарождающейся буржуазии.

В сосуществовании, а затем противоборстве двух языков (литературно-письменного и народного) к концу феодального периода побеждает народный язык, который в итоге становится литературно-письменным. Процесс этот — долгий, сложный и недостаточно изученный.

Народный язык в эпоху феодализма существовал в рамках административных единиц (княжество в Европе, каганат на Востоке). Литературно-письменный язык охватывал несколько стран: у иранских и тюркских народов — арабский, а у части из них — уйгурский; у японцев и корейцев — классический китайский; у латышей, эстонцев, чехов — немецкий; у романских народов — латинский. «Таким образом, если в период ранних государств (например, в Риме) для создания единого языка народности требуется преодоление лишь территориальных барьеров — как бы “по горизонтали”, то в феодальном обществе для этого требуется, кроме территориального движения “по горизонтали”, еще и преодоление барьеров между социальными средами употребления народного и литературно-письменного языка — движение “по вертикали”» [4: с. 188].

Влияние литературно-письменного языка на народный способствует обогащению его словаря, перестройке семантической системы, появлению двух подсистем словообразования: книжной и народной. Сравним в русском языке (в каждой паре первое слов принадлежит к книжной, второе — к так называемой народной подсистеме); *бразды* – *борозды*, *влачить* – *волочить*, *краткий* – *короткий*; ср. также старославянские и русские слова: *град* – *город*, *брег* – *берег*, *рождать* – *рожать* и т. п.

Итак, в результате языковых контактов и взаимовлияния преодолевается двуязычие (а иногда и трехязычие, как во Франции XI–XII вв.) феодального общества и из языка народности образуется единый национальный литературный язык с тонко разграниченной синонимией и стилистикой.

Нация (лат. *natio* — народ) как общественная и историческая категория возникает в эпоху капиталистической формации и характеризуется общностью языка, территории, экономического уклада, культуры, психологического склада. Вместе с нацией формируется национальный язык.

Первые национальные государства возникли в Европе — в Англии, Франции, Италии. Преобразование великорусской народности в русскую нацию началось в XVII в.

Национальный язык — это язык, «являющийся средством общения нации и выступающий в двух формах: устной и письменной. Национальный язык формируется вместе с образованием нации, являясь одновременно предпосылкой и условием ее возникновения и существования, с одной стороны, и результатом, продуктом этого процесса — с другой.

Понятие “национальный язык” относится к формам существования языка и являет собой некий тип бытия языка, противопоставляемый другому или другим типам существования (язык рода, племени, народности), а также другим национальным языкам (испанский в отличие от каталонского, русский в отличие от украинского и др.) [5: с. 326].

Каждый национальный язык прошел свой путь становления и развития.

Исторически сложилось несколько способов образования национального языка. Основные из них:

1) развитие национального языка на базе языка народности («из готового материала») — романские и германские языки (ярким примером может служить французский язык);

2) формирование национального языка на базе смешения разных наций и их языков (например, английский национальный язык возник в результате взаимодействия языков англичан, скандинавов и норманнов);

3) «концентрация диалектов», в результате чего появляется единый национальный язык, например русский и многие другие славянские языки. Русский национальный язык сложился в XVI–XVIII вв. в связи с образованием Московского государства, считается, что в его основе лежит московский говор.

Если язык народности использовался преимущественно в сфере устного общения, то «национальный язык обслуживает нацию не только в сфере устного общения, а обязательно и в сфере письменного общения в качестве ее литературного языка» [2: с. 208].

Повышение грамотности и распространение письменности обусловили формирование литературных национальных языков. Литературный, или литературно-письменный, язык существовал и в донациональную эпоху, например в Уйгурском государстве, Древней Греции, Киевской Руси, однако для народа он был чужим. Лишь в эпоху образования наций происходит сближение литературного языка с народным, укрепление его народной основы. Народный язык используется в художественной литературе, науке, и закономерно встает вопрос о единой норме литературного языка в его письменном, а затем и в устном употреблении.

Литературный язык — это образец, на который ориентируется население страны. А в состав национального языка, кроме литературного, входят территориальные диалекты, социальные жаргоны и просторечие.

Главным признаком литературного языка является нормированность, т. е. соответствие языковых средств и правил их употребления общепринятым языковым нормам.

Языковую норму определяют как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации», или как «совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом» [5: с. 337]. Языковое явление признается нормативным, если оно отвечает трем требованиям: соответствует

структуре данного языка; в процессе коммуникации регулярно и массово воспроизводится; одобряется обществом. Языковая норма определяется не только лингвистическими, но и социальными факторами (общественное одобрение). Опираясь на норму, говорящий (пишущий) или использует единственно возможные языковые единицы, или выбирает предпочтительные варианты языковых средств: слов, словоформ, синтаксических конструкций.

Вариантность — сосуществование параллельных способов выражения, имеющих одинаковое лексическое значение и являющихся следствием языкового развития. Вариантность прослеживается на всех уровнях языка, например, варианты акцентологические: *твóрог* – *творóг*, *свёкла* – *свеклá*, *мышление* – *мышлénие*; фонетические: *яи[ч]ница* – *яи[ш]ница*; варианты грамматических форм: *каплет* – *капает*, *плещет* – *плескает*, *уведомь* – *уведоми*, *естествен* – *естественен*; *накаплять* – *накапливать* (ср. противопоставленные в нормативном отношении варианты: *класть* – *ложить*); синтаксические варианты: *ждать поезд* (*поезда*); *исполненный отваги* (*отвагой*), *две светлые* (*светлых*) *комнаты* и т. п.

К основным причинам изменения языковых норм относят действие закона экономии языковых средств (*зачетная книжка* – *зачетка*), закона аналогии, т. е. уподобление одной формы языкового выражения другой, соотносящейся с первой в формальном и содержательном плане (выравнивание ударений, употребление грамматических форм и форм управления: *чаю* – *чая*, *поражаться чем, чему*), и влияние экстралингвистических, социальных факторов, способствующих так называемой демократизации языка.

Литературный язык, в отличие от других форм национального языка, подчиняется кодифицированной норме — систематизированной, научно обработанной специалистами. Кодификация фиксирует уже сложившиеся в процессе общественной языковой практики явления, характеризующиеся частотностью употребления в синхронном (современном) плане. Нормы кодифицированного языка закреплены в грамматиках, справочниках, словарях различных типов (орфоэпических, орфографических, толковых и др.).

Между нормой литературного языка и употреблением языка всегда есть расхождения, зависящие от структуры общества, состояния культуры в социуме.

Итак, еще раз перечислим основные свойства литературного языка:

- 1) кодифицированная нормированность, закреплённая в словарях и грамматиках;
- 2) полифункциональность: литературный язык обеспечивает коммуникацию всех членов языкового коллектива вне зависимости от профессиональной, территориальной или социальной принадлежности;
- 3) историческая устойчивость, традиционность, своеобразный консерватизм, что обеспечивает не только полноценное общение членов языкового коллектива, но и преемственность между разными его поколениями.

Национальному языку свойственна территориальная и социальная дифференциация.

Литературному языку противопоставляются *диалекты* (от греч. *dialectos* — говор, наречие) — разновидность языка, «употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной социальной или профессиональной общностью. Различаются территориальные и социальные диалекты» [5: с. 132].

Территориальный диалект — разновидность языка, присущая жителям определенной местности, как правило, это «крестьяне старшего поколения» [1: с. 46]. Территориальные диалекты отличаются друг от друга и от литературного языка фонетически, лексически и грамматически.

Для северновеликорусских говоров характерно разграничение [о] и [а] в неударной позиции (*ко́рoва*), т. е. так называемое оканье, и неразличение в произношении *ч* и *ц* (*цай*, *чапля*); в южновеликорусском наречии на месте взрывного [г] произносят фрикативный [γ] (*γоворит*). Есть несовпадения и в лексике: в северных диалектах: *петух*, *волк*, *изба*; в южных соответственно: *кóчет*, *бирюк*, *хáта*. Наблюдаются также морфологические и синтаксические различия, все они подробно рассматриваются в специальном разделе науки о языке — диалектологии.

Находит свое отражение в языке и неоднородность социального состава языкового коллектива. Принято выделять следующие виды *социальных диалектов* (жаргонов), отличающихся от литературного языка наличием специфических слов и выражений:

- *профессиональные лексические системы* или язык охотников, рыболовов, плотников, коноводов и др.;
- *групповые (корпоративные) жаргоны* учащихся, студентов, спортсменов, солдат и др.; т. е. главным образом молодежных коллективов;
- *жаргон (арго) деклассированных элементов*, людей, принадлежащих к уголовному миру.

Под *жаргоном* понимается речь определенной социально-профессиональной или социально-возрастной группы. *Арго* — речь представителей преступного мира (арго воровское, тюремно-лагерное, блатное). Арго свойственна грубая, вульгарная лексика, пополняемая за счет переосмысления общеупотребительных слов и заимствования из территориальных диалектов (например, слово *баланда* в рязанских и тамбовских диалектах означало род ботвины, холодец из заквашенных на муке отвара свекольной и иной ботвы с окрошкой). Жаргонные слова, употребленные в литературном языке, называются *жаргонизмами*.

Одной из форм национального языка, помимо рассмотренных, является *просторечие*, или народно-разговорный язык, — устная некодифицированная сфера общенациональной речевой коммуникации. В просторечии представлены все уровни языка (*про́цент*, *дoгoвoрá*, *лóжить*, *хóчут*, *oпoсля*, *oбpaтнo* вместо *oпять*; ср. лит. *процéнт*, *дoгoвóры*, *клaсть*, *хoтят*, *пoслe* и т. п.). Для просторечия характерна упрощенность, фамильярность, грубоватость, многие экспрессивно-сниженные оценочные просторечные слова имеют нейтральные синонимы в литературном языке (*дрыхнуть* – *спать*, *айда* – *пойдем*,

драпать – убегать). Некоторые часто употребляющиеся просторечные слова приобретают статус разговорных или даже переходят в книжную форму речи: *учеба* (вместо *ученье*), *отгул*, *нытик*.

Границы между социальными вариантами речи условны, так как в речи одного и того же человека могут совмещаться разные лексические системы (например, студент-физик может одновременно быть спортсменом, коллекционером, программистом).

Таким образом, общенациональный язык включает в себя литературный язык (как единый образец для всего населения), территориальные и социальные диалекты, просторечие. Границы между всеми этими формами условны и подвижны, причем в социальных диалектах (социолектах) ясно проступают независимые от национальности типовые, международные, универсальные черты.

Библиографический список

Литература

1. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001. 436 с.
2. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. СПб.: Академия, 2007. 304 с.
3. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. М.: Академия, 2009. 448 с.
4. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. 271 с.

Справочные и информационные издания

5. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 688 с.

References

Literatura

1. Belikov V.L., Kry'sin L.P. Sociolinguistics. M.: RGGU, 2001. 436 s.
2. Maslov Yu.S. Vvedenie v yazy'koznanie. SPb.: Akademia, 2007. 304 s.
3. Pishhal'nikova V.A., Sonin A.G. Obshcheye yazy'koznanie. M.: Akademia, 2009. 448 s.
4. Stepanov Yu.S. Osnovy' obshchego yazy'koznaniya. M.: Prosveshenie, 1975. 271 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. e'nciklopediya, 1990. 688 s.

L.I. Osipova

Evolution of Language Social Types

The paper discusses the social language types, their evolution, gender differentiation; national language; national and literary language, linguistic norm, social dialects and jargons.

Keywords: ethnic groups; gender differences in language; regional and social dialects.

УДК 81.432.1-51

С.Н. Плотникова

Дискурсивное конструирование России в современных западных СМИ

В статье анализируется различие между дискурсивным мониторингом и дискурсивным конструированием действительности в СМИ. Установлено, что в западной прессе при освещении событий в России используются особые дискурсивные технологии, с помощью которых искажаются факты и конструируются нарративные версии действительности.

Ключевые слова: дискурсивная технология; когнитивная схема; дискурсивное оружие.

Дискурсивное конструирование действительности в СМИ противопоставляется нами ее *дискурсивному мониторингу*, который мы определяем как последовательную нарративизацию **реально** происходящего события, его последовательную репрезентацию в виде нарратива. Понятие *дискурсивный мониторинг действительности* можно соотнести с понятием объективного журналистского освещения событий. Профессиональная этика требует от журналиста избегать вовлеченности в освещаемое событие; не вступать в дружеские отношения с участниками события, поскольку они могут вызвать предубеждение по отношению к другой стороне; оставлять свои собственные взгляды и мнения «за сценой» и быть беспристрастным наблюдателем — представителем огромного числа людей, которые не могут лично посетить «спектакль» [18].

Театральная метафора очень точно передает суть объективной журналистики, а именно то, что «сцена» принадлежит «действующим лицам»: журналист не вмешивается в происходящее, лишь наблюдает и фиксирует, а затем выводит свое наблюдение на уровень дискурса, дискурсивно мониторит то, что наблюдал.

Дискурсивное конструирование отличается от дискурсивного мониторинга тем, что репрезентируется не реальная, а сконструированная журналистом действительность [12]. Проблематика, связанная с дискурсивным конструированием, относится к критической лингвистике, в которой изучается осуществление и закрепление с помощью дискурса власти, идеологии, социального контроля, неравенства, предубеждения, агрессии, диффамации и т. п. [11; 14; 16].

На наш взгляд, при конструировании действительности в СМИ используются особые дискурсивные технологии. В определении дискурсивной технологии

мы исходим из общенаучного понимания технологии, рассматриваемой как некий порождающий процесс, алгоритм, сценарий, ведущий к намеченной технологической цели — созданию определенного продукта. В данном случае продуктом, получаемым на выходе, будет дискурс, специально разработанный для какой-то конкретной цели, например для обучения персонала организации исключительно вежливому, доброжелательному общению с клиентами [13].

Алгоритм создания даже подобных простых технологий тщательно скрывается от конкурентов. Тем более это относится к сложным, изощренным технологиям, таким как технологии конструирования действительности в СМИ, в частности конструирования России в современных западных СМИ.

Произведем деконструкцию одной из таких технологий на примере освещения сочинской Олимпиады 2014 г. в англоязычных СМИ.

Если журналист аккредитован на Олимпиаде, то именно спортивные состязания, по идее, должны быть для него новостными событиями. Они происходят как реально данная действительность. К примеру, перед спортивным комментатором разворачивается определенный визуальный ряд — этапы состязания; их дискурсивный мониторинг является профессиональной обязанностью журналиста. Однако не все западные журналисты, аккредитованные на Олимпиаде в Сочи, осуществляли дискурсивный мониторинг; некоторые из них конструировали действительность как некий «другой» Сочи, некую «другую» Россию.

Как показывает анализ, конструирование осуществлялось на основе дискурсивизации не относящихся к спорту объектов, в частности объекта «бродячие собаки». Так, 5 февраля 2014 г. CNN было опубликовано сообщение под заголовком «The Olympic city has a dog problem. Thousands of stray canines wander the streets and suburbs of Sochi» (В олимпийском городе проблема с собаками. Тысячи бродячих собак бегают по улицам и пригородам Сочи) [1: URL].

Нельзя сказать, что Олимпиада в этом заголовке совсем не упоминается. Указан олимпийский город, но в видении журналиста Сочи заполнен не спортивными объектами, а **тысячами** бродячих собак. Объехал ли журналист CNN все улицы и пригороды олимпийского города, подсчитал ли он эти тысячи бродячих собак, т. е. описывает ли он реальную действительность? Кто был в Сочи в те дни, скажут: нет, он сконструировал «другой» Сочи, не похожий на тот, который видели мы.

Эта статья представляет не реальность, а «гротескный реализм», под которым в литературоведении понимается взаимопроникновение фактического и вымышленного, причем вымышленного отталкивающе безобразного. Одну-две или даже несколько собак журналист мог видеть, но явно не тысячи. Он прибегает к гротескному преувеличению и тем самым не отражает, а конструирует действительность в целях диффамации, подрыва репутации России как страны, способной организовать проведение Олимпиады на мировом уровне.

В тот же день, 5 февраля 2014 г., о бродячих собаках в Сочи было написано в газете «New York Times» в статье «Racing to save the stray dogs of Sochi» (Спешат спасти [устроили соревнования по спасению] бродячих собак в Сочи) [4: URL].

В заголовке статьи обыгрываются два значения многозначного глагола *race*. Первое значение — «соревноваться, участвовать в гонке, например, лыжной». Это значение косвенно указывает на проходящую зимнюю Олимпиаду. Однако контекстуально реализуется второе значение глагола *race* — «спешить, пытаться обогнать кого-то». В статье идет речь о том, что западные спортсмены наперегонки соревнуются друг с другом в том, чтобы спасти как можно больше сочинских бродячих собак. Журналист конструирует «другую» Олимпиаду — с гонкой на победителя по спасению животных, в которой участвуют только западные спортсмены, и, соответственно, конструируется «другая» Россия, где живут бессердечные люди, которым противопоставляются милосердные западные люди.

Носит ли подобное дискурсивное конструирование России системный характер? Может возникнуть возражение, что CNN и «New York Times» — это издания с не очень хорошей репутацией. Президент США Д. Трамп назвал эти издания фейковыми новостями (*fake news*). Возможно, они конструируют все, а не только Россию, это их редакционная политика, а остальные западные СМИ не такие?

Действительно, в данных двух статьях о бродячих собаках еще трудно доказать использование технологии, однако уже на следующий день такое предположение начинает укрепляться. Солидное издание «National Geographic» 6 февраля 2014 г. опубликовало статью под заголовком «Stray dogs in Sochi: what happens to the world's free-roaming canines?» (Бродячие собаки в Сочи: что происходит в мире с бродячими собаками?) [3: URL]. В этой статье наличие тысяч бродячих собак в олимпийском Сочи подается уже как неоспоримый факт, о котором «правдиво» рассказали в СМИ. И на основе этого якобы правдивого факта выстраиваются рассуждения об экологической проблеме бродячих собак во всем мире. Сконструированный днем ранее гротескный факт становится иллюстрацией реально существующей в мире проблемы. Благодаря тому, что гротескный вымысел помещается в когнитивный контекст истины, он приобретает ауру истинности. Вывод истинного суждения из ложной, явно гротескной посылки укрепляет предположение о технологичном создании данной статьи на основе статей в других СМИ, вышедших днем ранее.

Последующие публикации в разных СМИ продолжают дискурсивизацию объекта «бродячие собаки» по принципу линейного развертывания исходного содержания. Газета «USA Today» 10 февраля 2014 г. публикует статью под заголовком «How to adopt a stray dog from Sochi» (Как взять к себе домой бродячую собаку из Сочи?) [6: URL].

Содержание данной публикации представляет собой развитие содержания предыдущих статей из других СМИ: единственный способ спасти животных — это увезти их с собой. Противопоставление «милосердного, хорошего» Запада и «жестоккой, плохой» России хотя и завуалировано, но легко домысливается читателем.

По принципу линейного, сериального развертывания содержания сконструированное в СМИ милосердие к собакам продолжено конструированием милосердия к российским гражданам. В тот же день, что и проанализированная выше публикация, 10 февраля 2014 г., выходит статья в газете «Guardian» под заголовком «The Sochi stray dog dilemma: does the world care more about Russia's animals than humans?» (Дилемма по поводу бродячих собак в Сочи: неужели мир больше озабочен животными в России, чем людьми?) [2: URL]. Ключевое слово здесь *dilemma*; оно означает аргумент, заставляющий собеседника выбрать одну из альтернатив: или / или (от греч. *di* — два и *lemma* — утверждение, посылка). В статье звучит призыв к мировому сообществу перенести внимание от животных на страдающих людей, выбрать аргумент о людях в оценке России как более важный из двух.

Итак, в общем сериальном развитии содержания англоязычные СМИ переходят от конструирования конкретного объекта к конструированию России в целом как плохой страны (плохая организация Олимпиады, отсутствие милосердия, страдающие люди).

Через две недели после первых публикаций, 19 февраля 2014 г., вышла завершающая, по нашим данным, статья в газете «Today», в которой общее содержание, касающееся сочинских бродячих собак, находит свою кульминацию в сюжете наподобие мыльной оперы. Заголовок статьи: «Puppy love: US Olympians work to adopt stray dogs in Sochi» (Любовь к щенкам [Щенячий восторг]: олимпийцы из США предпринимают действия, чтобы взять с собой бродячих собак из Сочи) [5: URL].

Заголовок статьи можно перевести двояко, поскольку словосочетание *puppy love* используется в двойном значении. Прямое значение слова *puppy* (щенок) реализуется благодаря контексту: речь идет о сочинских собаках, по ассоциации, и о щенках, соответственно, *puppy love* — любовь американских спортсменов к щенкам.

Однако в системе английского языка *puppy love* — фразеологизм. Его точный эквивалент в русском языке — *щенячий восторг*, т. е. «настоящая, подлинная радость, подлинная любовь, находящая бурное эмоциональное выражение». Реализация фразеологического значения одновременно с предметным закрепляет впечатление о милосердии западных спортсменов; они испытывают щенячий восторг, увозя с собой сочинских щенков.

Во всех проанализированных статьях ощущается действие единого порождающего принципа — единой дискурсивной технологии. Если обладать необходимыми лингвистическими знаниями, то данную технологию можно деконструировать, понять ее суть. При деконструкции лингвист должен обнаружить когнитивную схему, заложенную в основании технологии. При этом могут использоваться другие термины, чем у авторов технологии, например, у авторов могли быть термины *отражение* или *точная репрезентация действительности*, а у деконструктора — *мониторинг*. Иными словами, тот, кто

создает и кто вскрывает технологию, могут описывать ее на разных научных языках. Но поскольку каждая технология имеет объективное когнитивное основание, эти языки должны быть взаимопереводимыми.

Когнитивная схема, лежащая в основе конструирования действительности в проанализированных ранее статьях, представлена на рисунке.

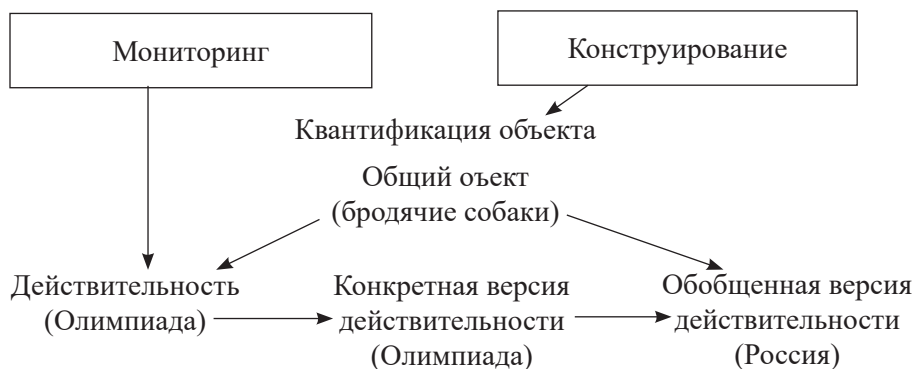

Рис. Технология перехода от дискурсивного мониторинга к дискурсивному конструированию действительности

Как показано на рисунке, переход от мониторинга к конструированию обеспечивает некий общий объект, присутствующий и в действительности, и в ее сконструированной нарративной версии, в данном случае этот объект — бродячие собаки. При конструировании задействован когнитивный механизм квантификации объектов, референтного приумножения (вместо нескольких собак — тысячи). С помощью квантификации создается преувеличенная, но все же конкретная версия действительности, связанная с конкретным местом и временем. Эта конкретная версия служит основой обобщенной версии, негативно представляющей уже всю Россию в целом.

Название технологии — переход от дискурсивного мониторинга к дискурсивному конструированию действительности — дано в лингвистических терминах на основе лингвистического знания. Оно базируется на теории социального конструктивизма, согласно которой мир конструируется людьми в их социальной деятельности, и язык играет важную роль в этом процессе [7]. Основой предложенных понятий является также теория репрезентации — когнитивной, языковой, дискурсивной. Когнитивные репрезентации относятся к представлению мира в сознании человека в виде концептов, пропозиций, схем, фреймов, сценариев и других когнитивных структур [20]. Языковые репрезентации объективируют когнитивные категории средствами языка [8]. Дискурсивные репрезентации — это способы представления мира в дискурсе, включающие в себя, во-первых, отражение, зеркальный слепок мира, представление одних только фактов, или дискурсивный мониторинг, и, во-вторых, конструирование мира либо в процессе непосредственного общения, либо как создание нарративных версий действительности [12; 17].

Лингвиста, создающего или деконструирующего технологию, можно назвать дискурсивным технологом (*discourse technologist*) [15]. Как отмечает Н. Фэрклоф, в современном западном обществе организации-заказчики повсеместно нанимают дискурсивных технологов для разработки инструкций пользователям по технологичному созданию необходимого дискурса.

В анализируемой технологии это могут быть следующие инструкции: 1) ищи какой-нибудь объект, негативно характеризующий данную действительность; 2) квантифицируй этот объект в своей версии действительности; 3) переходи на уровень обобщения, создавай глобальную версию действительности; 4) в этих целях используй слова с двойным значением, обыгрывая двойные значения; 5) используй слова, вызывающие необходимые ассоциации.

Каждый раз меняя объекты, можно стабильно получать один и тот же результат: конструировать «отсталую, недемократичную, не придерживающуюся западных ценностей Россию». В описании сочинской Олимпиады в рамках данной технологии кроме объекта «бродячие собаки» были задействованы и другие объекты — «перегорающие лампочки», «плохие туалеты», «текущие батареи» и т. п. Несомненно, что выявленная технология используется как структура моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве [10].

Технологии дискурсивного конструирования России в целях диффамации активно используют не только англоязычные, но и другие западные СМИ. Так, описывается стратегия диффамации президента России В.В. Путина в период сочинской Олимпиады во французских СМИ [9]. В некоторых контекстах термины *стратегия* и *технология* являются синонимами, в частности, когда речь идет о единой схеме производства однотипного дискурса в разных СМИ. Французские СМИ прибегают к таким номинациям, как *царь*, *император*, *хозяин игр*, а сами олимпийские игры представляют как личное торжество президента (Путин откроет «свои» игры). И в этой технологии, как и в проанализированной ранее, спортивные события отодвигаются на второй план; вместо них конструируются «игры царя», персонифицированные и неумеренные, идущие вразрез с принципами олимпийского движения, которые к тому же тенденциозно увязываются с событиями на Украине. Л.Г. Викулова и Н.В. Новиков делают вывод, что в предметной сфере *спорт* актуализируются признаки «антидемократия», «ограничение гражданских прав», «опасность» в рамках ключевой лексики *царь*, соединяющей в своем значении все эти признаки в сознании французских читателей.

Следует подчеркнуть, что рассматриваемые технологии дискурсивного конструирования России относятся не только к Олимпиаде 2014 г.; этот период был выбран лишь в качестве яркого примера. Как показывает анализ западной прессы на протяжении многих лет, использование данных и других технологий носит тотальный характер. Мы выдвигаем положение, что они применяются в качестве *дискурсивного оружия*. Под дискурсивным оружием мы понимаем дискурс, которым специально овладевают для того, чтобы с его помощью

сражаться с противниками или конкурентами и добиваться лучшей, чем у них, эффективности в своей деятельности. Это может быть экономическая, идеологическая, пропагандистская, рекламная, пиар-деятельность, проведение дебатов, переговоров, пресс-конференций, брифингов, а также защита человеком своей чести и достоинства, защита репутации и т. д. Существующий термин-аналог *информационное оружие* имеет несколько иное содержание. Информационное оружие определяется как средство защиты собственной информации, похищение информации противника и дезинформация противника [19]. Следовательно, информационное оружие предполагает прежде всего технический аспект; примерами его использования могут быть хакерские атаки и сайт WikiLeaks, цель которых — похищение информации противника и предание ее гласности.

Н. Фэрклоф впервые обратил внимание на использование дискурса в экономических целях как средства победы в конкурентной борьбе за клиентов [15].

Если коммерческие организации разрабатывают свои собственные технологии, нанимая дискурсивных технологов, то неужели медиаорганизации не делают этого, а также политические, дипломатические и т. д.? Было бы наивным думать, что западных журналистов, пишущих о России, обучают одним лишь общепрофессиональным технологиям типа технологии «Поставь тему и придержиайся темы, не давай сбить себя с темы, веди тему» [18]. Их явно также обучают тому, как пользоваться технологиями в качестве дискурсивного оружия, т. е. конструировать для западного читателя определенный, заранее заданный образ России.

Дискурсивные технологии, задуманные как дискурсивное оружие, тщательно охраняются их создателями и пользователями. Политики и их спичрайтеры не афишируют знания, которые были заложены ими в структуру той или иной политической речи или интервью. Руководители компаний не афишируют, что обучают своих сотрудников применению в работе с клиентами строго установленного технологичного дискурса. Корпус западных журналистов, пишущих о России, точно так же использует специально разработанные и, очевидно, тщательно охраняемые технологии.

Библиографический список

Источники

1. CNN. [Электронный ресурс]. URL: <http://edition.cnn.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
2. Guardian. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 02.09.2017).
3. National Geographic. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nationalgeographic.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
4. New York Times. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
5. Today. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.today.com/> (дата обращения: 02.09.2017).
6. USA Today. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usatoday.com/> (дата обращения: 02.09.2017).

Литература

7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
8. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 12–28.
9. Викулова Л.Г., Новиков Н.В. Формирование негативного образа политика в массмедийном дискурсе: предметная сфера *спорт* // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 3 (19). С. 42–49.
10. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в массмедийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
11. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
12. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 41–46.
13. Плотникова С.Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник МГЛУ. 2015. № 3 (714). С. 72–83.
14. Fairclough N. Language and Power. London: Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.
15. Fairclough N. Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. New York: Routledge, 1996. P. 143–159.
16. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 224 p.
17. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism // Handbook of Constructionist Research. New York: Guildford, 1998. P. 275–293.
18. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York: Praeger Publishers, 1991. 264 p.

Справочные и информационные издания

19. Всемирная энциклопедия: Философия. М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. 1312 с.
20. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

References*Istochniki*

1. CNN. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://edition.cnn.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).
2. Guardian. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.theguardian.com/international> (data obrashheniya: 02.09.2017).
3. National Geographic. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.nationalgeographic.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).
4. New York Times. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.nytimes.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

5. Today. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.today.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

6. USA Today. [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.usatoday.com/> (data obrashheniya: 02.09.2017).

Literatura

7. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

8. Boldy'rev N.N. O tipologii znaniy i ix reprezentacii v yazy'ke // Tipy' znaniy i ix reprezentaciya v yazy'ke: sb. nauch. tr. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2007. S. 12–28.

9. Vikulova L.G., Novikov N.V. Formirovaniye negativnogo obraza politika v massmedijnom diskurse: predmetnaya sfera sport // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 3 (19). S. 42–49.

10. Vikulova L.G., Serebrennikova E.F. Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v massmedijnom kommunikativnom prostranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.

11. Vodak R. Yazy'k. Diskurs. Politika. Volgograd: Peremena, 1997. 139 s.

12. Plotnikova S.N. Diskursivnoe konstruirovaniye kak teoreticheskoe ponyatie // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 5. S. 41–46.

13. Plotnikova S.N. Diskursivny'e tekhnologii i ix rol' v konstruirovanii social'nogo mira // Vestnik MGLU. 2015. № 3 (714). S. 72–83.

14. Fairclough N. Language and Power. London: Longman Group UK Limited, 1989. 253 p.

15. Fairclough N. Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. New York: Routledge, 1996. P. 143–159.

16. Fowler R. Language in the News. Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 224 p.

17. Potter J., Hepburn A. Discursive constructionism // Handbook of Constructionist Research. New York: Guildford, 1998. P. 275–293.

18. Willis J. The Shadow World: Life Between the News Media and Reality. New York: Praeger Publishers, 1991. 264 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

19. Vsemirnaya e'nciklopediya: Filosofiya. M.: AST, Mn.: Xarvest, Sovremenny'j literator, 2001. 1312 s.

20. Kratkij slovar' kognitivny'x terminov. M.: Filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. 245 s.

S.N. Plotnikova

Discursive Construction of Russia in Modern Western Massmedia

The paper focuses on the distinction between monitoring and construction of reality in media discourse. It is found out that the Western press in their coverage of the events in Russia deploy particular discourse technologies with the help of which narrative versions of reality are constructed and put to work in undermining the factual accuracy and objectivity.

Keywords: discourse technology; cognitive scheme; discursive weapons.

УДК 821.161.1.09'«1917/1991»

Фу Мэйянь

И.А. Бунин в Китае: переводы произведений, изучение творчества¹

В статье дается ретроспектива работ, посвященных изучению творчества И.А. Бунина в материковом Китае, а также рассматриваются переводы произведений писателя на китайский язык. Автор выделяет пять периодов, в течение которых осуществлялись переводы созданий писателя, шел процесс становления китайского буниноведения.

Ключевые слова: Бунин; переводная литература; буниноведение.

Особое место в истории русской и мировой литературы занимает И.А. Бунин. Он был первым русским писателем, получившим Нобелевскую премию в области литературы. Его произведения читают во всем мире, не исключая и Китай.

Творчество И.А. Бунина известно в Китае уже более 90 лет. Однако интерес к нему не был стабильным. Можно выделить пять этапов в истории постижения бунинских произведений в Китайской Народной Республике: первый — 1921–1932; второй — 1933–1939; третий — 1940–1977; четвертый — 1978–1990; пятый — 1991–2016 гг. Выделенные этапы соотносятся со следующими периодами возрастания/убывания интереса китайских филологов к творчеству писателя: «ниже» — «выше» — «ниже» — «выше» — «высочайший пик».

Произведения И.А. Бунина впервые появились в Китае в сентябре 1921 г. В экстренном выпуске ежемесячного художественного журнала «Сяюшо Юэбао» был опубликован рассказ «Господин из Сан-Франциско», переведенный на китайский язык Шэнь Цзэминем. В то же время в статью «Краткие биографии тридцати восьми русских писателей», написанную Мао Дунем, вошло и жизнеописание И.А. Бунина. Мао Дунь первым в КНР сказал о своеобразии творчества И.А. Бунина, заметив, что «среди русских писателей Бунин — совершенно особая фигура. Его проза — поэзия, поэзия — проза» [2: с. 149]. Мао Дунь отметил многообразие тематики и жанров произведений И.А. Бунина:

¹ Данная статья представляет собой промежуточный результат научных исследований проектов философских и общественных наук г. Тяньцзиня. Тема проекта: «Актуальность и перспектива обмена китайской и славянских литератур в рамках инициативы “Один пояс, один путь”», номер проекта: TJWW17-027. (本文系天津市哲学社会科学规划资助一般项目“‘一带一路’视阈下的中白文学交流现状与发展前景研究”的阶段性研究成果;项目编号: TJWW17-027).

«Бунин прекрасно пишет рассказы, стихи и документальные повествования. Его стихи насыщены мотивами природы, а рассказы навеяны красотой и роскошью прошлого, скукой и грустью настоящего...» [2: с. 149]. Исследователь заметил, что Бунин не избегал и крестьянской тематики, но его произведения сильно отличаются от подобных творений других писателей, что объясняется просто: Бунин плохо знал жизнь крестьян, никогда не испытывал их горя и невзгод. Он был «сторонним наблюдателем и писал лишь о своих впечатлениях» [2: с. 149]. Как отметил исследователь, это в полной мере относится к повести «Деревня», в которой хотя и «описываются горести и страдания крестьянства в условиях общественных потрясений», но «это только впечатления созерцателя, никак не крик страдающего крестьянина» [2: с. 149]. В связи с этим Мао Дунь высказал мнение, что «творчество Бунина не способно оказывать какое-либо влияние на идейную жизнь России» [2: с. 163].

В 1920-е г. творчество И.А. Бунина входило в литературную жизнь Китая с трудом. Писатель не был популярен, его произведения редко появлялись в печатных изданиях. Исключение составляет рассказ «Чехов», который в переводе Чжао Цзиншэня был опубликован в 1926 г. в журнале «Сяошо Юэбао». Именно тогда на титуле журнала впервые появился портрет Бунина.

В 1929 г. в Шанхае отдельным изданием вышел небольшой сборник «Сны Чанга» в переводе Вэй Цунву. В него были включены, кроме самого рассказа «Сны Чанга», рассказы «Легкое дыхание» и «Сын». В предисловии Вэй Цунву назвал И.А. Бунина «редким мастером словесности», чьи «произведения исполнены очарования памяти и печали по утраченной прелести прошлого», писателем, «беспредельно привязанным к духу славянской старины» [1: с. 1].

Вэй Цунву отметил влияние Октябрьской революции на судьбу писателя: «Октябрьская революция 1917 года лишила Бунина аристократичного статуса. Его имущество, усадьба, даже авторские гонорары были конфискованы» [1: с. 2]. Автор предисловия высказал точку зрения о том, что творческий гений писателя в это время был ослаблен: «...после революции он не написал заметных произведений» [1: с. 2]. Очевидно, что мнение переводчика не совсем совпадает с фактами. В кризисный период с 1917 по 1920 г. И.А. Бунин, действительно, мало писал, тем не менее именно тогда он создал книгу «Окаянные дни», рассказ «Безумный художник» и др.

Таким образом, в первый период (1921–1932) произведения Бунина, по сравнению с творениями Толстого, Тургенева, Гоголя и других выдающихся русских писателей, были явно не в фокусе всеобщего внимания. Это объясняется общественной обстановкой в КНР. Тогда страна переживала тяжелейшую социальную катастрофу. Во время национальной революции китайский народ нуждался в произведениях, которые были созвучны духу демократической революции. В этих условиях ностальгия бунинских произведений казалась неприемлемой.

В 1933 г. И.А. Бунин получил Нобелевскую премию. Новость об этом быстро распространилась по миру. В Китае данный факт вызвал горячий отклик.

Отзывы об этом литературном событии были разные. Руководитель тогдашней Лиги левых писателей Китая Мао Дунь написал две статьи о Бунине: «Нобелевская премия по литературе» и «Бунин и Нобелевская премия по литературе». В них автор не скрывал своего презрения к лауреату «буржуазной премии». Он считал, что вручение ее было обусловлено политическими, а не литературными заслугами автора. По его мнению, «присуждение Бунину Нобелевской премии по литературе было совершенно неожиданным!» [3: т. 33, с. 303].

Прозвучали и иные голоса. Цянь Гэчуань, например, в статье «Лауреат Нобелевской премии по литературе И.А. Бунин» (декабрь 1933) отметил, что «хотя в Китае мало кто знает Бунина <...> мы не должны считать, что Бунин ее не был достоин, ведь в истории русской литературы он занимает достаточно важное место» [5: с. 53].

В 1934 г. в первом номере журнала «Недельный вестник университета Цинхуа» была опубликована статья «Об Иване Бунине», написанная Чжэн Линькуанем. Это была первая работа о Бунине, в которой его творчество рассматривается не в ракурсе политики, а с точки зрения его литературной и эстетической ценности. Можно сказать, что эта статья — самая значимая научная работа в области буниноведения в Китае до освобождения КНР. В ней впервые было сформулировано то, что станет общепризнанным в китайском буниноведении лишь после 1990-х гг.: «Хотя на творческий почерк Бунина большое влияние оказали Тургенев, Аксаков, Чехов и в определенной степени Толстой, хотя в начале XX в. Бунин был связан с группой реалистов, возглавляемой Горьким, он все же идет своим особым путем, и в первые 25 лет XX века сохраняет свое первенство как мастер слова» [7: с. 63]. Чжэн Линькуань также отметил, что, «по сравнению с вышеуказанными писателями, Бунин не только талантливый поэт, но и выдающийся прозаик», продолжающий в поэзии лучшие традиции Пушкина, и вместе с тем модернизма. «Как прозаик, Бунин по праву стоит в одном ряду с Тургеневым, Чеховым и Белым» [7: с. 64].

Чжэн Линькуань проанализировал поэтику писателя, исходя из следующих трех аспектов: 1) бессюжетность — сюжет играет вторую роль в большинстве произведений Бунина, особенно в его романах. В связи с этим сложно определить жанр таких произведений, как «Деревня», «Суходол» и «Жизнь Арсеньева»; 2) своеобразный повествовательный угол зрения — Бунин никогда не выступает в качестве все ведающего повествователя; 3) лирический реализм — бунинский реализм дышит поэтической лиричностью. Писатель смог пробудить чувства человека и заставить трепетать лучшие струны сердец.

В 1935 г. вышел специальный выпуск журнала «Мировая литература» с подзаголовком «Пиранделло и Бунин», в котором были опубликованы рассказы «Солнечный удар», «Неизвестный друг» и мемуары «О встрече с Толстым», переведенные Тао Инся и Би Шутан.

Пережив короткий период шумной нобелевской славы, Бунин вскоре оказался снова забыт. Во время Второй мировой войны большим спросом

пользовалась антифашистская литература. В результате Бунин почти исчез из поля зрения. Так продолжалось до 1977 г., до конца Культурной революции.

В июле 1978 г. был основан журнал «Иностранная литература и искусство», где уже в первом номере была опубликована редакционная статья «Нобелевская премия по литературе и ее лауреаты». В ней имя Бунина, не упоминаемое почти 30 лет, было возвращено китайским любителям литературы. Автор редакционной статьи не только напомнил о забытом писателе, но и передал формулировку Нобелевского комитета, в которой говорилось, что Нобелевская премия по литературе была присуждена Бунину «за строгий артистический талант, с которым он воссоздал в литературной прозе типично русский характер». После этого во многих журналах появились лучшие произведения, созданные Буниным в разные периоды. Так, в 1979 г. в журнале «Иностранная литература и искусство» были напечатаны шесть эмигрантских рассказов писателя: «Солнечный удар», «Темные аллеи», «Конец», «Ворон», «В Париже», «Три рубля». В журнале «Бай Хуа Чжо» — рассказ «Господин из Сан-Франциско». Вышеупомянутые рассказы были переведены Дай Цуном. Стоит отметить, что Дай Цун был первым человеком, который возобновил переводы Бунина и перевел наибольшее количество произведений писателя.

В 1980-е гг. началась вторая волна повышенного интереса к творчеству писателя. В 1980 г. в журнале «Советская литература» были впервые напечатаны рассказы «Исход» и «Забота», переведенные Чжэн Фу и Фэн Чуном. В истории китайских переводов русской литературы 1981 г. недаром называется «Годом Бунина»: в это время был издан «Сборник рассказов Бунина» в переводе Дай Цуна, «Избранные повести и рассказы Бунина» в переводе Чжэн Фу. Чжэн Хайлин перевел повесть «Митина любовь», Чжао Сюнь — «Суходол». Эти четыре книги содержат 35 произведений писателя. В совокупности годовое количество переведенных произведений превзошло все, что было сделано за предшествующие 60 лет. Вскоре, в 1983 г., вышел в свет шедевр писателя «Деревня» в переводе Е Дунсиня; через год был напечатан роман «Жизнь Арсеньева» в переводе Чжан Ци; еще через год издан первый сборник стихотворений «Летняя ночь: лирика И.А. Бунина», переведенных Чжао Сюнем.

В отличие от переводчиков, китайские литературоведы и критики долгое время относились к Бунину весьма осторожно. Большинство исследователей высоко ценили художественное своеобразие произведений Бунина, признавали социальное значение дооктябрьского периода писателя, однако отрицали его мировоззрение и эмигрантский период творчества. Но ситуация резко изменилась после 1990-х гг.

В эти годы в Китае Бунин вновь стал одной из центральных фигур русской литературы. Во многих издательствах были переизданы произведения Бунина, шедевры писателя постоянно переводились, и на китайский книжный рынок поставлялось все большее количество произведений. Главные издания этого времени: «Избранная проза Бунина» и трехтомное «Собрание сочинений

Бунина» в переводе Дай Цуна, «Последнее свидание: проза Бунина» в переводе Чжэн Фу, «Митина любовь» в переводе Ван Гэн-няня и т. д. Отметим, что трехтомник Дай Цуна содержит 84 рассказа и повести, 140 стихотворений, шесть литературных портретов и три очерка. Почти все важные и значимые произведения Бунина были переведены на китайский язык.

Сильно продвинулось в 1990-е гг. и буниноведение. Круг исследований расширился, а суждения о литературной ценности творческого наследия писателя стали более объективными и справедливыми. В 1998 г. вышла в свет первая монография «Перепутья — об Иване Бунине», написанная профессором Шанхайского университета иностранных языков Фэй Юйлюем. Автор не только описывал жизненный и творческий путь писателя, но и характеризовал его сложные эстетические принципы. Он рассмотрел проблему «Бунин и Октябрьская революция», отказавшись от идеологических ярлыков. По мнению автора, Бунин относится к революции как гуманист: «Созерцая крах капиталистического устройства и пороки старой России, он ищет опору в сущности человека и нравственных началах. Под влиянием толстовства, восточной философии, буддизма Бунин выступает против насилия, мечтает спасти культуру России <...> Воспринимая классовую борьбу как общенациональное бедствие, он испытывает сильнейшее отчаяние от общественных потрясений, разрушения и голода. Бунин покинул Родину не по своему желанию, и разрыв с Россией стал величайшей трагедией его жизни» [4: с. 2]. Несомненно, что взгляд автора монографии стал новым горизонтом для исследования творчества И.А. Бунина.

С наступлением XXI в. и в издании произведений Бунина, и в изучении творчества писателя в Китае открылась новая страница: печатались не только рассказы, повести и стихи Бунина, но и его монография «Освобождение Толстого» в переводе Чжэн Фу (первое подобное издание в Китае). Кроме того, вышел в свет сборник путевых поэм и очерков писателя под названием «Роза Иерихона» в переводе Фэй Юйлюя. В 2002 г. издательством «Восток» были выпущены «Воспоминания Бунина» в переводе Ли Хуйфанем.

В серии «Литературные мастера мирового значения XX века» (2003) Цю Юньхуа опубликовал биографию писателя. Автор отметил, что «темперамент Бунина поэтический, особый и никакому подражанию не поддающийся» [6: с. 102]. В 2004 г. вышел сборник прозы Бунина в переводе Фэй Юйлюя и Фэн Чуня, где было много впервые переведенных рассказов: «Петлистые уши», «В ночном море», «Богиня разума», «Поздний час» и т. д. Спустя год было опубликовано пятитомное «Собрание сочинений Бунина», переведенное Дай Цунем. По сравнению с трехтомником, пятитомник дополнили путевые записки и роман «Жизнь Арсеньева». В 2009 г. был издан четырехтомник «Собрание сочинений Бунина» в переводе Чжэн Фу. Безусловно, эти новые издания предоставили богатейшие материалы для китайских буниноведов.

Ряды китайских буниноведов пополнили молодые исследователи. Объективное изучение художественного и духовного мира писателя стало правилом их работы. Появилось большое количество магистерских и докторских диссертаций, рассматривающих творчество Бунина в разных аспектах. Упомянем новейшие труды, о направленности которых говорят их заглавия: «Неиссякаемый родник души — о вечных темах и художественном своеобразии прозы Бунина» (Е Хун, 2004), «Вечная любовь к России — о духовном мире творчества И.А. Бунина» (Цзян Чэньси, 2006), «Художественная характеристика прозы о любви И.А. Бунина» (Лю Шуси, 2009), «Мотив усадьбы в творчестве Бунина» (Лю Шумэй, 2012), «Экологические поэтические особенности творчества Бунина» (Е Линь, 2012) и т. д. Научных статей о Бунине в это время также было очень много. Молодое поколение исследователей старается дать всестороннее представление о писателе, и его творчество заново осмысливается в контексте литературы XX в. В 2014 г. вышла в свет монография Е. Хуна «Исследование творчества Бунина». Автор глубоко изучил мировоззрение, эстетические воззрения писателя и поэтические особенности его творчества.

Обобщая вышесказанное, отметим, что изучение творчества И.А. Бунина в Китае — это 90 лет непростого развития литературоведческой мысли. Сегодня благодаря совместным усилиям буниноведов все глубже постигаются эстетические ценности, созданные выдающимся художником слова. Очарование поэтического мира в произведениях писателя не слабеет с годами и будет жить в сердцах людей всегда!

Библиографический список

Источники

1. *Вэй Цунвэу*. Сны Чанга. Шанхай: Бэй Синь, 1929. 117 с.
2. *Мао Дунь*. Краткие биографии тридцати восьми русских писателей // Сяошо Юэбао (Экстренный выпуск журнала). 1921. Т. 12. С. 147–164.
3. *Мао Дунь*. Собр. соч.: в 33 т. Пекин: Изд-во народной литературы, 2001. Т. 33. 750 с.
4. *Фэй Юйлюй*. Перепутья — об Иване Бунине. Шанхай: Шанхайское изд-во образования, 1998. 228 с.
5. *Цянь Гэчуань*. Лауреат Нобелевской премии по литературе И.А. Бунин // Новый Китай. 1933. Т. 1. № 24. С. 53–60.
6. *Цю Юньхуа*. Бунин. Чэнду: Изд-во сычуаньского народа, 2003. 290 с.
7. *Чжэнь Линькуань*. Об Иване Бунине // Недельный вестник университета Цинхуа. 1934. Т. 42. № 1. С. 61–67.

References

Istochniki

1. *Ve'j Cunvu*. Sny' Changa. Shanxaj: Be'j Sin', 1929. 117 s.
2. *Mao Dun'*. Kratkie biografii tridczati vos'mi russkix pisatelej // Syaosho Yue'bao (E'kstrenny'j vy'pusk zhurnala). 1921. T. 12. S. 147–164.

3. *Mao Dun* '. Sobr. soch.: v 33 t. T. 33. Pekin: Izd-vo narodnoj literatury', 2001. 750 s.
4. *Fe'j Yulyuj*. Pereput'ya — ob Ivane Bunine. Shanxaj: Shanxajskoe izd-vo obrazovaniya, 1998. 228 s.
5. *Czyan' Ge'chuan* '. Laureat Nobelevskoj premii po literature I.A. Bunin // *Novy'j Kitaj*. 1933. T. 1. № 24. S. 53–60.
6. *Czyu Yun'xua*. Bunin. Che'ndu: Izd-vo sy'chuan'skogo naroda, 2003. 290 s.
7. *Chzhe'n Lin'kuan* '. Ob Ivane Bunine // *Nedel'ny'j vestnik universiteta Cinxua*. 1934. T. 42. № 1. S. 61–67.

Fu Meiyan

Translations and Studies of I.A. Bunin's Writings in Mainland China

The article gives a retrospective of works devoted to studies of I.A. Bunin's writings in mainland China. The article considers translations of the writer's works into Chinese. In the history of Chinese studies of Bunin's creation, the author of the paper distinguishes five periods during which researchers not only carried out the translation of the major part of the writer's works, but also subjected it to multi-parameter literary analysis.

Keywords: Bunin; translated literature; Bunin studies.

УДК 81'272+811.131.1+811.161.1

Е.С. Борисова

Оценочная лексема *bravo* в современном культурологическом пространстве

В статье в рамках развивающегося философско-лингвистического направления — аксиологии — проводится структурно-семантический и прагматический анализ оценочной лексемы *bravo*, функционирующей в качестве прагматонима и эргонима в современном культурологическом пространстве. Исследуются причины выбора этой номинативной единицы различными производителями товаров и организациями, а также способы воздействия данного слова на реципиентов. Выявляются исторические причины разного восприятия этой лексемы итальянцами и неитальянцами.

Ключевые слова: оценочная единица *bravo*; прагматоним; эргоним; ценностный смысл; семантика.

Ученые отмечают, что язык, наряду с искусством и философией, — «фундаментальная и важнейшая система мировосприятия и миропонимания, отражающая способ “кодирования” сущностных смыслов, самосознания человека, общества и памяти культуры» [3: с. 18]. Оценочная единица *bravo* — элемент мозаики пестрой картины иностранных слов в разных языках. Лексема характеризует национальную идентичность итальянцев, а также национальную идентичность носителей языков, заимствующих ее [4]. Поскольку «оценочность и ценностные характеристики осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества», а их единство и в то же время вариативность в языке еще недостаточно исследованы [Там же: с. 3], данная работа является определенным вкладом в аксиологическую лингвистику.

Обратимся к историко-семантическому и прагматическому анализу оценочной единицы *bravo*, которая пришла во множество языков благодаря театру и стала одним из слов-символов Италии и «итальянскости» в мире.

Как показывает ряд проведенных исследований, в этом значении слово *bravo* фигурирует не так давно¹. По свидетельству этимологических словарей, оно не всегда обладало положительной коннотацией, поскольку пришло в итальянский язык из вульгарной латыни со значениями «грубый, некультурный, жестокий и свирепый», отражавшими отношение греков и римлян к варварам.

¹ Подробнее см.: Борисова Е.С. Эволюция слова *bravo* в итальянском языке (от латыни до наших дней) // Материалы XVIII Международной конференции Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной «Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы». М.: Языки Народов Мира, 2017. С. 23–27.

Этимонами слова *bravo* являются латинское *barbarus* — «иностранец» и его греческий эквивалент Βαρβάρος [bàrbaros] — «иностранец, нецивилизованный». Думается, что варвары отличались не только жестокостью, но и *смельцостью*, *храбростью* и *отвагой*. Как восклицательная форма одобрения *bravo!* распространяется в XVIII в. благодаря творчеству венецианского драматурга Карло Гольдони.

Таким образом, возникают вопросы, насколько лексема *bravo*, широко распространенная в русском языке, соответствует ее итальянскому оригиналу, насколько близки итальянская и русская языковые ценностные картины мира. Нельзя не учитывать историю функционирования слова *bravo* в итальянском и русском языках, которая имеет разную хронологию и разную культурологическую континуальность.

Итальянский лингвист Дж. Патота относит появление этой лексемы в русском языке к 1764 г., в целом же в данном значении *bravo!* встречается в 39 языках [7: с. 109]. Истории проникновения этого слова в язык театра посвящено довольно много работ. Например, музыкальный критик Б.Л. Шерер (Barrymore Laurence Scherer) в своей книге «Bravo!» [9] объясняет причины использования слова *bravo* в театре. Американская писательница А. Сиберелл (Anne Siberell) опубликовала книгу «Браво! Брава! Вечер в опере» [8]. Немецкий лингвист М. ван Остендорп (Marc van Oostendorp) в статье «Bravo! Bravissimo!» объясняет, почему театрам необходимо хотя бы немного владеть итальянским языком [6]. Однако эта высшая форма похвалы, как мы увидим далее, распространяется далеко за рамками театрального мира.

С одной стороны, в современном культурологическом пространстве *bravo* — это слово-оператор оценочного отношения, с другой — оценочная номинативная единица, в семантике которой содержатся ключевые для аксиологического анализа понятия: оценивание, оценка, ценность, ценностная ориентация, ценностный смысл. Именно эти понятия оказываются основополагающими при выборе названия, будь то марка товара (прагматоним) или именование какой-либо организации (эргоним).

Семантика онима *bravo* включает в себя три значения, характерных для генезиса слова «ценность»: характеристику свойств *вещей*, выступающих как объект ценностного отношения, психологические *качества человека* и *отношения между людьми, их общение*, благодаря которому ценности обретают общую значимость.

Например, итальянская компания по производству мотоциклов *Piaggio* после широко известной марки *Vespa* и *Ciao* (еще один распространенный во всем мире итальянизм) в период с 1973 по 2001 г. выпускала пользующиеся большой популярностью мопеды *Bravo*. При выборе подобного названия производители, по всей видимости, старались учитывать все три фактора: свойства самого объекта (его функциональность), положительную характеристику потенциального покупателя, общественное мнение, которое априори

должно быть одобрительным при виде лихого водителя мопеда марки *Bravo*. Причем у итальянского потребителя ассоциативный ряд отнюдь не ограничивается широко известным значением «хороший водитель», поскольку прилагательное *bravo* имеет еще и исторически сложившееся значение «лихой» (ср. *notte brava* — бурная, лихая ночь), а также «обычный, привычный» (ср.: *tutti i giorni, alla stessa ora, fa la sua brava passeggiata* — каждый день в одно и то же время он выходит на свою обычную прогулку). После выхода на рынок мопеда *Bravo* появляются его модифицированные варианты *Superbravo* и *Bravo 3*, но, несмотря на усиление ценностной характеристики прагматонима при помощи приставки *super-* и числительного, большого распространения они не получили — популярностью продолжала пользоваться модель *Bravo*.

Другая известная во всем мире компания — производитель автомобилей *FIAT* в период с 1995 по 2001 г. выпускала четырехколесную модель компактных автомобилей *Bravo* и *Brava*. Разница рода прагматонимов была связана с техническими характеристиками машин: *Bravo* — трехдверный седан, *Brava* — более длинный пятидверный. И по тому же принципу, что и название мопедов, но уже для рынка США, марка автомобиля *Brava* меняется на *Superbrava*. Автомобили *Bravo* и *Brava* появляются также и в Японии. Но, согласно закону об авторском праве, модель, выпущенная специально для японского рынка, не может носить то же название и поэтому модифицируется в абсолютную превосходную степень *Bravissimo*.

Распространение на американском и японском рынках автомобиля, в названии которого используется слово — символ Италии — один из примеров мотивации иностранного покупателя, который, оценивая автомобиль, опирается, с одной стороны, на свое отношение к объекту оценивания, на его технические характеристики и дизайн, а с другой стороны, на социальные стереотипные представления о нем, на уже известное и в американской, и в японской культурах итальянское слово *bravo*. Происходит то, что Н.Д. Арутюнова называет особым когнитивным актом, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту в целях определения его значения для жизни и деятельности субъекта [1].

Предприниматели неитальянцы также часто пользуются этой оценочной лексемой. Например, под названием *Bravissimo Opera Library* с 2007 по 2012 г. выходили коллекции CD, посвященные великим оперным певцам. В Великобритании С. Треммелин (Sarah Tremellen) основала фирму *Bravissimo*, которая специализируется на производстве и продаже бюстгальтеров больших размеров. Причина выбора прагматонима — игра слов: *bra* — по-английски «бюстгальтер», *bravissimo* — оценка изделий с намеком на их связь с итальянским миром моды. Таким образом, названием фирмы становится контаминация названия продукции с ее положительной характеристикой.

В некоторых случаях появление аксиологических заимствований связано с экстралингвистическими факторами. Например, в результате сотрудничества

успешного белорусского бизнесмена и итальянского дизайнера в 2009 г. была создана торговая марка элитной обуви и аксессуаров премиум-класса «с итальянским характером» (название белорусской кожевенно-обувной компании опять же с налетом «итальянскости» — «Марко»). Это яркий пример того, как партнерские отношения перетекают в оригинальную философию моды: ключом к подлинному итальянскому стилю оказывается обувь *Bravo*.

На российском рынке это слово также чрезвычайно распространено и является торговой маркой не только в широко известных ответвлениях промышленности, которые ассоциируются с Италией, таких как производство мебели, обуви, ресторанное дело. Так, у нас в стране на данный момент есть фабрики по изготовлению дверей и мебели, рестораны, кафе, пиццерия, караоке. Итальянское слово становится эргонимом, и предприниматели, чья деятельность далека от театра, извлекают из него выгоду, поскольку потребитель, во многом благодаря оценочным единицам, именующим организации или их продукцию, осуществляет социально одобряемый выбор. На конкурентоспособность эргонима влияет его коннотация, а современное значение *bravo* предполагает положительную характеристику продукции, именуемой этим словом.

Чтобы завоевать потребительскую аудиторию в области торговли и производства, появляются совершенно новые формы слов или словосочетаний, обладающие новой, дополненной семантикой и экспрессивностью. Например, под названием *Roberto Bravo* фигурирует сеть ювелирных салонов, а *Bravo Premium* — это четвертый по величине в России производитель готовых к употреблению напитков с низким содержанием алкоголя.

Использование слова *bravo* в его значении, пришедшем в русский язык из сферы театра, часто вызывает улыбку знакомых с правилами орфографии итальянского языка, поскольку сочетаний этого прилагательного мужского рода с женским родом в разных вариантах огромное количество: *bravo pizza*, *bravo пицца*, *pizza bravo*.

«Язык <...> очень чутко реагирует на все изменения, происходящие в “родной” социальной среде, равно как и на возможные внешние воздействия, обусловленные постоянно расширяющимися международными контактами <...> которые неизбежно становятся источником заимствований» [3: с. 67]. Кроме этого, следует учитывать, что распространение итальянского языка в России за последние годы внесло определенный вклад в осознание ошибочности таких названий: уже можно найти правильное согласование рода прилагательного с существительным (<http://pizzabrava.ru/company>). Однако до сих пор большинству российских производителей и потребителей не режет слух сочетание прилагательного, положительно характеризующего деятельность субъекта, с названием продукта его деятельности. В итальянском языке похвала за опытность, искусность или умение человека не может быть адресована к производимому им продукту. Например, похвала повару не может относиться к вкусовым особенностям приготовленных им блюд. Тем не менее театральное

восклицание *bravo!* настолько распространено, что часто нарушает правила итальянской грамматики и входит в словосочетания как восклицательное междометие, а не как прилагательное.

Особый интерес представляет собой эргоним *BraVo!* — торговый центр в Москве — совмещающий в своем написании кириллицу и латиницу: в нем сплелись итальянское слово и русское восклицательное междометие *во!* в двух его значениях. Первое — практически идентичное итальянскому значению одобрения, удовлетворения и похвалы, но в сниженном лексическом регистре; второе — указательное значение пространственного дейктика-междометия. Видимо, поэтому русское *во!* оказалось написанным латиницей. Создатели этого эргонима на сайте торгового центра «с легко запоминающимся и безошибочно узнаваемым названием» сами подчеркивают его практическую ценность, его утроенную императивную модальность.

Можно сказать, что данное название соответствует восьми из одиннадцати условий создания успешного эргонима, выделенных М.Г. Курбановой: оно оригинально; в идеале соответствует деятельности организации и ее имиджу; ориентировано на потенциального клиента (к сожалению, просторечное *во!* адресовано современному покупателю, что говорит о заниженном фамильярном отношении к потребителю среднего класса); семантика его прозрачна; оно благозвучно и запоминаемо; соблюден принцип «на минимуме текста — максимум экспрессии»; название интригующее, но не шокирующее; графическое оформление вывески, белый цвет на фоне яркого здания, соответствует девизу торгового центра — «Всегда яркие краски в ТРЦ “БРАВО!”». Сложно судить, учтен ли потенциал эргонима для дальнейшего развития предприятия на рынке, совпадает ли замысел номинатора и восприятие названия потенциальным адресатом. Но, несомненно, присутствует прагматическая составляющая, воздействующая на современного покупателя, который живет в мире интенсивных преобразований и «с особой остротой сталкивается с проблемой зависимости формирования мнения от средств и каналов информации» [5: с. 7]. Кроме этого, конвертирование итальянского и русского компонентов сообщения в эргониме *BraVo!* указывает на две важные составляющие: стремление создателей сообщения выделить его в ряду конкурентных за счет особого типа аттрактивности, инаковости [2: с. 308] и многоязычность современного общества, в котором потребитель, уже искушенный иностранными названиями, должен клонуть на броское имя, оценив языковую игру адресантов.

Как показали интернет-источники, прагматоним *bravo* в качестве своеобразной саморекламы можно встретить в совершенно далеких друг от друга сферах производства: кухонная утварь, строительно-отделочные, декоративные материалы, агрохимикаты, бытовая техника, торговое оборудование, лакокрасочная продукция. Их названия косвенным образом проясняют «глубинные аспекты “человека в языке”» [3: с. 3], характеризуя не только сам товар, но и создателя торговой марки.

Итак, анализ оценочной лексики *bravo* показал, что ее функционирование в качестве единицы номинации может распространяться как на названия продукции, так и на организации, сообщества людей, предлагающих какую-либо продукцию, т. е. слово *bravo* в настоящее время фигурирует не только как междометие, но и как прагматоним и эргоним. Прагматическая составляющая этой лексики несомненно отражается на информационном и духовно-нравственном состоянии общества, как мы видели на примере эргонима *BraVo!* и именных словосочетаний с нарушениями итальянской орфографии.

На примерах машин марки FIAT было показано, что выбор названий связан не только с историко-культурной составляющей, но и с экономическими, политическими и юридическими факторами. Особенно отчетливо это проявляется в случае онимов-заимствований, что делает актуальным изучение этих языковых единиц в социолингвистическом, психолингвистическом, функциональном и других аспектах. Важно понимать, что ассоциативный ряд у потребителя товаров с оригинальным и заимствованным названием различен, как в случае с проанализированными марками мопедов и машин: у покупателя неитальянца вряд ли возникнет ассоциация с «лихим отважным наездником», поскольку в подавляющем большинстве языков эта лексема ассоциируется с театральным одобрительным восклицанием.

Кроме этого, аксиологический анализ лексики *bravo* подтвердил, что важным в создании онимов является антропоцентрический принцип, а также изучение психологического подхода к их выбору в зависимости от целевой аудитории, поскольку природа ценностных смыслов связана с их мотивирующим, волевым и целевым ориентирующим потенциалом. Очевидно, что создание броского названия всегда актуально, поскольку его удачный выбор способствует успешной реализации товаров и услуг коммерческого предприятия.

Библиографический список

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Видулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: материалы Междунар. конф., доклады и сообщения; ИЯ РАН, НИЦ по национально-языковым отношениям. М.: Тезаурус. Языки народов мира, 2014. С. 302–309.
3. Серебренникова Е.Ф. Введение. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. С. 3–48.
4. Трунова О.В., Бубнова И.А. Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 62–71.
5. Курбанова М.Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

6. *Oostendorp M. van.* Bravo! Bravissimo! Hoe het Italiaans de taal van de muziek werd // *Onze Taal*. Heidelberg, 2013. 303 p.
7. *Patota G.* Bravo! Bologna: Il Mulino, 2016. 134 p.
8. *Siberell A.* Bravo! Brava! A Night at the Opera. Behind the Scenes with Composers, Cast, and Crew. New York: Oxford University press, 2002. 64 p.
9. *Scherer B.L.* Bravo! A Guide to Opera for the Perplexed. New York: E.P. Dutton & Co Inc, 1996. 292 p.

References

Literatura

1. *Arutyunova N.D.* Tipy' yazy'kovy'x znachenij: Ocenka. Soby'tie. Fakt. M.: Nauka, 1988. 341 s.
2. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Gorodskoe prostranstvo kak novaya kommunikativnaya sreda e'poxi globalizacii // *Yazy'kovaya politika i yazy'kovy'e konflikty' v sovremennom mire: Mezhdunar. konf., doklady' i soobshheniya; IYa RAN, NICZ po nacional'no-yazy'kovy'm otnosheniyam*. M.: Tezaurus. Yazy'ki narodov mira, 2014. S. 302–309.
3. *Serebrennikova E.F.* Vvedenie. E'tnosemiometriya kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza // *Lingvistika i aksiologiya. E'tnosemiometriya cennostny'x smy'slov: kollektivnaya monografiya*. M.: Tezaurus, 2011. S. 3–48.
4. *Trunova O.V., Bubnova I.A.* Yazy'k kak pokazatel' social'nogo statusa i faktor nacional'noj identichnosti // *Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie»*. 2017. № 1 (25). S. 62–71.
5. *Kurbanova M.G.* E'rgonimy' sovremennogo russkogo yazy'ka: semantika i pragmatika: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Volgograd, 2015. 23 s.
6. *Oostendorp M. van.* Bravo! Bravissimo! Hoe het Italiaans de taal van de muziek werd // *Onze Taal*. Heidelberg, 2013. 303 p.
7. *Patota G.* Bravo! Bologna: Il Mulino, 2016. 134 p.
8. *Siberell A.* Bravo! Brava! A Night at the Opera. Behind the Scenes with Composers, Cast, and Crew. New York: Oxford University press, 2002. 64 p.
9. *Scherer B.L.* Bravo! A Guide to Opera for the Perplexed. New York: E.P. Dutton & Co Inc, 1996. 292 p.

E.S. Borisova

Evaluative Lexeme *bravo* in the Contemporary Culturological Space

The article focuses on structural, semantic and paradigmatic analysis of the evaluative lexeme *bravo*, which functions as a pragmatonym and ergonym in the contemporary culturological space. The lexeme is analyzed from the standpoint of the developing philosophical and linguistic school of axiology. In the focus of investigation are reasons why different producers of goods and organizations choose this nominative unit, alongside with the lexeme's influence on people. The article also looks at historical grounds for differences in perception of this lexeme by Italians and non-Italians.

Keywords: evaluative unit *bravo*; pragmatonym; ergonym; axiological meaning; semantics.

УДК 811.111

А.М. Иванова

**Контактная вариантология
как новая лингвистическая парадигма:
некоторые актуальные вопросы
преподавания английского языка
в высшей школе**

В статье предлагается обзор учебного пособия проф. З.Г. Прошиной, знакомящего читателя с новой лингвистической парадигмой контактной вариантологии, а также отмечаются актуальные тенденции и спорные вопросы современного языкового образования в вузе, возникающие в свете глобального доминирования английского языка.

Ключевые слова: контактная вариантология; английский как язык международного общения; межкультурная компетенция; языковая норма и стандарт; форенизация в переводе.

Часть 2¹

Направление контактной вариантологии базируется на четырех социолингвистических постулатах [4], первый и наиболее важный из которых констатирует плюрицентричность современного английского языка. Понимая *плюрицентричность* как представленность английского не двумя (британский и американский), а многими вариантами, З.Г. Прошина обращается к теории концентрических кругов Б. Качру — существует «внутренний круг» вариантов английского (в странах, где английский представлен как первый и родной язык), «внешний круг» (страны, куда английский был трансплантирован в эпоху колониальной экспансии и где он выполняет роль второго государственного, например, Индия или ЮАР) и «расширяющийся круг» (страны, в которых английский выполняет функцию языка межнационального общения, например,

¹ Первую часть статьи см.: Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 4 (28). С. 72–77.

Япония, Китай, Финляндия, Россия). Вопросами, рассматриваемыми в свете плюрицентричности английского, становятся влияние английского на локальные языки и наоборот, усиление роли английского в локальных СМИ и рекламе в качестве средства воздействия, роль английского в мировой науке и образовательных тенденциях, что есть инвариант английского и насколько динамична языковая норма, и многие др.

В практике преподавания английского языка в высшей школе, по-видимому, пора решать вопрос о том, *какому* английскому языку учить студентов. Интерес представляют отмеченные З.Г. Прошиной различия между представлениями о *норме* английского языка и *стандарте* английского языка. Если норма — это ожидание носителей языка того, каким будет речевое взаимодействие, а не что-то легитимизированное на бумаге, и при этом стандарт не относится к произношению, а только к лексике и грамматике [4: с. 56–57], то стоит ли отводить значительное количество учебных часов на постановку у студентов максимально аутентичного (в британском или американском варианте) произношения? Более того, по-видимому, возможно снизить требования к качеству received / standard pronunciation, раз от русского по происхождению говорящего вполне ожидаем небольшой русский акцент, как от гражданина Китая — китайский. Как подчеркивает Е.И. Михалева, уже сейчас специалисты в области английской фонетики признают, что обучение английскому произношению должно быть ориентировано прежде всего на достижение понимания (intelligibility) в процессе коммуникации, так как международный статус английского не приводит к устранению фонетической неоднородности локальных и диалектных вариантов произношения, хотя и наблюдается их некоторое выравнивание [2: с. 25–26].

Подчеркивается, что язык (родной, но также и освоенный иностранный) определяет *культурно-языковую идентичность* (в другой терминологии, «языковая личность») говорящего — восприятие им себя как члена определенной культурной общности, характеризуемой в первую очередь каким-либо языком или его вариантом [4: с. 109]. Английский, становясь вторым языком какой-либо нации или этнического сообщества, воспринимается как еще одно (вторичное) средство культурного самовыражения. Отсюда и нежелание избавляться от регионального акцента (причем свойственное и самим носителям языка — жители Великобритании гордятся тем, что могут определить по акценту, из какого города и даже района их собеседник), стремление сохранить характерные языковые черты, через некоторые девиации своей англоязычной речи сообщить о своей национальности и культурной идентичности, о своем менталитете, прагматических установках своей культуры, принятом в ней речевом этикете. Автор приводит интересную цитату, слова сингапурского ученого Томми Ко: «Я надеюсь, что, когда я выступаю за рубежом, мои соотечественники без труда узнают, что я сингапурец» [4: с. 112].

Смежным постулатом является утверждение о том, что все варианты английского языка равны между собой, среди них нет лучших или худших вариантов. В эпоху *толерантности* как основной ценности мирового

сообщества — т. е. уважения, принятия и правильного понимания других культур, а также способов самовыражения и проявления человеческой индивидуальности, — плюрицентричность английского понимается как плюративность и инклюзивность.

Страны «внешнего круга», где английский является вторым языком (самый показательный пример — Индия), настаивают на легитимизации используемых ими вариантов английского языка, на утверждении новых, более разнообразных и «щадящих» стандартов, а в странах, где английский изучается в качестве иностранного (прежде всего, страны Восточной Азии со своей традиционной, отличной от европейской культурой), наблюдается протест против так называемой идеологии «нейтив-спикеризма» — идеи о том, что для обучения можно использовать только две языковые модели, британскую и американскую, что следует изучать только культуру Британии и США и игнорировать аутентичные материалы, если они не есть продукт речевой деятельности британцев и американцев, а созданы, например, англоговорящими жителями Малайзии, Кении или Гонконга.

Таким образом, в практике преподавания английского в школе и вузе встает вопрос о том, каким тогда должен быть языковой идеал — *модель* английского языка, на которую ориентируются учитель и ученик при осуществлении преподавания и при изучении языка. Должен ли современный преподаватель английского по-прежнему ориентироваться на стандартные письменные варианты британского и американского английского языка или переключиться на новую модель — английский как международный язык — и использовать соответствующие материалы?

Как отмечает автор, в некоторых западных вузах уже внедряются программы изучения *формального международного английского языка* (English as an International Language), т. е. английского как языка межкультурной коммуникации, делающие упор на способности английского языка обслуживать различные культуры мира, позволяя тем самым преодолевать коммуникативные барьеры. Студентам предлагается познакомиться с многообразием вариантов английского языка, в процессе коммуникации ориентироваться прежде всего на прагматическую уместность выбранной формы, использовать различные стратегии и тактики понимания смысла высказывания (negotiate the meaning), подстраиваться под национальные, «локализованные» нормы [4: с. 84–85].

Признание вариативности английского языка подразумевает изменения в том, по каким критериям будет определяться *языковая компетенция* учащихся (термин Н. Хомского, понимаемый как способность делать правильный выбор из имеющегося инвентаря языковых знаков и правил их сочетания для создания высказываний), — насколько допустима интерференция родного языка и какие отклонения от прототипического британского и американского стандарта, обусловленные менталитетом учащегося, допустимы, а какие нет. Так, З.Г. Прошина отмечает следующие лингводидактические проблемы —

нужно ли продолжать традиционно опираться на неварьируемые стандартные языковые явления или же стоит учить студентов использовать английский как *lingua franca*, как средство обеспечения понимания в процессе межкультурной коммуникации, максимально адаптируясь к различным коммуникативным ситуациям [4].

Следует отметить, что в неязыковых вузах данный вопрос представляется давно решенным в пользу обучения студентов одному из двух вариантов английского: английскому как международному языку (English as an International Language / World English / Basic English) или **английскому языку для специальных целей** (English for Specific Purposes), который как направление профильного обучения английскому языку является одним из наиболее быстро развивающихся в настоящее время. Данный вариант представляет собой особый регистр языка и в то же время дискурс, понятный специалистам из разных стран и делающий возможным их сотрудничество. На первый план выходит анализ типичных профессиональных коммуникативных ситуаций и правил успешной коммуникации, подчиненных принципу сотрудничества (максимы Г.П. Грайса и Дж. Лича), а также дискурсивные исследования текстов различных научных областей и установок автора текста [1]. Например, профессиональная компетенция выпускника экономического вуза, работающего менеджером-логистом, предполагает готовность и способность осуществлять эффективное иноязычное общение с зарубежными коллегами в сфере логистического менеджмента, а именно профессиональное владение терминологией логистики, знание речевых жанров (деловая переписка, телефонный разговор, переговоры, претензии и приказы, ораторская речь и т. д.) [6].

Если говорить об обучении английскому в лингвистических вузах, то, по-видимому, следует делать упор на развитии у студентов коммуникативной и **межкультурной компетенции**. Для обеспечения процесса межкультурного общения предполагается не только владение приемами и стратегиями эффективной коммуникации, но и понимание закономерностей человеческого общения как такового, знание о многочисленных культурных различиях, чуткость к изменениям коммуникативной ситуации и поведения собеседника. Составной частью межкультурной компетенции переводчика становится **межкультурная грамотность** — способность передавать информацию о других культурах и размышлять о своей собственной культуре и ее отношении к другим культурам. Более того, развитие прагматической составляющей межкультурной компетенции ставит во главу угла приемлемость и уместность использования языка в конкретной ситуации, учет этнокультурных особенностей участников акта коммуникации (например, понимание различных акцентов, знания об особенностях менталитета), тогда как корректность синтаксического построения фраз и употребления отдельных грамматических форм или лексической сочетаемости отодвигается на второй план.

Проблемы, затрагиваемые З.Г. Прошиной, выходят далеко за пределы лингводидактики в целом и дидактики перевода, в частности, затрагивают

такие дисциплины, как лингвокультурология, когнитивная семантика и психолингвистика. Относительно психолингвистики наибольший интерес представляют исследования в рамках парадигмы контактной вариантологии, посвященные проблеме билингвизма.

Расширение зоны распространения английского языка как второго, а также современные политико-экономические реалии, в частности миграционный кризис и резкий рост числа мигрантов, приезжающих в англоязычные страны, предоставляют психолингвистам широкую базу для исследования изменений, затрагивающих мозг и мыслительную деятельность человека вследствие усвоения/изучения им иностранного языка. Некоторые уточнения вносятся в описание феномена *билингвизма* — владения двумя языками и умения с их помощью осуществлять успешную коммуникацию — и в классификацию его вариантов. Прежде всего критике подвергается представление о «чистом» билингвизме — владении родным и вторым языком, при котором в сознании говорящего существуют две равноправные коммуникативные системы, не смешиваемые при восприятии и синтезе речи. Как представляется, любая форма билингвизма предполагает появление некоторой взаимодействующей *общности* концептов. Дети, усваивающие два языка с рождения, вырастают и становятся «сложными билингвами» (*compound bilingual*), в сознании которых присутствует один набор концептов, но для их вербализации используются два лингвистических кода (ср. *dog* и *chien* вербализуют единый концепт «собака»). Индивиды, начавшие изучать язык в более позднем возрасте, становятся 1) координатными билингвами (*coordinate bilingual*), т. е. используют два лингвистических кода и два набора концептов (ср. *dog* и *chien* вербализуют концепты «собака 1» и «собака 2», между которыми имеются как сходства, так и различия), делая выбор в пользу одного или другого в зависимости от условий общения, или 2) подчиненными билингвами (*subordinate bilingual*), которые способны использовать второй язык только с опорой на первый (ср. *dog* — это эквивалент *chien*, т. е. им можно назвать то, что можно назвать *chien*) [7]. Интерес могут представлять исследования особенностей русских билингвов, с участием как искусственных (студентов, изучающих английский), так и билингвов, проживающих в англоязычных странах.

Для лингвистов, проводящих семантические исследования, будут интересны отмечаемые З.Г. Прошиной модификации концепта «носитель языка» (*native speaker*). К информантам-носителям языка принято обращаться в качестве арбитров, высказывающих свое мнение относительно приемлемости и неприемлемости употребления тех или иных языковых единиц согласно принятым нормам. В связи с появлением большого числа мигрантов, для которых английский язык не первый, носителей языка можно подразделить на генетических (*native speakers*) и функциональных (пользователи языка / *language users*), при этом каждый носитель того или иного варианта английского языка будет являться информантом в своем варианте [4: с. 93–94]. Следует также помнить,

что не все генетические носители говорят на «идеальном» стандартном языке (многие говорят на социолекте), так как значительную роль в интуитивном знании о языковой норме играет социальный статус, возраст и профессия.

Каждый вариант английского языка опирается на культуру и менталитет своих носителей. Язык отражает культуру того или иного этноса, отражает и формирует его первичную картину мира, является средством передачи культуры от поколения поколению. При изучении второго языка создается **вторичная картина мира**, которая расширяет видение мира и представления о нем [5].

В настоящее время английскому языку все чаще отводится роль посредника при знакомстве с другими, неанглоговорящими культурами. Так, многие концепты и реалии приходят к носителям русского языка через английский, в который были заимствованы как ксенонимы (ср. *суши, мачо, карма, нирвана* и др.). Являясь транслятором других культур, языки которых объективно сложны для массового изучения, английский обогащает концептуальный багаж своих пользователей по всему земному шару, а также создает **третичную картину мира** — опосредованные представления о культуре неанглоязычной страны [3]. В рамках лингвокультурологии, в связи с такой посреднической ролью английского, возникает вопрос о том, не лишается ли современный английский, в силу своей нейтральности и общеупотребимости, этнокультурной специфики? Анализ русскоязычной и англоязычной языковых картин мира указывает на очевидное заимствование новых концептов и переосмысление старых, на сближение и унификацию коммуникативного поведения и даже формул речевого этикета, вплоть до полной неотличимости англицизмов в глазах молодого поколения. Зададимся вопросом, какую картину мира изучают студенты через английский язык — британскую, американскую, глобальную (ср. концепты *дом, судьба, розовый цвет, мужчина* и т. д.), и что называют слова-реалии — реалии англосаксонского мира или реалии глобальной культуры.

Практическая ценность учебного пособия «Контрастивная вариативность английского языка. Проблемы теории» З.Г. Прошиной [4] определяется большим количеством увлекательного дополнительного материала для аудиторной и внеаудиторной работы со студентами. Интересные вопросы и задания предполагают разнообразие форматов — дискуссия (например, о достоинствах и недостатках носителей и неносителей языка в качестве преподавателей), развитие критического мышления через обращение к личному опыту студентов (встречались ли вы с проявлениями политики «нейтив спикеризма?»), комментарии к рецензиям и отзывам, презентации на заданную тему, прослушивание лекций на английском языке и их содержательный и критический анализ, причем выбор в пользу лекторов разных национальностей позволяет погрузиться в тот или иной вариант английского языка.

В целом отметим, что представляемая З.Г. Прошиной русским читателям новая лингвистическая парадигма контактной лингвистики и ее основные принципы — полицентричность английского языка и вариативность его норм,

равенство пользователей во владении вариантами, инклюзивность, динамичность и функциональность — во многом будут определять в ближайшем будущем стратегии развития языкового образования в России и в мире.

Библиографический список

Литература

1. Егорова Л.А. Английский язык для специальных целей: лингвистические, прагматические и дидактические аспекты // Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: коллективная монография. Одесса: Изд-во Купrienko С.В., 2012. Т. 1. С. 6–20.
2. Михалева Е.И. Место диалектной речи в фонетической системе английского языка // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2012. № 1 (9). С. 24–28.
3. Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах // Вестник ИГЛУ. Сер. «Филология». 2012. № 2 (18). С. 200–206.
4. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка. Проблемы теории. World Englishes Paradigm: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2017. 208 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.
6. Яковкина О.А. Содержание обучения профессиональной межкультурной коммуникации менеджеров в области логистики // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 139–145.
7. Bhatia T.K., Ritchie W.C. The Handbook of Bilingualism. Padstow: Blackwell Publishers, 2004. 884 p.

References

Literatura

1. Egorova L.A. Anglijskij yazy'k dlya special'ny'x celej: lingvisticheskie, pragmaticheskie i didakticheskie aspekty' // Sovremennaya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya: kollektivnaya monografiya. Odessa: Izd-vo Kuprienko S.V., 2012. T. 1. S. 6–20.
2. Mixaleva E.I. Mesto dialektnoj rechi v foneticheskoy sisteme anglijskogo yazy'ka // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2012. № 1 (9). S. 24–28.
3. Proshina Z.G. Dinamika razvitiya anglijskogo yazy'ka v ego regional'ny'x variantax // Vestnik IGLU. Ser. «Filologiya». 2012. № 2 (18). S. 200–206.
4. Proshina Z.G. Kontaktnaya variantologiya anglijskogo yazy'ka. Problemy' teorii. World Englishes Paradigm: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2017. 208 s.
5. Ter-Minasova S.G. Yazy'k i mezhkul'turnaya kommunikaciya: ucheb. posobie. M.: Slovo, 2000. 624 s.
6. Yakovkina O.A. Soderzhanie obucheniya professional'noj mezhkul'turnoj kommunikacii menedzherov v oblasti logistiki // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 139–145.
7. Bhatia T.K., Ritchie W.C. The Handbook of Bilingualism. Padstow: Blackwell Publishers, 2004. 884 p.

A.M. Ivanova

**The World Englishes Paradigm and Current Challenges
of Teaching and Learning English at Universities
(Part 2)**

The article presents a review of the book «World Englishes Paradigm» by Prof. Z.G. Proshina as well as highlights new trends and challenges in teaching and learning foreign languages in the era when fast expansion and diffusion of English promote it to become the globally dominant language.

Keywords: varieties of English; English as an international language; intercultural competence; a national norm vs. a standard variety; foreignization as a translation strategy.

УДК 821.09«1640/1918»

М.И. Труфанова

**Социально-исторические основы
семейной темы в романах
«Анна Каренина» Л.Н. Толстого
и «Собственник» Дж. Голсуорси**

В статье рассматривается вопрос о социально-исторической обусловленности темы разрушения семьи и сюжета любовного треугольника в романах «Анна Каренина» Л.Н. Толстого и «Собственник» Дж. Голсуорси. Анализируется положение женщины в России конца XIX в. и в Англии начала XX в. как источник литературной темы.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; Дж. Голсуорси; литературное влияние; типологическое сходжение.

Тематическая близость произведений Дж. Голсуорси к романам Л. Толстого была установлена российскими учеными в середине XX в. На сходство романов «Собственник» и «Анна Каренина» указывали М.И. Воропанова, Т.Л. Мотылева, Д.Г. Жантиева, обнаружившие близость драматических ситуаций, изображенных с учетом национальной специфики жизненного уклада.

В последнее десятилетие тема семейного положения женщины в произведениях Толстого и Голсуорси напрямую не затрагивалась литературоведами. Исследовалась «мысль семейная» в критике и публицистике конца XIX в., концепт *семья* в романе «Анна Каренина» Толстого, образ женщины в английской лингвокультуре. Социально-историческая основа семейной темы рассматривалась М. Заламбани [5].

Наиболее изученный к настоящему моменту вопрос — воздействие на Голсуорси литературного опыта его русского предшественника, в то время как

историко-типологические схождения пока остаются на периферии интересов историков литературы. В частности, недостаточно прояснен вопрос о социально-исторической обусловленности темы разрушения семьи и сюжета любовного треугольника в «Анне Карениной» (1875–1877) Толстого и в романе «Собственник» (1906) Д. Голсуорси. Рассмотрение именно этого аспекта литературных связей является задачей данной работы.

Как указывал В.М. Жирмунский, «именно историко-типологические аналогии или схождения... являются предпосылками для взаимодействия между литературами. <...> На этой основе возможны более частные схождения идей, образов, сюжетов, литературных жанров, особенностей поэтического стиля, всей системы средств художественного выражения» [7: с. 177]. Как считают многие литературоведы-компаративисты, подобные схождения должны быть обоснованы документами. Но в ряде случаев «сходство исторических и литературных деталей, не подтвержденное документально... привлекая внимание читателей и исследователей, может служить указанием на реальное явление, свидетельствовать о его типичности» [10: с. 13]. Сопоставление произведений Толстого и Голсуорси предполагает анализ исторического контекста. Провозглашаемые церковью и государством незыблемыми социальные, финансовые, морально-нравственные аспекты семейной жизни все же меняются в связи с развитием общества и ростом самосознания членов этого общества.

Подобные перемены привлекали внимание в первую очередь к семейной теме. В России права и обязанности супругов определялись законом как полное повиновение жены мужу «как главе семейства» [2: с. 22]. Несмотря на то что в XIX в. происходили изменения в гражданском праве, до 1917 г. женщина оставалась в подчиненном положении. В статье 107 Свода законов говорилось: «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви и неограниченном послушании, оказывать ему всяческое угождение и привязанность...» [2: с. 22].

Осмысление семейного вопроса было связано у Л.Н. Толстого с глубоко личными переживаниями, с размышлениями о месте женщины в семье и обществе. Суждения Толстого отличались резкостью и однозначностью. Жена писателя так понимала свое положение в семье: «Я — удовлетворение, я — нянька, я — привычная мебель, я — женщина» [4: с. 64]. Каждый из супругов выполняет свою роль, но призвание женщины, по мысли Толстого, «однообразнее», у нее меньше обязанностей, и, не выполняя хоть одну из них, она нравственно падает ниже мужчины. Для Толстого брак был единственным возможным способом существования и продолжения рода. В статье «Что же нам делать?» он писал: «Идеальная женщина <...> родит, выкормит и воспитает наибольшее количество детей, способных работать для людей» [3: т. 25, с. 411].

Семейной теме Толстой посвятил один из первых своих романов «Семейное счастье» (1859). Уже здесь прозвучал мотив нравственного падения жены. Но во всей силе эта тема заявила о себе в романе «Анна Каренина». Героиня, нарушая свою главную обязанность быть верной женой, отказывается

от «требований рода — начала и основы бытия» [9: с. 217], что ведет ее к смерти физической. Толстой показывает неравенство супругов, состоявшее еще и в том, что «неверность жены и неверность мужа казнятся неравно и законом и общественным мнением» [3: т. 18, с. 412].

Толстой передает в «Анне Карениной» взгляды высшего общества. Это подчеркивали и современники писателя. Один из первых рецензентов романа «Анна Каренина» писал: «Тонко подметил автор те признаки переходного состояния наших общественных воззрений на семью, которые кладут печать нерешительности и колебаний на семейные распорядки большинства нашего цивилизованного общества» [6: с. 33].

Так, Каренин первоначально предстает перед читателем как человек, руководствующийся чувством собственности и правами мужа. В подтверждение этой мысли приведем строки Толстого: «Он (Вронский. — М. Т.) знал, что у ней есть муж, но не верил в существование его и поверил в него вполне, только когда увидел его <...> когда он увидал, как этот муж с *чувством собственности* спокойно взял ее руку» [3: т. 18, с. 112]. Каренин, готовясь к разговору с женой, думает о своих правах мужа: «Вопросы о ее чувствах, о том, что делалось и может делаться в ее душе, это не мое дело, это дело ее совести и подлежит религии», — сказал он себе, чувствуя облегчение при сознании, что *найден тот пункт узаконений*, которому подлежало возникшее обстоятельство... Как глава семьи, я лицо, обязанное *руководить* ею, и потому отчасти лицо ответственное: я должен указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже *употребить власть*» [3: т. 18, с. 152].

Жена принадлежит мужу по закону. Он не может оставить без борьбы то, чем владел. Он должен поддерживать свой статус в обществе, следовать не только юридическим законам, но и нормам приличия, принятым в высшем свете. Персонаж Толстого тяжело переживает необходимость бракоразводного процесса. Каренин не мог открыто заявить о причине развода, боялся появления слухов в обществе: «Он видел, что сложные условия жизни, в которых он находился, не допускали возможности тех грубых доказательств, которых требовал закон для уличения преступности жены; ... применение этих доказательств уронило бы его в общественном мнении более, чем ее.

Попытка развода могла привести только к скандальному процессу, который был бы находкой для врагов, для клеветы, унижения его высокого положения в свете» [3: т. 18, с. 297].

Сходны с каренинскими мыслями и переживания Вронского, который не намерен был жить в гражданском браке, соблюдение законов важно и для него: «Жребий брошен <...> И мы связаны на всю жизнь. Мы соединены самыми святыми для нас узами любви. У нас есть ребенок, у нас могут быть еще дети. Но закон... Моя дочь по закону — не моя дочь, а Каренина. Я не хочу этого обмана» [3: т. 19, с. 202].

Толстой в своем романе изображает, как персонажи, пренебрегая узами церковного брака, разрушают свои семьи. Семейное благополучие нарушено

не только в доме Карениных. Этот факт свидетельствует о том, что изменения произошли в сознании людей, в обществе в целом. Ярким примером служит поведение Стивы Облонского. Он воспринимает Долли как добрую мать семейства, которая состарилась и казалась ему теперь некрасивой, поэтому он ждет от своей жены «сострадания» и «не раскаивается в своем поступке». «Тень разлада», как назвал эту особенность Э.Г. Бабаев, нависает над многими супружескими парами, разъединяет их. «Мысль семейная» приобретала особенную остроту, становилась тревожным фактором времени [3: т. 25, с. 411].

Роман отображает социальные изменения, происходящие во второй половине XIX в., они стали итогом правительственных реформ, приведших, в частности, к изменению статуса женщины в обществе. Наступил кризис старой семьи, появляются модели семейных отношений, но светское общество еще не готово к переменам.

Через четверть века Голсуорси, семейную жизнь которого вряд ли можно назвать удачной, осмысляет в романе «Собственник» ту же тему. В викторианском обществе сложилось схожее отношение к положению женщины. С вступлением в брак женщина утрачивала всякую правовую самостоятельность. Она рассматривалась как единое целое с мужем. После принятия Акта «Об имуществе замужних женщин» (1870, 1882) женщина признавалась дееспособной в гражданско-правовых отношениях, могла распоряжаться своим имуществом. Однако это не устраняло определяющей роли канонического «общего права», по которому муж и жена есть «одно тело» перед Богом.

В ряде работ, посвященных творчеству Голсуорси (в том числе и российских), констатируется факт особого внимания писателя к теме семьи, разрабатываемой во многих его произведениях: «Большое место занимает в творчестве Голсуорси и в эпосе о Форсайтах тема неудачного брака. Это — одна из основных проблем романа “Собственник”. Голсуорси, как и Толстого, живо волновало положение женщины в семье. Но, кроме воздействия “Анны Карениной”, источником драмы героев можно признать и личную жизнь Голсуорси, который многие годы страдал от того, что любимая им женщина была женой другого. Сказалось здесь и хорошее знание английских законов о браке и практики бракоразводных процессов» [8: с. 151].

Главная в «Саге о Форсайтах» проблема собственничества и морали объединяет мотивы, связанные с семейными отношениями и положением женщины в викторианском обществе. Как было сказано представителем Шведской академии, Нобелевская премия была присуждена Голсуорси, в частности, за показ и анализ «трансформации и распада викторианской эпохи вплоть до наших дней» [11: URL], в том числе и викторианской семьи как основы нации. Другими словами, очевидно, что большой художник отразил в своих произведениях то новое, чему он стал свидетелем.

В романе Голсуорси «Собственник» Сомс завоевал Ирэн и теперь хотел «владеть ее телом, ее душой». Но она была недовольна своим замужеством.

Согласившись на предложение Сомса по расчету, Ирэн обрекла себя на несчастную жизнь, но, полюбив, отрицает принятые в обществе правила.

Анна и Ирэн изображены в острой, критической ситуации, когда они решили оставить свои семьи. И в «Анне Карениной», и в «Собственнике» показано разложение семейных ценностей, разрушение семьи. В образах героинь много общего: обе принадлежат к аристократическому обществу, образованны, но без собственных средств к существованию, обе несчастны в семейной жизни. Так, Стива Облонский продумывает, что он скажет Анне: «Я начну сначала: ты вышла замуж за человека, который на двадцать лет старше тебя. Ты вышла замуж *без любви* или не зная любви» [3: т. 18, с. 449]. Сходные мысли звучат и в романе Голсуорси: «Многие сочли бы брак Сомса и Ирэн вполне удачным: у него деньги, у нее красота — значит, компромисс возможен. Пусть *не любят* друг друга, но почему не поддерживать сносных отношений» [1: с. 248]. В то же время в предисловии к «Саге о Форсайтах» Голсуорси выражает мысль, что «если в браке физическое влечение у одной из сторон отсутствует, то ни жалость, ни рассудок, ни чувство долга не превазможут отвращения» [1: с. 35].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что взгляды на женский вопрос у Толстого и Голсуорси во многом близки, что обусловлено сходством исторически сложившегося положения женщин в России и Англии. Голсуорси был знаком с английским переводом «Анны Карениной» (1901) и позже выразил свое отношение к Толстому-писателю в предисловии к этому роману (1928). Голсуорси отмечал, что этот роман представляет собой образец изображения русского характера и удивительную картину русского общества. Различие характеров Анны и Ирэн отражает разницу национальных культурных особенностей.

Подытоживая все сказанное, отметим, что историческая действительность, в частности семейный статус женщины в России конца XIX в. и в Англии начала XX в., явилась основой той общности в изображении семейных противоречий, которая обнаруживается в романах русского и английского классиков с учетом национальной и индивидуальной специфики. Это один из важнейших признаков историко-типологического схождения. Трудно сказать, был ли интерес Голсуорси к семейной теме результатом влияния искусства Толстого или сформировался только под воздействием впечатлений реальной жизни. Тем значительнее представляется сходство принципов и приемов художественного воплощения семейной темы.

Библиографический список

Источники

1. Голсуорси Дж. Собр. соч.: в 16 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1962. 415 с.
2. Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. 1: О союзе брачном. С. 1–12. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/16.html#img17> (дата обращения: 11.01.2018).
3. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1928–1964.

4. Толстая С.А. Дневники: в 2 т. 1862–1900 гг. / сост. и коммент. Н.И. Азаровой и др.; вступит. ст. С.А. Розановой. М.: Худ. лит., 1978. 627 с.

Литература

5. Заламбани М. Институт брака в романе «Анна Каренина» // НЛО. 2011. № 6 (112). С. 157–176.

6. Зелинский В.А. Русская критическая литература о произведениях Л.Н. Толстого: хронол. сб. критико-библиогр. ст. 3-е изд. М.: Тип. Вильде, 1912. 234 с.

7. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка / гл. ред. Д.Д. Благой. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XIX. 560 с.

8. История зарубежной литературы XX века: 1917–1945: учеб. пособие / В.Н. Богословский, З.Т. Гражданская, Е.Я. Домбровская и др. М.: Просвещение, 1984. 304 с.

9. Касаткина Т.А. Философия пола и проблема женской эмансипации в «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстого // Вопр. литературы. 2001. № 4. С. 209–222.

10. Романова Г.И. Методологические проблемы изучения прототипа (дискуссия о Бакуinine в 1920-е гг.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2014. № 2. С. 8–15.

Интернет-ресурсы

11. Presentation Speech by Anders Österling, Member of the Nobel Committee of the Swedish Academy, on December 10, 1932 [Электронный ресурс]. URL: http://nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1932/press.html (дата обращения: 10.01.2018).

References

Istochniki

1. Golsuorsi Dzh. Sobr. soch.: v 16 t. T. 1. M.: Xud. lit., 1962. 415 s.

2. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 10. Ch. 1: O soyuze brachnom. S. 1–12. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/16.html#img17> (data obrashheniya: 11.01.2018).

3. Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. M.; L.: Goslitizdat, 1928–1964.

4. Tolstaya S.A. Dnevniky: v 2 t. 1862–1900 gg. / sost. i komment. N.I. Azarovo i dr.; vstupil. st. S.A. Rozanovoj. M.: Xud. lit., 1978. 627 s.

Literatura

5. Zalam bani M. Institut braka v romane «Anna Karenina» // NLO. 2011. № 6 (112). S. 157–176.

6. Zelinskij V.A. Russkaya kriticheskaya literatura o proizvedeniyax L.N. Tolstogo: xronol. sb. kritiko-bibliogr. st. 3-e izd. M.: Tip. Vil'de, 1912. 234 s.

7. Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury' i yazy'ka / gl. red. D.D. Blagoj. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. T. XIX. 560 s.

8. Istoriya zarubezhnoj literatury' XX veka: 1917–1945: ucheb. posobie / V.N. Bogoslovskij, Z.T. Grazhdanskaya, E.Ya. Dombrovskaya i dr. M.: Prosveshhenie, 1984. 304 s.

9. Kasatkina T.A. Filosofiya pola i problema zhenskoj e'mansipacii v «Krejcerovoj sonate» L.N. Tolstogo // Vopr. literatury'. 2001. № 4. S. 209–222.

10. *Romanova G.I.* Metodologicheskie problemy' izucheniya prototipa (diskussiya o Bakunine v 1920-e gg.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2014. № 2. S. 8–15.

11. Presentation Speech by Anders Österling, Member of the Nobel Committee of the Swedish Academy, on December 10, 1932 [E'lektronny'j resurs]. URL: http://nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1932/press.html (data obrashheniya: 10.01.2018).

M.I. Trufanova

**The Social and Historical Foundations of the Family Theme
in the Novels «Anna Karenina» by L.N. Tolstoy
and «The Man of Property» by J. Galsworthy**

The article considers the social and historical the theme of the family frustration and the plot of the romance triangle in the novels «Anna Karenina» by Tolstoy and «The Man of Property» by Galsworthy. The position of the woman in Russia at the end of the XIXth century and at the beginning of the XXth century in England is analyzed as a source of the literary theme.

Keywords: Tolstoy; Galsworthy; literary influence; typological similarities.

УДК 811.161.1'373.6

А.С. Осламенко

Архетип современного концепта *герой*

Статья посвящена исследованию концепта *герой* с позиции исторического подхода к изучению языка. Представлен анализ лексемы *богатырь* как варианта его номинации в период до XVIII в., описано лексико-семантическое поле концепта *герой*.

Ключевые слова: концепт; лексико-семантическое поле; когнитивная лингвистика; полевая структура; былина.

В русле антропоцентрической парадигмы лингвистики, в рамках которой исследователи большое внимание уделяют вопросам взаимодействия языка и культуры, актуально изучение концептов как структурного элемента национальной культуры. Концепт — одно из основных понятий современной лингвистики. К нему обращаются ведущие лингвисты и культурологи (Д.С. Лихачев, 1993; Е.С. Кубрякова, 2001; Ю.С. Степанов, 2001).

Многомерность и междисциплинарная природа феномена концепта обуславливает невозможность его универсального и однозначного определения. В данном исследовании за основу взято определение, изложенное в трудах Ю.С. Степанова, с точки зрения которого, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека <...>, то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее <...>, тот “пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [11: с. 43]. В понимании концепта Ю.С. Степанов полагается на его философское осмысление, описанное в работах русского ученого С.А. Аскольдова-Алексеева, который под этим явлением подразумевает «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2: с. 269].

В нашем исследовании мы опираемся на лингвистический подход в изучении концептов, сторонниками данного направления являются С.А. Аскольдов-Алексеев [2], Д.С. Лихачев [7], Е.С. Кубрякова [6] и др. Согласно этому подходу концепты — это результат столкновения лексического значения слова с личным и общественным опытом индивидуума, т. е. они не формируются непосредственно из значения слова. С этой точки зрения концепты функционируют как посредники между лексемами и окружающей действительностью.

В лингвистике описывается широкий круг концептов. Однако исследование концепта *герой* мы считаем недостаточным и вместе с тем интересным

и актуальным в силу того, что историко-философское наполнение содержания феномена героического изменяется в процессе исторического развития человечества. Актуальность рассмотрения концепта *герой* сопряжена с необходимостью анализа состояния общества и личности в конкретную историческую эпоху и с анализом национальной аксиологической системы. Потому что именно этот концепт служит идеологическим инструментом, ключевым образом, который связан с традициями, представлениями о национальной целостности и системой самоопределения. Герой, с одной стороны, — фундамент всей нации, с другой — безусловный эталон человека для каждого носителя этой культуры.

Герой и героическое как определяющие национального сознания становились предметом научного интереса в первую очередь философов. Однако содержание концепта эксплицировано посредством языковых единиц. *Герой* — слово многозначное. Словарь иностранных слов дает несколько определений: *храбрый воин; полубог, посмертно обожествленный; царь с наследниками и свитой*. Кроме этого, героем называют человека, отличившегося необыкновенными подвигами, а также главное действующее лицо в романе, повести, т. е. главного персонажа художественного произведения [8: с. 93]. В.И. Даль также фиксирует схожую семантику: «ГЕРОЙ м. героиня ж. <...> витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин; доблестный подвижник вообще, в войне и в мире, самоотверженец. Герой повести, главное, первое лицо» [4: с. 859]. С.И. Ожегов в словарной статье добавляет аспекты героических званий: Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, город-герой, крепость-герой и мать-героиня [10: с. 164].

В обыденном языке, следовательно, акцентируется такое свойство *героя*, как его способность превосходить большинство, а в некоторых случаях — всех остальных людей в чем-то, что ему либо дано свыше, либо достигнуто им самим.

Многозначность слова определяет неоднозначность подхода к исследованию концепта *герой*. Филологи чаще всего этот концепт рассматривают в рамках творчества конкретного писателя или даже отдельного художественного произведения. Так, Д.И. Иванов и Е.И. Шаджанова, основываясь на материале поэтических текстов В. Цоя, выделяют *лирического героя* романтической поэзии, смысл такого понимания концепта раскрывается в дихотомии *герой* и *обыватель* [5]. Схожее отношение к феномену *герой* отражено в работах П.А. Васиневой. Она видит в нем универсальную личность в философии раннего немецкого романтизма в сопоставлении с античным мировоззрением [3].

Понимание того, что такое *герой*, в настоящем исследовании раскрывается в противопоставлении *герой* — *трус*. *Герой* — это человек, способный и желающий защищать и спасать, не ищущий награды за свои действия; тот, чьи поступки и душевные качества являются примером как для общества в целом, так и для каждого человека в отдельности, и тот, чье превосходство другие люди признают как заслуженное.

Такое осмысление *героя* актуально для русской культуры, так как история России — постоянное противостояние внешним силам, желающим захватить страну, или же борьба за единство страны — эти события требуют поощрения, выделения тех, кто находится в центре ожесточенных боев.

Обращение именно к такому пониманию концепта *герой* в настоящее время видится необходимым, потому что в эпоху глобализации, когда национальные особенности уходят на второй план, формируется некая универсальная мировая культура, особенно важными становятся вопросы самобытности народа, проблемы ее сохранения. Тогда как именно *герой* выступает носителем национального абсолюта, идеалом нации.

В качестве основного метода исследования концепта использован метод поля, который в концептологии является одним из продуктивных. Поле в рамках концептологии понимается как структура, состоящая из ядра и периферии. В ядро входят прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; периферию составляют более отвлеченные признаки. Местоположение в поле концепта того или иного концептуального признака (периферия/ядро) не свидетельствует о его маловажности, а говорит о степени конкретности и наглядности образного представления [9]. В поле максимально полно проявляется концепт, а анализ структуры поля позволяет выявить актуальные смыслы, второстепенные и периферийные зоны смысла, содержащегося в концепте. Изменения структуры лексико-семантического поля свидетельствуют о динамике его семантического наполнения.

Цель данного исследования состоит в описании лексико-семантического поля, включающего в себя языковые единицы, вербализующие концепт *герой* в русском языке. В связи с этим предполагается исследование семантического наполнения и эволюции семантики лексем, входящих в это лексико-семантическое поле.

В рамках настоящей статьи актуализирована проблема номинации концепта *герой* в период до XVIII в. Слово *герой* имеет греческое происхождение, но в русский язык попало из французского в начале XVIII в. Однако очевидно, что с самых древних времен человеку нужно было защищать себя и своих сородичей, поэтому концепт *героя* как защитника имеет гораздо более раннее происхождение.

До появления в русском языке лексемы *герой* существовало много слов, которые выражали схожий с ней лексический смысл: удалец, хорóбор (хорóбр), резвѣц, мóлодец, ўхарь, пáленица, поліаница, богатѣрь, вѣтязь.

У В.И. Даля лексема *герой* объясняется через ряд синонимов, из которых самым древним по происхождению является *богатырь* [4]. Это дает нам право считать лексему *богатырь* главным словом, номинирующим концепт. Кроме этого, богатырь, в отличие от воина и витязя, является не собственно военно-обязанным, а человеком, для которого защита родины — личный выбор.

Для определения лексико-семантического поля *герой* в период до XVIII в. мы обратились к былинам, так как в них главным персонажем является

защитник Отечества. Кроме того, фольклорный текст отражает национальные идеалы. В данном случае идеал защитника своего народа, на которого можно положиться, непобедимость которого не подвергается сомнению, в противном случае под сомнение будет ставиться само существование государства. Для анализа были выбраны следующие былины: «Вольга (Волх) Всеславьевич», «Добрыня и Змей», «Вольга и Микула», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Святогор», «Илья Муромец и Идолище в Киеве», «Алеша Попович едет в Киев», «Алеша Попович и Тугарин Змеевич», из антологии В. Ковпика, А. Калугиной «Былины. Исторические песни. Баллады» [1].

В былинах актуализировано происхождение богатыря, но это не связано с его героическими качествами, т. е. и попов сын, и крестьянский сын одинаково ценят Отечество и готовы «сложить за него голову»: «И говорил <...> Алеша Попович <...> “дружинушка хоробрая! Не поедem-ка мы <...> во Киев <...> А напустимся на рать-силу великую <...> И слободим от беды крашен Киев-град”» [1: с. 140–144]; «Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромец <...> не мог <...> пообедати, Розболелось <...> ретиво сердце, Закипела <...> кровь горячая <...> “не знаю, отчего <...> незамог <...> Надоть съездить попроведать в красен Киѣв-град”» [1: с. 54–58]. Богатыри разнятся как нравом, так и поведением, но все они выражают представления народа о том, каким должен быть тот, кто может защитить, тот, на кого народ может опереться. Они мыслятся носителями идей силы нации, ее несокрушимости.

Богатыри воплощают в себе качества, которые народ признает как лучшие: отвага («Говорит-то Олѣша нынѣ Поповицѣ-от: Да сам я пойду да не тебя пошлю» [1: с. 145–147]), любовь к Родине, желание защищать ее ценой своей жизни («Полно вам бока пролѣживать, полно силу нагуливать, пришла пора послужить родной земле, защитить Русь от Салтана Бекетовича» [1: с. 32–34]), мощь/сила («И пошѣл тут жестокий бой. Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин в землю ушла <...> Бьются они три дня и три ночи» [1: с. 103–108]), благородство поступков («Говорит им Добрынюшка: “Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря”» [1: с. 103–108]), мужество («Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал <...> песку <...> пять пудов да <...> ударит <...> Змея <...> и отшиб ему голову» [1: с. 103–108]), бесстрашие («Гой еси вы, дружина хоробрая! Не время спать, пора вставать: Пойдем мы ко царству Индейскому» [1: с. 32–34]), смекалка («Волх <...> догадлив был! <...> Он те-то-де речи повыслушал <...> обвернулся горностаем, <...> у тугих луков тетивки накусывал, У каленых стрел железцы повынимал» [Там же]), милосердие («Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого» [1: с. 103–108]).

В текстах былин представлены атрибуты богатырей: оружие — палица булатная/свинцовая, лук тугой, стрелы каленые, копье вострое да долгомерное, меч булатный, сабля острая: «Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый /

А он стрелочку каленую накладывал» [1: с. 46–50]; «берет <...> копье догомерное <...> саблю острую <...> палицу боевую <...> налушничек тугой лук да двенадцать стрелочек каленых» [1: с. 140–144]; обмундирование — щит, шлем, кольчуга: «Надевал Алешенька латы кольчужные» [1: с. 140–144]. Богатырь не мыслился без добра коня и часто без дружинушки хороброй: «Стал <...> он дружину прибирать <...> прибирал в три года» [1: с. 32–34]; «садился Алеша на добра коня С <...> дружинушкой хороброю» [1: с. 140–144].

Богатырский конь — это важный образ, входящий в ядро лексико-семантического поля. Конь мыслится помощником богатыря, его другом, без кого не было бы геройских подвигов, ратных свершений. Богатырский конь всегда сильный, выносливый, смелый. Яркий пример — конь Ильи Муромца Бурушка, который способен противостоять «посвисту Соловья-разбойника» [1: с. 46–50]. Или, например, конь Святогора: в былине «Илья Муромец и Святогор» богатырский конь богатыря-великана смог носить и Святогора, и сидевших в его кармане Илью Муромца с Бурушкой [1: с. 42–45].

Анализ восьми былинных текстов позволяет сделать выводы о том, что в период до XVIII в. ядро лексико-семантического поля концепта *герой* (номинация словом *богатырь*) схоже с современным, что говорит об устойчивости данного концепта. И до XVIII в., и в настоящее время ядро включает в себя такие семы, как защита, сила, мощь, смелость, самоотверженность, храбрость, сражение, оружие, обмундирование, конь, дружина, способность помогать и жертвовать собой и др.

Предполагается, что при дальнейшем анализе концепта, обращенном к современным лексикографическим источникам и идеоматике, а также мета-языковому сознанию носителей языка, выявятся дополнительные семантические особенности *героя*, которые эксплицируют его современные концептуальные характеристики, что, безусловно, важно, так как через представление о герое выражается аксиологическая картина мира. Через концепт *герой* определяется положительное и отрицательное, правильное и неправильное. Изучение этих акцентов в разные исторические эпохи позволит проследить изменения ценностной системы координат русского языкового сознания.

Библиографический список

Источники

1. Былины. Исторические песни. Баллады / сост.: А. Калугина, В. Ковпик. М.: Эксмо, 2008. 661 с.

Литература

2. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 267–279.

3. Васинева П.А. Концепты «герой» и «универсальная личность» в античности и раннем немецком романтизме // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2013. № 4 (29). С. 194–197.

4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Ктерра, 1998. Т. 1. С. 859.
5. *Иванов Д.И., Шаджанова Е.И.* Концепт «герой» в структуре вербального компонента синтетической языковой личности В. Цоя // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2017. № 3 (69). Ч. 2. С. 96–99.
6. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения // *Текст: структура и семантика: докл. VIII Междунар. конф. МГОПУ им. М.А. Шолохова.* М.: Спорт – Академпресс, 2001. С. 72–81.
7. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В.П. Нерознака.* М., 1997. С. 280–287.
8. *Попов М.* Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М.: Типография тов-ва И.Д. Сытина, 1911. 466 с.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике мира. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
10. *Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов; под общ. ред. Л.И. Скворцова.* 24-е изд., испр. М.: Оникс; Мир и Образование, 2005. 1198 с.
11. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

References

Istochniki

1. By'liny'. Istoricheskie pesni. Ballady' / sost.: A. Kalugina, V. Kovpik. М.: Е'ksmo, 2008. 661 s.

Literatura

2. *Askol'dov-Alekseev S.A.* Koncept i slovo // *Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya / pod red. V.P. Neroznaka.* М.: Academia, 1997. S. 267–279.
3. *Vasineva P.A.* Koncepty' «geroj» i «universal'naya lichnost'» v antichnosti i rannem nemeczkom romantizme // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana).* 2013. № 4 (29). S. 194–197.
4. *Dal' V.I.* Tolkovy'j slovar' zhivogo velikorusskogo yazy'ka: v 4 t. М.: Kterra, 1998. T. 1. 859 s.
5. *Ivanov D.I., Shadzhanova E.I.* Koncept «geroj» v strukture verbal'nogo komponenta sinteticheskoy yazy'kovoj lichnosti V. Czoya // *Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki.* Tambov: Gramota. 2017. № 3 (69). Ch. 2. С. 96–99.
6. *Kubryakova E.S.* O tekste i kriteriyax ego opredeleniya // *Tekst: struktura i semantika: dokl. VIII Mezhdunar. konf. MGOPIU im. M.A. Sholoxova.* М.: Спорт – Академпресс, 2001. S. 72–81.
7. *Lixachev D.S.* Konceptosfera russkogo yazy'ka // *Russkaya slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antol. / In-t narodov Rossii; pod red. V.P. Neroznaka.* М., 1997. S. 280–287.
8. *Popov M.* Slovar' inostrannyx slov, voshedshix v upotreblenie v russkom yazy'ke. М.: Tipografiya tov-va I.D. Sy'tina, 1911. 466 s.
9. *Popova Z.D., Sternin I.A.* Ocherki po kognitivnoj lingvistike mira. Voronezh: Istoki, 2001. 191 s.

10. Slovar' russkogo yazy'ka: Ok. 53 000 slov / S.I. Ozhegov; pod obshh. red. L.I. Skvorczova. 24-e izd., ispr. M.: Oniks; Mir i Obrazovanie, 2005. 1198 s.
11. *Stepanov Yu.S.* Konstanty': slovar' russkoj kul'tury'. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 990 s.

A.S. Oslamenko

The Archetype of the Modern Concept *Hero*

The article is devoted to the study of the concept *hero* through a historical approach to language research. The analysis presents the lexeme *bogatyr* as a variant of its nomination up to XVIIIth century. The lexico-semantic field of the concept *hero* is described.

Keywords: concept; lexico-semantic field; cognitive linguistics; field structure; epic.

УДК 81.23

Т.А. Романова

Лингвокультурологические особенности формирования и употребления термина *animation* в английском языке

В статье рассматриваются лингвокультурологические особенности формирования и развития лексической единицы *animation* как одного из фундаментальных терминов одноименной сферы деятельности. Уделяется внимание таким языковым явлениям, как терминологизация и способы словообразования. Изучение проводится в контексте развития терминологии в индустрии анимации.

Ключевые слова: анимация; аниматроника; ядерный термин; терминология.

Изучение понятийно-терминологического аппарата любой области знаний представляет большой интерес с точки зрения его происхождения. При этом этимология, как отмечает О.Г. Чупрына, «важна не как самоцель», поскольку она не может подменить актуальных значений [10: с. 144]. Говоря об этимологии анимационных терминов английского языка, важно учитывать, что их образованию способствовали как внешние (экстралингвистические), так и внутренние (интралингвистические) факторы. По мнению С.В. Гринева-Гриневиича, с точки зрения исторического аспекта формирования терминов их можно разделить на исконные и заимствованные [9]. Терминология анимации как отдельного вида киноискусства складывалась в английском языке во многом за счет слов-заимствований. К их числу в первую очередь относится ключевой, или ядерный, термин «анимация» — *animation*.

По данным онлайн-словаря Dictionary.com, первый случай употребления в английском языке слова *animation*, от латинского *animatio*, датируется последним десятилетием XVI в. и трактуется как *action of imparting life* (акт надления жизнью) [2: URL]. Рассматривая этимологию слова немного шире, электронный этимологический словарь Online Etymology Dictionary сообщает, что с первого десятилетия XVII в. у слова появилось значение *vitality, appearance of activity or life* (оживление, появление жизненной активности) применительно к ситуации, когда имеет место временное прекращение жизненных функций или бессознательное состояние [5: URL].

Во второй половине XIX в. слово *animation* перешло из языка для общих целей в язык для специальных целей (ЯСП). В связи с развитием кинематографа оно получило новое значение *production of moving cartoon pictures* (создание подвижных картинок-карикатур), поскольку теперь речь шла о приведении

в движение рисунков карикатурного типа. Таким образом, *animation* стало термином отдельного направления в искусстве кинематографа, прочно вошедшим в употребление около 1912 г. [Там же]. Как указывает словарь *A New English Dictionary On Historical Principles*, в XVII в. это слово обладало двумя, важными, с нашей точки зрения, значениями — «representation of things as alive» (изображение предметов живыми) и «the action of filling with liveliness» (процесс наделения чего-либо живостью, подвижностью) [1: URL]. Можно предположить, что эти два смысла стали основой формирования терминологического значения следующих слов: a film, television program, computer game, etc. that has pictures, clay models, etc. that seem to be really moving (кинофильм, телепрограмма, компьютерная игра и т. д., в которой имеются как будто движущиеся картинки, глиняные модели и т. д.) [5: URL].

Наряду с термином *animation* к ядру анимационной терминологии в английском языке относится другой термин — прилагательное *animated*, которое вошло в обиход в сфере развлечений в конце XIX в. Особый вид развлечения — оптические анимационные эффекты, создаваемые при помощи проекционного аппарата «волшебный фонарь» или подвижного проектора «фантаскоп», — позволял зрителям наблюдать картинки, движение которых создавало иллюзию подвижности изображенных на них фигурок, словно оживших. Вследствие изобретения кинематографа статичное изображение *photographic picture* превратилось в подвижное *motion picture*, или *moving picture*, *movie*, помещенное на киноленту (*film*), представлявшую собой последовательность неподвижных изображений на пленке, которые воспроизводились на экране с достаточной скоростью с помощью световых устройств. В самом конце XIX в. *animated (film)* стали использовать применительно к новому виду развлечения — движущимся картинкам, что подтверждается примером из этимологического словаря [Там же].

Нетрудно заметить, что различие между *motion picture* и *animated film* заключается в том, что основу семантики первого термина составляет технический аспект развлекательного продукта, а в основу семантики второго термина положен эмоциональный или чувственный аспект восприятия этого продукта.

В середине XX в. на фоне развития технологий в сфере развлечений возникает термин *animatronics*. Словарь *Dictionary.com* описывает структуру этого слова как «blend of animate and electronics», т. е. как «слово-портмоне», образованное с помощью контаминации, или объединения элементов двух слов. Основное и единственное значение *animatronics*, которое и привело к возникновению композита — «the technology connected with the use of electronics to animate puppets or other figures, as for motion pictures» (технология, связанная с использованием электроники для того, чтобы одушевлять куклы или другие фигуры, как в случае с кинематографом) [2: URL]. Так или иначе, все словари дают дефиниции со схожим смыслом — процесс создания одушевленных электронных кукол с реалистичными чертами людей или животных. Это же значение легко угадывается за счет уже известных словообразующих компонентов.

В словаре Merriam-Webster данное гибридное существительное зафиксировано со словообразующим компонентом *audio-*, датировано 1963 г. и имеет следующее значение: «being or consisting of a lifelike electromechanical figure of a person or animal that has synchronized movement and sound» (похожая на живого человека или животное электромеханическая фигура, в которой синхронизируются движение и звук) [4: URL].

Идею возникновения технического явления *audio-animatronics* и соответственно понятия и термина небезосновательно приписывают Уолту Диснею и его творческой команде. Считается, что термин *Audio-Animatronics* возник в 1961 г. и тогда же был использован в коммерческих целях в связи с тем, что было положено начало освоению нового технического направления в сфере развлечений [3: URL]. Принадлежность термина компании Уолта Диснея также подтверждается в электронном словаре Urban Dictionary: «a type of robot used for entertainment, demos, etc., and looks like a real living being also known as Audio-Animatronics in Walt Disney's term» (вид роботов, используемых для развлечений, в качестве демонстрационных моделей, похожих на настоящих живых существ. Данный вид робототехники также известен как «Аудио-Аниматроника» в терминологии Уолта Диснея) [7: URL]. Биограф Боб Томас в книге «Walt Disney: An American Original» поясняет, что название «Аудио-Аниматроника» возникло в связи с тем, что новая система сочетала в себе звук, анимацию и электронику и что ее первое применение развлекательного характера состоялось в Диснейленде в 1963 г. [11: р. 307]. В 1964 г. в телевизионном рекламном ролике, снятом по случаю участия компании Диснея WED Enterprises во Всемирной выставке в Нью-Йорке (1964–1965), Уолт Дисней познакомил публику с аудио-аниматроникой, добавив, что созданный вид робототехники потребовал от них и специального названия [3: URL].

Однако большинство словарей до сих пор не рассматривает *audio-animatronics* в качестве термина или единицы ЯСЦ. В 1967 г. была зарегистрирована торговая марка *Audio-Animatronics*, в связи с чем в словарных статьях данную словарную единицу можно встретить с пояснением «торговая марка» [4: URL; 6: URL]. Можно сказать, что данная единица скорее относится к разряду номенклатурных единиц, поскольку в данном случае, если придерживаться научного взгляда А.А. Реформатского, разграничившего собственно термины и номенклатурные обозначения, аудио-аниматроника «этикетировывает» определенный объект [8].

Проведенный лингвокультурологический анализ показал, что заимствования из других языков, в данном случае *animatio*, со временем ассимилируются и включаются в словообразовательную парадигму принимающего языка. Заимствуясь, ассимилируясь и фигурируя одинаково в языке для общих и специальных целей, лексические единицы могут сохранять свои исконные — корневые — значения, благодаря которым в той или иной степени угадывается значение слова, несмотря на наличие прочих словообразующих компонентов, как это видно на примере многокомпонентного композита *audio-animatronics*.

Библиографический список**Источники**

1. A New English Dictionary on Historical Principles [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/stream/ANewEnglishDictionaryOnHistoricalPrinciples.10VolumesWithSupplement/01.NEDHP.AB.Oxford.Murray.1888.#page/n357/mode/2up> (дата обращения: 20.09.2017).
2. Dictionary.com [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dictionary.com> (дата обращения: 20.09.2017).
3. Disneyland Goes to The World's Fair — Audio-Animatronics [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com> (дата обращения: 08.09.2017).
4. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 21.09.2017).
5. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 01.09.2017).
6. Oxford Living Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/audio-animatronics> (дата обращения: 02.09.2017).
7. Urban Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.09.2017).

Литература

8. Горяев С.О. Номенклатурные единицы как факт ономастики // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. / [Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; под ред. М.Э. Рут]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 125–131.
9. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2004. 304 с.
10. Чупрына О.Г. SAEL и MAEL в концептосфере Беовульфа // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М.: МГУ, 1999. Вып. 4. С. 141–154.
11. Thomas B. Walt Disney: An American Original. Disney Editions, 1994. 384 p.

References**Istochniki**

1. A New English Dictionary on Historical Principles [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://archive.org/stream/ANewEnglishDictionaryOnHistoricalPrinciples.10VolumesWithSupplement/01.NEDHP.AB.Oxford.Murray.1888.#page/n357/mode/2up> (data obrashheniya: 20.09.2017).
2. Dictionary.com [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.dictionary.com> (data obrashheniya: 20.09.2017).
3. Disneyland Goes to The World's Fair — Audio-Animatronics [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.youtube.com> (data obrashheniya: 08.09.2017).
4. Merriam-Webster Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.merriam-webster.com> (data obrashheniya: 21.09.2017).
5. Online Etymology Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.etymonline.com> (data obrashheniya: 01.09.2017).
6. Oxford Living Dictionaries [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/audio-animatronics> (data obrashheniya: 02.09.2017).
7. Urban Dictionary [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.urbandictionary.com> (data obrashheniya: 15.09.2017).

Literatura

8. Goryaev S.O. Nomenklaturny'e ediniczy' kak fakt onomastiki // Onomastika i dialektnaya leksika: sb. nauch. tr. / [Ural. gos. un-t im. A.M. Gor'kogo; pod red. M.E'. Rut]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003. Vy'p. 4. S. 125–131.
9. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie. M.: Akademiya, 2004. 304 s.
10. Chupry'na O.G. SAEL i MAEL v konceptosfere Beovul'fa // Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poe'tike. M.: MGU, 1999. Vy'p. 4. S. 141–154.
11. Thomas B. Walt Disney: An American Original. Disney Editions, 1994. 384 p.

T.A. Romanova

**Linguo-cultural Peculiarities of the Development and Application
of Terms *Animation* in English**

This paper studies the linguistic peculiarities of the formation and evolution of the word *animation* as a core term of the same-named field. The analysis focuses on such typical linguistic phenomena as terminologization and ways of word-building and is carried out with reference to the development of the animation industry terminology.

Keywords: animation; animatronics; nuclear term; terminology.

УДК 8:811.112

К.А. Попова

Вербальная агрессия в немецкоязычных интернет-комментариях как средство выражения сочувствия

Статья посвящена вербальной агрессии в немецкоязычных интернет-комментариях как одному из способов выражения сочувствия. Вербальная агрессия рассматривается с точки зрения ее направленности. Анализу подвергаются языковые средства выражения агрессии.

Ключевые слова: вербальная агрессия; эмоции; сочувствие; интернет-комментарий; языковые средства выражения сочувствия.

Активное использование Интернета носителями различных языков позволило лингвистам получить большой объем языкового материала из Сети для осуществления лингвистических исследований [6: с. 171]. Особый интерес для изучения представляют интерактивные жанры интернет-общения, к которым относится интернет-комментарий (читательский комментарий).

А.В. Кирилина определяет понятие «читательский комментарий» как «запечатленную на электронном носителе (быструю) реакцию читателя на сообщение о каком-либо факте» [5: с. 68]. Присущая этому жанру интернет-коммуникации эмоциональность реплик, в том числе негативно окрашенных [Там же: с. 70], позволяет рассматривать интернет-комментарий в качестве материала для изучения средств выражения сочувствия в немецкоязычном интернет-общении. В ходе анализа комментариев к статьям немецкоязычного онлайн-издания «Die Zeit Online» [1], нами были определены следующие категории сочувствия: агрессивные высказывания в адрес преступника; устыжение собеседников за неуместные высказывания; комментирование ситуации в целом; апелляция к чувствам жертвы; выражение сочувствия, соболезнования; воспоминания о жертве; высказывания о личном опыте комментатора.

Из данной классификации следует, что сочувствие может выражаться в негативной форме: в виде агрессии в адрес преступника и устыжения других коммуникантов. Это тесно связано с моральными ценностями, составляющими основу социальной нормы того или иного общества. Действия, выходящие за рамки нормы (в данном случае как преступление, так и неприемлемое речевое поведение при его обсуждении), получают негативную оценку и осуждаются [8: с. 34]. Ю.В. Казачкова называет осуждение виновников неприятной ситуации одной из основных тактик публичного выражения сочувствия [4].

Из 190 сочувственных комментариев к 19 статьям на новостном портале zeit.de, посвященных трагическим событиям (теракты, стихийные бедствия, изнасилование, убийства, война и пр.), 56 (29 %) сообщений в той или иной форме выражали агрессию в адрес преступника или собеседника.

Ссылаясь на Х. Дельгадо, О.А. Радченко определяет агрессию как «поведение, направленное на другое лицо или неодушевленный предмет и осуществляемое с непосредственной интенцией причинить вред» [7: с. 62].

Агрессивный дискурс сочетает в себе наборы культурно-специфических клише и индивидуальных стратегий социального поведения [Там же: с. 61]; первое, в свою очередь, связано с конвенциональными средствами (средствами, не требующими наличия обозначаемой эмоции и используемыми исходя из их «уместности» в данной ситуации), типичными для конкретных культур [3: с. 168].

Выделенные нами в ходе исследования агрессивные комментарии можно разделить на две группы: комментарии, направленные на прямых или косвенных виновников трагических событий (преступник, правительство, религиозная принадлежность и т. п.), и комментарии, направленные на других участников коммуникации (собеседники, авторы статьи, модераторы онлайн-ресурса и др.). Комментарии, направленные на виновников трагедии, осуждают совершенный ими поступок, в то время как комментарии, направленные на других участников коммуникации, могут быть вызваны разными причинами (неудачный подбор слов, высказывание не по теме статьи и пр.). Языковые средства, используемые при этом, могут быть как грамматическими, так и лексико-стилистическими.

Модерация комментариев на новостном портале zeit.de исключает возможность прямых оскорблений, поэтому собеседники используют в высказываниях стратегии *негативной вежливости*, в частности, местоимение *Sie* и соответствующие ему спряжения глаголов (здесь и далее орфография и пунктуация примеров сохранены): «*Sie relativieren* also eine Vergewaltung. Das kann ich kaum fassen». — «Таким образом, *Вы ставите под сомнение* изнасилование. Я с трудом могу в это поверить».

Одной из речевых тактик, выражающих скрытую агрессию в адрес собеседника, является авторитарное представление своего мнения в качестве вопроса [2: с. 26]. В таком случае вопросительные предложения используются в их вторичной функции — функции экспрессивного воздействия на собеседника [Там же: с. 29]. Пример подобного речевого поведения можно увидеть в следующем комментарии: «*Es macht durchaus Sinn den Täter ebenso hart zu bestrafen, wie er sein Opfer geschädigt hat, meinen Sie nicht?*» — «Имеет смысл наказать преступника настолько же строго, насколько он навредил своей жертве, *вы так не считаете?*» В данном случае вопрос задается не с целью узнать мнение собеседника по поводу строгости наказания, а с целью навязывания ему своей точки зрения по данному вопросу.

В плане высказывания негативного мнения коммуникант может делать категоричные заявления и подчеркивать субъективность своего мнения. Например, комментарий «Richtig so!» («Правильно!»), оставленный к статье о пожизненном наказании для насильников датской туристки в Индии, выражает категорическое согласие автора комментария с наказанием, которое понесут преступники. Экспрессивность высказывания здесь подчеркивает восклицательный знак. Также категоричность адресанта комментария может проявляться в **безличных конструкциях**: «*Kein Mitleid wegen der hohen Strafe*». — «Никакой жалости по причине строгого наказания».

Субъективность своего мнения авторы комментариев подчеркивают использованием **вводных конструкций**, таких как: *meines Erachtens* (по моему мнению); *in meinen Augen* (в моих глазах); *ich bin der Auffassung* (я придерживаюсь мнения); «*Auch auf die Gefahr hin, gleich gelöscht zu werden, bin ich der Auffassung, dass nur eine Maßnahme als Strafe geeignet ist: Chirurgische Entfernung des Quälstabes*». — «А чтобы сразу же устранить опасность, я придерживаюсь мнения, что есть лишь одна мера, подходящая в качестве наказания: хирургическое удаление орудия мучения». Данные конструкции призваны подчеркнуть, что высказывание отражает сугубо личные взгляды говорящего.

Другой способ подчеркнуть свое мнение в высказывании — использование в предложении личного местоимения *ich* (я). Наиболее распространенная конструкция с этим местоимением *ich finde* (я нахожу): «*Übrigens finde ich lebenslang ausgesprochen angemessen*». — «Кстати, я нахожу пожизненное весьма уместным».

Для выражения своего негативного мнения о преступниках авторы комментариев могут использовать **дисфемизмы** (грубые слова, которыми заменяются стилистически нейтральные), такие как *Unmenschen* (нелюди), *Psychopathen* (психопаты), *Menschen* (люди), *Tiere* (звери): «*Haben solche “Menschen” Gnade verdient?*» — «Заслужили ли такие “люди” милосердия?»

В коммуникации с собеседниками авторы комментариев могут использовать **разговорные выражения** для предания своему высказыванию большей экспрессивности: «*Was heißt hier wenigstens? Manche sollten erst einmal nachdenken, bevor Sie in die Tasten hauen!*» — «Что значит “по крайней мере”? Некоторым стоило бы сначала подумать, прежде чем *лупить по клавишам!*» В данном примере разговорное выражение *in die Tasten hauen* (лупить по клавишам) использовано автором высказывания для того, чтобы обесценить высказывание предыдущего комментатора, неудачно использовавшего в своем выражении соболезнования слово *wenigstens* (хотя бы).

Для придания высказыванию большей экспрессивности коммуниканты используют **идиомы** (устойчивые обороты речи): «*Sie sind allen Ernstes der Meinung, dass Sie jemanden durch Unachtsamkeit zu Tode bringen dürfen um sich dann anschließend hinzustellen mit den Worten “Sorry, kann mal passieren...”?* *Ihr moralischer Kompass ist schon arg daneben!*» — «Вы серьезно считаете,

что Вы можете убить кого-то по неосторожности, а потом просто предъявить “Извините, бывает...”? Ваш *моральный компас* уже показывает не туда».

Речь коммуникантов может содержать в себе *интенсификаторы* (семантически неполнозначные слова, имеющие усилительное значение): «Furchtbar... hoffentlich wird der oder die Täter *hart* bestraft». — «Ужасно... Надеюсь, преступник или преступники будут *жестко* наказаны». Выраженный наречием интенсификатор *hart* (жестко) в данном случае призван усилить, эмоционально окрасить слово *bestraft* (наказаны).

Авторы комментариев используют *эпитеты*, чтобы дать преступлению, преступнику, а в некоторых случаях и другому участнику коммуникации негативную характеристику и призвать этим собеседника к сочувствию: «Mord ist auch *unmenschlich*». — «Убийство тоже *бесчеловечно*» (ответ на высказывание о том, что смертная казнь в качестве наказания бесчеловечна). В данном примере выраженный в немецком языке наречием эпитет *unmenschlich* (бесчеловечно) призван охарактеризовать преступление и выражает позицию автора, считающего, что за подобное действие преступник должен понести равносильное наказание.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что при вербальной агрессии, посредством которой выражается сочувствие в немецкоязычных интернет-комментариях, коммуниканты используют стратегии негативной вежливости, такие как уважительное обращение к собеседнику и вопросительные предложения в качестве инструмента убеждения. Субъективность мнения авторов комментариев подчеркивается вводными, а категоричность — безличными конструкциями. Также для исследуемых высказываний характерно использование таких языковых средств, как дисфемизмы, разговорная лексика, идиомы, интенсификаторы и эпитеты.

Поскольку умение выразить сочувствие социально приемлемым способом в определенных ситуациях важно для успешности коммуникации, адекватное использование и распознавание лексических, стилистических и других средств выражения сочувствия позволят коммуниканту эффективнее осуществлять межкультурную коммуникацию с носителями немецкого языка.

Библиографический список

Источники

1. Zeit Online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zeit.de> (дата обращения: 07.11.2017).

Литература

2. Байдакова Е.Л., Маркина Л.В. Вопросительные предложения как средство вербальной агрессии в молодежной коммуникации: гендерный аспект // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1(10). С. 25–30.

3. Величкова Л.В., Шурупова Т.Ю. Анализ формальных признаков выражения сложных эмоций (сопоставительное исследование на материале русских и немецких

звучащих текстов, маркированных эмоцией «Дружелюбие») // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. № 1. С. 166–173.

4. Казачкова Ю.В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2006. 177 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ahmerov.com/book_1036.html (дата обращения: 07.11.2017).

5. Кирилина А.В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 1 (17). С. 67–76.

6. Попова Л.Г. Глобализация и проблемы перевода // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по материалам первой междунар. науч. конф. «Язык и культура в эпоху глобализации» (26 марта 2013 г.). СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. Т. 2. С. 169–173.

7. Радченко О.А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 60–66.

8. Собянина В.А. «Отклонение от нормы» в семантике коллоквиализмов терминологического происхождения // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2008. № 1 (18). С. 34–41.

References

Istochniki

1. Zeit Online [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.zeit.de> (data obrashheniya: 07.11.2017).

Literatura

2. Bajdakova E.L., Markina L.V. Voprositel'ny'e predlozheniya kak sredstvo verbal'noj agressii v molodezhnoj kommunikacii: genderny'j aspekt // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2013. № 1 (10). S. 25–30.

3. Velichkova L.V., Shurupova T.Yu. Analiz formal'ny'x priznakov vy'razheniya slozhny'x e'mocij (sopostavitel'noe issledovanie na materiale russkix i nemeczkix zvuchashhix tekstov, markirovanny'x e'mocij «Druzhelyubie») // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2011. № 1. S. 166–173.

4. Kazachkova Yu.V. Vy'razhenie sochuvstviya v russkom i anglijskom rechevom obshhenii: dis ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov, 2006. 177 s. [E'lektronny'j resurs]. URL: http://www.ahmerov.com/book_1036.html (data obrashheniya: 07.11.2017).

5. Kirilina A.V. Internet-zhanr «kommentarij chitatelya» // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2015. № 1 (17). S. 67–76.

6. Popova L.G. Globalizaciya i problemy' perevoda // Yazy'k i kul'tura v e'poxu globalizacii: sb. nauch. tr. po materialam pervoj mezhdunar. nauchn. konf. «Yazy'k i kul'tura v e'poxu globalizacii» (26 marta 2013 g.). SPb.: Izd-vo SPbGE'U, 2013. T. 2., S. 169–173.

7. Radchenko O.A. Issledovanie agressivnogo diskursa: problemy' i perspektivy' // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 60–66.

8. Sobyagina V.A. «Otklonenie ot normy» v semantike kollokvializmov terminologicheskogo proisxozhdeniya // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2008. № 1 (18). S. 34–41.

К.А. Попова

**Verbal Aggression in German Internet Comments
as a Means of Expressing Sympathy**

The article analyzes the acts of verbal aggression in the Internet comments as a means of expressing sympathy. The examination of verbal aggression is performed from the perspective of its direction and takes into account the language means of expressing aggression.

Keywords: verbal aggression; emotions; sympathy; Internet comment; language means of expressing sympathy.

УДК 81.23

Г.А. Матунова

Лексическая репрезентация гендерных стереотипов в британской прессе начала XX в.

В статье исследуются лексические особенности представления гендерных стереотипов в британских газетах «The Times» и «The Guardian» в период с 1909 по 1914 г. Бинарные оппозиции рассматриваются в качестве основы гендерного стереотипа. Смыслы *маскулинность* – *фемининность* раскрываются в противопоставлении лексических единиц с положительной и отрицательной коннотациями.

Ключевые слова: гендерный стереотип; лексическая репрезентация; бинарная оппозиция; маскулинность; избирательное право.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики и лингводидактики является проблема отражения в языке стереотипизированных представлений о мире [9; 11; 12]. Впервые стереотипы получили статус предмета научного изучения в книге американского политического аналитика У. Липпмана, «которая до сих пор служит настольным пособием для специалистов в разных областях деятельности, связанной с коммуникацией и языком» [9: с. 314]. Отмечается, что «стереотипы складываются в “удобную” картину мира, к которой приспособился индивид”» [13] (здесь и далее перевод мой. — Г. М.). Варианты стереотипов, возникающие в результате модификации, принято рассматривать как социальные ожидания относительно некоторой группы, которые определяют эмоциональную реакцию на данную группу [12: с. 47].

Гендерный стереотип представляет собой «обобщенные убеждения о поведении мужчин и женщин» [14: с. 396]. Подчеркивается, что «историческая модель гендерных отношений строилась на постулате о доминировании половых различий над индивидуальными, качественными различиями личности мужчины и женщины» [Там же]. Данное положение получило подтверждение в лингвистических работах, выполненных на материале различных дискурсов разных эпох [10].

Эта точка зрения актуальна для рассматриваемой в статье проблемы, поскольку материалом представленного исследования стали публикации в британских газетах «The Times» и «The Manchester Guardian» в начале XX в. Период конца XIX в. – начала Первой мировой войны в Великобритании и США отмечен упорной борьбой женщин за избирательное право (suffrage).

Противостояние сторонников и противников избирательного права женщин нашло свое отражение и на страницах обозначенных изданий.

В теоретическом плане логично исходить из того, что гендерные стереотипы строятся на бинарных оппозициях, «традиционно приписываемых мужчине/женщине: логичность/интуитивность; абстрактность/конкретность; власть/подчинение; порядок/хаос» [14: с. 396].

Вербальное представление этих оппозиций, как показывает исследованный материал, в качестве маркированного члена содержит лексическую единицу с положительной коннотацией, которая соотносилась с маскулинным компонентом противопоставления. В газетных публикациях оппозиции формируются за счет лексических противопоставлений: *strong/weak*, *active/passive*, *ability/disability*, *powerful/handicapped*, *respected/narrow* и т. д.

Так, в газетах «The Manchester Guardian» и «The Times» среди существительных, используемых для обозначения физических качеств мужчин и женщин, особое место занимает пара словосочетаний *physical superiors / second-raters* (физически превосходящие / второсортники). *Physical superiors* имплицитно выражает подчинительную роль женщины. Если у мужчин есть физическое превосходство (*physical superiors*), то женщины физически слабее (*physical inferiors*), так же как и *second-raters* по отношению к женщинам имплицитно подразумевает мужское превосходство.

Прилагательное *physical* часто употребляется в словосочетаниях, используемых по отношению к мужчинам: *physical superiors* (превосходящий физически), *physical ability* (физическая способность), *physical fitness* (физическая форма), *superior physical strength* (превосходящая физическая сила). В то же время прилагательные, используемые по отношению к женщинам, касаются в основном женских недостатков: *less efficient* (менее продуктивные), *slow* (медленные).

Превосходство мужчин над женщинами отражено в публикациях, посвященных участию женщин в спорте. В газете «The Times» так писали о задачах женщин в спорте: «Woman came into sport to learn from man» (женщина пришла в спорт, чтобы учиться у мужчины) [1: р. 11]. Спортивная женщина, как полагают авторы газетной публикации, теряет свою женственность: это прослеживается в номинации женщин *red-faced being* (краснолицее существо), а также в выражениях *no trace of femininity* (ни следа женственности), *in severely practical garments* (в исключительно удобном костюме), что является противоположностью стандартного женского образа начала XX в.: *has to be protected by man* (нуждается в мужской опеке).

Обращает на себя внимание использование единиц *handicap*, *handicapped* в различных контекстах: *a handicap to the woman* (ущербность женщины), *a handicap of sex* (ущербность женского пола), *girls are handicapped politically and economically* (ущербность женщины в политике и экономике). Употребление подобных слов указывало на подчинительное положение женщины

и усиливало стереотип о женской немощности, как, например, в данном прямом противопоставлении: «woman is still handicapped when brought into direct competition with men» (женщина все так же ущербна, когда дело касается прямого соперничества с мужчиной) [8: p. 11]. Данная общественная позиция прослеживается и в антонимической паре словосочетаний *the honour of his sex / disabilities inherent in her sex* (достоинства его пола / врожденная ограниченность ее пола), где существительные *honour* и *disabilities* выступают в качестве контекстных антонимов.

Стереотипная низкая оценка физических и умственных возможностей женщин, невысокое мнение о труде женщины отразились в использовании лексических единиц как с присущей им отрицательной коннотацией — *ignorance, narrowness, limitation*, так и с негативной коннотацией, возникающей в контексте, — *little, low*. Например, «work spheres where physical stamina is of ylittle importance» (сферы работы, в которых физическая выносливость имеет малое значение), «her hands and brain cannot produce any material thing» (ее руки и мозг не могут произвести ничего материального) [7: p. 8].

Подчиненное положение женщины в сфере труда обозначено словосочетаниями, в которых мужское превосходство выражено имплицитно: *lower grades of industry* (более низкие уровни труда), *inevitable limitations of feminine work* (неизбежная ограниченность женской работы), *irreparable ignorance of political matters* (невосполнимое политическое невежество) [4: p. 11; 5: p. 10]. Сравним также: *women's inherent incapacity for scientific research / man's uninterrupted power of concentration* (наследственная женская неспособность к научной работе / мужская непрерываемая сила концентрации), *narrowness of her mental outlook / men's diverse interests* (узость ее взглядов / разнообразие его интересов) [2: p. 6]. В приведенных примерах явно выделяются контекстные антонимы *incapacity/power* (неспособность/сила), *narrowness/diverse interests* (узость/разнообразие интересов).

В Великобритании начала XX в. важная роль отводилась обучению женщин ведению домашнего хозяйства: «home economics as a career for women», «training for housework», «training in domestic science and domestic art», «enter for the housewife's diploma» (домашняя экономика как карьера для женщин, обучение домашнему хозяйству, обучение искусству и науке домашнего хозяйства, получить диплом домохозяйки) [3: p. 6; 6: p. 8]. Использование форм глаголов *train, enter for the diploma*, существительных *career, science* по отношению к домашней работе выражает социальную норму начала XX в., когда ведение домашнего хозяйства приравнивалось к трудоустройству для женщин (неоплачиваемому труду) и являлось возможностью для самореализации.

Отметим контрастный характер роли трудоустройства в жизни мужчин и женщин: «industry represents a life career» / «employment is an episode beyond which lie marriage and retirement» (трудоустройство как жизненная карьера / трудоустройство как эпизод жизни, после которого следует замужество и пенсия). Контраст проявляется при помощи контекстных антонимов *a life career* —

карьера как дело всей жизни (о мужчине) — *an episode* — трудоустройство как эпизод (о женщине) [2: р. 6].

Социальные роли женщин представлены существительными: *housekeepers* (домохозяйки), *loaf-givers* (подающие хлеб), *wives* (жены), *mothers* (матери), *maids-of-all-work* (хозяйки на все руки).

Основные социальные роли мужчин обозначены как *bread-winner* (добытчик хлеба) и *wage-earner* (кормилец) и дополняются прилагательными с положительной коннотацией: *successful*, *self-made* (успешный, самодостаточный). Зависимость женщины от мужчины подтверждается употреблением прилагательных *dependent* (зависимая), *necessarily dependent* (обязательно зависимая).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что гендерные стереотипы в публикациях в газетах «The Times» и «The Manchester Guardian» в период с 1909 по 1914 г. были вербализованы по принципу бинарной оппозиции, в которой положительно маркированным был компонент *маскулинность*, а отрицательно маркированным — *фемининность*.

Библиографический список

Источники

1. The True Tyranny. Man's Rebellion against the Sporting Woman // The Times. 1914. May 20. P. 11.
2. Women in Industry. Character and Organization // The Times. 1913. Apr. 29. P. 6.
3. Home Economics as a career for Women // The Times. 1909. May 4. P. 6.
4. Normal Women and Men // The Times. 1910. Jul. 12. P. 11
5. The Normal Woman // The Times. 1910. Aug 5. P. 10.
6. Training for Housework // The Manchester Guardian. 1911. Sep 13. P. 8.
7. Woman And the Vote // The Times. 1912. May 28. P. 8.
8. Women's Earnings. Some New Fields // The Times. 1914. March 18. P. 11.

Литература

9. Гончарова В.А. Национальные социокультурные стереотипы в обучении иностранным языкам (языковой вуз, английский язык): опыт преодоления: монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятск. гос. ун-та, 2010. 163 с.

10. Михайлова С.В. Фемининная идентичность и способы ее объективации в художественном дискурсе XVII века: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М.: МГПУ, 2012. 236 с.

11. Чупрына О.Г. Идентичность в пространстве языка и культуры // Диалог культур. Культура диалога: человек и новые социогуманитарные ценности: монография / под ред. Л.Г. Викуловой. М.: Форум Неолит, 2017. С 301–325.

12. Chupryna O.G., Parshina N.D. Cross-Cultural Communication. All You Need to Know: учеб. пособие по межкультурной коммуникации. М.: Ленанд, 2015. 240 с.

Интернет-ресурсы

13. Lippman W. Public Opinion [Электронный ресурс]. URL: <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/lippmann.pdf> (дата обращения: 19.10.2017).

Справочные и информационные издания

14. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова [и др.] / под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.

References*Istochniki*

1. The True Tyranny. Man's Rebellion against the Sporting Woman // The Times. 1914. May 20. P. 11.
2. Women in Industry. Character and Organization // The Times. 1913. Apr. 29. P. 6.
3. Home Economics as a career for Women // The Times. 1909. May 4. P. 6.
4. Normal Women and Men // The Times. 1910. Jul. 12. P. 11
5. The Normal Woman // The Times. 1910. Aug 5. P. 10.
6. Training for Housework // The Manchester Guardian. 1911. Sep 13. P. 8.
7. Woman And the Vote // The Times. 1912. May 28. P. 8.
8. Women's Earnings. Some New Fields // The Times. 1914. March 18. P. 11.

Literatura

9. *Goncharova V.A.* Nacional'ny'e sociokul'turny'e stereotipy' v obuchenii inostranny'm yazy'kam (yazy'kovoj vuz, anglijskij yazy'k): opy't preodoleniya: monografiya. Ulan-Ude': Izd-vo Buryatsk. gos. un-ta, 2010. 163 s.
10. *Mixajlova S.V.* Femininnaya identichnost' i sposoby' ee ob"ektivacii v xudozhestvennom diskurse XVII veka: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. M.: MGPU, 2012. 236 s.
11. *Chupry'na O.G.* Identichnost' v prostranstve yazy'ka i kul'tury' // Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga: chelovek i novy'e sociogumanitarny'e cennosti: monografiya / pod red. L.G. Vikulovoj. M.: Forum Neolit, 2017. S 301–325.
12. *Chupry'na O.G., Parshina N.D.* Cross-Cultural Communication. All You Need to Know: ucheb. posobie po mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: Lenand, 2015. 240 s.

Internet-resursy'

13. *Lippman W.* Public Opinion [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://wps.pearsoncustom.com/wps/media/objects/2429/2487430/pdfs/lippmann.pdf> (data obrashheniya: 19.10.2017).

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

14. Slovar' terminov mezhkul'turnoj kommunikacii / I.N. Zhukova [i dr.] / pod red. M.G. Lebed'ko i Z.G. Proshinoj. M.: Flinta: Nauka, 2013. 632 s.

G.A. Matunova

Lexical Representation of Gender Stereotypes in the Early XXth Century British Mass Media

The article examines lexical characteristics of gender stereotypes in British newspapers «The Times» and «The Guardian» during the period from 1909 to 1914. The binary oppositions are taken as the core of gender stereotypes. The meaning of masculinity vs. femininity is revealed through the juxtaposition of lexical units with positive and negative connotations.

Keywords: gender stereotype; lexical representation; binary opposition; masculinity; suffrage.

УДК 82-31

О.И. Нефедова

Роль мотива «бесплодная земля» при создании образов второстепенных героев романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»

В статье раскрываются особенности воплощения образов второстепенных персонажей в известном американском романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» в аспекте их художественного взаимодействия с используемым автором мотивом «бесплодная земля». Анализируются национальные особенности произведений литературы США, что находится в центре изучаемой проблемы. Делается вывод, что второстепенные герои романа оказываются порождением бесплодной земли, которую автор сопоставляет с обществом века джаза.

Ключевые слова: образ; бесплодная земля; американская мечта; век джаза.

Одним из основных мотивов в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» является мотив «бесплодная земля» (wasteland, Waste Land), который пришел в американскую литературу XX в. из кельтских сказаний и средневековых английских легенд. Отмечается, что в современной американистике можно выделить целый ряд мотивов, «которые затем находят свое воплощение в произведениях авторов XVII–XX вв., а это значит, что указанные мотивы можно полагать сквозными и рассматривать как истоки развития основных тем американской литературы на протяжении нескольких столетий» [2: с. 3–4]. Полагаем, что между мотивом «бесплодная земля» и сквозным для литературы США мотивом «дикие просторы» можно усмотреть определенное соответствие. Именно дикие просторы напрямую ассоциируются с бесплодной землей, так как вряд ли пустыни или непроходимые чащи (а именно они являются воплощением этого мотива) могут использоваться для земледелия. В связи с этим в американских модернистских литературных текстах универсальный для западной культуры мотив получает особенную трактовку, где прогресс начинает парадоксально ассоциироваться с упадком.

Мотив «бесплодная земля» введен Ф.С. Фицджеральдом в канву повествования, чтобы показать изменения, происходившие в различных слоях американского общества в начале XX в., эпоху, которую сам писатель назвал веком джаза (Jazz Age) в статье «Эхо века джаза» (Echoes of the Jazz Age, 1931). Автор анализируемого романа воспринимал данный период как состояние нервного

раздражения своих персонажей, повсеместно распространенный невроз и взятое взаймы время: «...a state of nervous stimulation <...> a widespread neurosis <...> borrowed time» [4: URL]. Бурное развитие промышленности в стране оказывало существенное влияние на формирование нового отношения к традиционным ценностям в общественной жизни США. На первый план выдвигались идеи значимости материального достатка и стремление занять высокое положение в обществе. Однако часто пути достижения этих целей были далеко не безупречными и вели к моральной деградации, одиночеству, попыткам уйти от реальности, отстраниться от того, что происходило в жизни, иначе говоря, так называемая *американская мечта* для многих американцев оказывалась почти недостижимой.

Все вышеперечисленные качества характерны для героев романа «Великий Гэтсби». Это касается как преуспевающих представителей американской аристократии — прожигателей жизни Дейзи и Тома Бьюкененов (Daisy and Tom Buchanan), Джордан Бейкер (Jordan Baker), гостей на вечеринках у Гэтсби, так и самых обычных жителей Нью-Йорка — Джорджа Уилсона (George Wilson) и его жены Мертл (Myrtle). Местом обитания последних в романе является Долина Пепла (Valley of Ashes), где всё — от дорог и зданий до самих людей — покрыто пеплом (ashes) и пылью (dust): «...a fantastic farm where ashes grow like wheat into ridges and hills and grotesque gardens where ashes take the forms of houses and chimneys and rising smoke and finally, with a transcendent effort, of men who move dimly and already crumbling through the powdery air...» [1: p. 16]. Пыль покрывает предметы, о которых никто не заботится, поскольку они уже никому не нужны. Зола лежит на месте сгоревших зданий. Такой метафорой писатель описывает судьбу бедных людей, проживающих в родной для него стране.

В романе Ф.С. Фицджеральд точно определяет местоположение Долины Пепла: «About half way between West Egg and New York...» [1: p. 16]. Данная территория находится между вымышленным Уэст Эггом и Нью-Йорком, предположительно рядом с мостом, соединяющим Лонг-Айленд и Манхэттен. Это своеобразное маргинальное пространство, некий водораздел между преуспевающими дельцами и так называемыми неудачниками, теми жителями города, кто не смог выдержать убыстрившегося ритма жизни, конкуренции и обрести достойное место среди сильных мира сего.

С огромного старого плаката за Долиной Пепла постоянно следят глаза Т.Дж. Эклберга (T.J. Eckleburg), окулиста, одного из персонажей романа, который больше там не работает. С одной стороны, постер представляет собой некий символ современного мира — рекламы, коммерции и, конечно, денег. С другой стороны, можно предположить, что бизнес врача пришел в упадок, он разорился, и этот факт усиливает общий трагический фон романа.

Ф.С. Фицджеральд рассматривает это место как край бесплодной земли, отгороженный побеленной стеной («...a low white-washed railroad fence» [1: p. 17]) от железной дороги. Она ведет к центру Нью-Йорка, месту, где сосредоточены деньги и власть, к которым стремятся представители века

джаза. В предложенном автором описании можно усмотреть явно проступающий контраст между чистотой белой стены (забора) и грязью, пеплом, общим запустением места обитания опустившихся, выброшенных из жизни людей. В определенном смысле — это граница двух миров, которые соприкасаются только в желтом доме на самом краю Долины: «...a small block of yellow brick sitting on the edge of the *waste land*, a sort of compact Main Street ministering to it and contiguous to absolutely nothing...» (курсив наш. — О. Н.) [1: p. 17]. На этой границе расположены три заведения: одно из них сдается внаем, другое представляет круглосуточный ресторан, а третье является ремонтной мастерской механика Джорджа Уилсона. Все они предоставляют услуги, которые необходимы людям высокого социального статуса (перекусить, заправить или отремонтировать машину и т. д.), чтобы продолжить путешествие по жизни в поисках новых развлечений. Никто из представителей высшего общества тех лет не хочет видеть, что происходит вокруг. Они слепы к страданиям и проблемам своих менее удачливых сограждан.

Несмотря на то что мотив «бесплодная земля» относится к мифологическому уровню произведения и выглядит неким преувеличением, тем не менее он отражает проявления реального мира, а не рисует идеализированную картину из жизни богатых людей. Одним из главных персонажей, живущих в Долине Пепла, является вышеупомянутый Дж. Уилсон. Как замечает автор, он обманом получает в жены любимую женщину Мертл, представившись состоятельным американцем и тщательно скрывая свою бедность.

После свадьбы обман обнаруживается, и его супруга, понимая, что труд простого механика не даст ей возможность вести образ жизни, соответствующий ее запросам, заводит себе богатого любовника Тома Бьюкенена. Поставив супругу на «пьедестал» и пытаясь честным трудом заработать для нее необходимые деньги, Джордж жертвует всем ради удовлетворения желаний этой женщины. Однако на «бесплодной земле» все его попытки оказываются тщетными. Осознание безысходности разрушает Уилсона: «Generally he was one of these worn-out men <...> He was his wife's man and not his own» [1: p. 87]. Он теряет свое собственное «Я», пытаясь удовлетворить все прихоти своей супруги, и превращается, по сути, в ее слугу.

Единственная хрупкая надежда, некий шанс на спасение — возможность заполучить синюю машину Тома Бьюкенена, которую последний обещал продать ему. Мужчина уверен, что, купив эту машину, он сможет уехать из Долины Пепла, изменить свою судьбу, получить возможность достойно двигаться дальше по жизненному пути и в итоге обрести свободу. Стоит отметить, что свобода (Freedom) и судьба (Fate) являются стержневыми идеями американской идентичности: «...core ideas of American identity» [5: с. 35]. Грядущие изменения — это надежда на изменение своего социального положения, своеобразное движение в сторону американской мечты. Иными словами, это своего рода Святой Грааль для него и других жителей Долины Пепла, поиски чего-то, что, по сути, невозможно обрести им в современном обществе.

Такое положение дел объясняет, почему персонажи романа «Великий Гэтсби» мечтают покинуть реальность и сбежать в иллюзорный мир. Типичным в этом отношении является поведение Мертл Уилсон. Став хозяйкой богатой квартиры, которую снимает для нее любовник, она вживается в роль состоятельной дамы и начинает ощущать собственное превосходство над другими. Присущая ей энергичность сменяется надменностью: «The intense vitality that had been so remarkable in the garage was converted into impressive hauteur» [1: p. 21]. В действительности для подобных перемен у женщины нет никаких оснований. Ее принадлежность к миру богатых иллюзорна. Но такое поведение — своеобразный способ уйти от реальной жизни, где все подвержено разрушению и упадку. Однако эскапизм только камуфлирует проблему, но не решает ее.

Отметим, что, описывая высшее общество «бесплодной земли», писатель также подчеркивает наличие в нем следов угасания, налет пыли и грязи, которые характерны для Долины Пепла, где живут бедняки: «...a hundred pairs of golden and silver slippers shuffled the shining dust...» [1: p. 96]. Следовательно, используемые автором детали при описании героев романа помогают реализации мотива «бесплодная земля» и характеризуют упадок американского общества начала XX в.

Таким образом, можно утверждать, что мотив «бесплодная земля», используемый Ф.С. Фицджеральдом в романе «Великий Гэтсби», способствует особому изображению второстепенных образов героев данного произведения и может быть причислен к так называемым сквозным мотивам американской литературы. Иными словами, он относится к той области литературоведения, «которая прослеживает “художественные нервы” произведений литературы, иначе говоря, “сквозные” темы, мотивы, образы, т. е. то, что способствует реализации главных идей художественного текста или целого ряда таких текстов» [3: с. 3]. Этот мотив помогает показать основные негативные тенденции в развитии американского общества начала XX в., в частности его низшей прослойки: бедность жителей страны, невозможность найти свое место в безразличном к ним мире, безнадежность в достижении американской мечты, осознание чего порождает желание уйти от действительности.

Библиографический список

Источники

1. *Fitzgerald F.S. The Great Gatsby*. Ware: Wordsworth Editions Ltd, 2001. 122 p.

Литература

2. Баранова К.М. Образ Нового Адама в американской литературе колониального периода (религиозный, гражданский и личный идеалы). М.: МГПУ, 2014. 148 с.
3. Баранова К.М. XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина). М.: МГОУ, 2010. 250 с.
4. *Fitzgerald F.S. Echoes of the Jazz Age* [Электронный ресурс]. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/crackup/056e-eho.html> (дата обращения: 16.10.2017).

5. *Mashoshina V.S.* Tropes of Freedom in Herman Melville's *Moby-Dick, or the Whale*. Идентичность и художественный текст: формирование национальной идентичности в контексте американской литературы = *Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature*: сб. материалов междунар. круглого стола по проблемам репрезентации национальной идентичности в литературных текстах (Москва, 16 марта 2016 г.): на англ. яз. / МГПУ; [факультет языкознания и литературоведения, университет г. Байройт (Германия)]; сост. и отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 32–36.

References

Istochniki

1. *Fitzgerald F.S.* *The Great Gatsby*. Ware: Wordsworth Editions Ltd, 2001. 122 p.

Literatura

2. *Baranova K.M.* *Obraz Novogo Adama v amerikanskoj literature kolonial'nogo perioda (religiozny'j, grazhdanskij i lichny'j idealy')*. М.: МГПУ, 2014. 148 s.
3. *Baranova K.M.* XVIII stoletie. Rozhdenie amerikanskoj mechty' (tvorчество Dzh. E'dvardsa i B. Franklina). М.: МГОУ, 2010. 250 s.
4. *Fitzgerald F.S.* Echoes of the Jazz Age [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://fitzgerald.narod.ru/crackup/056e-eho.html> (data obrashheniya: 16.10.2017).
5. *Mashoshina V.S.* Tropes of Freedom in Herman Melville's *Moby-Dick, or the Whale*. Идентичност' i xudozhestvenny'j tekst: formirovanie nacional'noj identichnosti v kontekste amerikanskoj literatury' = *Writing Identity: The Construction of National Identity in American Literature*: sb. materialov mezhdunar. kruglogo stola po problemam reprezentacii nacional'noj identichnosti v literaturny'x tekstax (Moskva, 16 marta 2016 g.): na angl. yaz. / МГПУ; [fakul'tet yazy'koznaniya i literaturovedeniya, universitet g. Bajrojt (Germaniya)]; sost. i отв. ред. К.М. Баранова; под науч. ред. М. Штеппата, Н.В. Морженковой. М.: ИИУ МГОУ, 2016. S. 32–36.

O.I. Nefedova

The Role of the Motif «Wasteland» in Creating Minor Characters of the Novel by F.S. Fitzgerald «The Great Gatsby»

The article shows how F.S. Fitzgerald creates images of the minor characters in his novel «The Great Gatsby» in the aspect of their interrelations with the motif «wasteland». The national features of the USA literature are in the focus of the investigation. The research enables to conclude that the secondary characters of the novel can be regarded as the product of the wasteland which can be compared by the author with the Jazz Age society.

Keywords: image; wasteland; American dream; Jazz Age.

УДК 811.161.1'373.611

Т.В. Леванова

Словообразовательное гнездо с вершиной *пиар* в современном русском языке

В статье исследуется словообразовательная активность иноязычного лексического элемента *пиар*, его способность служить базой для создания производных слов с помощью русских словообразовательных средств. Дано описание словообразовательного гнезда с вершиной *пиар* в современном русском языке, установлено, что с количественной точки зрения оно является сильно развернутым и включает в себя 114 дериватов и одно исходное слово.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо с вершиной *пиар*; *пиар* и его производные; неологизмы; современный русский язык; лексика.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. в России на фоне постперестроечных процессов, возникновения рыночной и политической конкуренции, развития демократических институтов появилась практика связей с общественностью, *пиар*. Сегодня в стране функционирует несколько десятков крупных агентств по связям с общественностью, а *пиар* стал объектом научного изучения и учебным предметом. Кроме того, деятельность по связям с общественностью выступает объектом особого внимания со стороны журналистского сообщества. В настоящее время слово *пиар* является и термином специальной области человеческой деятельности, и общеупотребительной лексемой разговорной речи, публицистики, художественной литературы [4; 5; 11; 12].

Цель данной статьи — представить словообразовательное гнездо (СГ) с вершиной *пиар* в современном русском языке. Исходя из цели работы, определим ключевое понятие «словообразовательное гнездо» согласно «Русской грамматике» — это «совокупность слов с тождественным корнем, упорядоченная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивации» [15: с. 134].

Отечественные дериватологи, например, Т.Н. Ходунова, отмечают, что в современном словообразовании стал преобладать системный подход к анализу процессов производства новых слов [14: с. 5]. Традиционное учение о СГ связано с именем А.Н. Тихонова. Исследователь квалифицирует его как группу однокорневых слов в отношениях последовательной производности, определяет ступени деривации для каждой производной лексемы.

В настоящее время существуют аргументированные рассуждения и формальные представления толково-словообразовательных гнезд [18]. Традиционный подход учитывает только один формальный механизм порождения нового слова. Согласно толково-словообразовательному подходу в основе СГ два признака — деривационный и семантический. В первом типе гнезд доминируют отношения формальной производности, во втором — важна фиксация лексических значений производных слов. Гнездо второго типа является по сути семантико-структурным единым целым, но при этом такая минисистема — это не механическое «соединение лексического и словообразовательного гнезд» [18: с. 7], а отраженная в языке невозможность раздельного рассмотрения семантических приращений, появляющихся в процессе деривации, и лексического значения производного слова.

На неразрывную связь деривации и семантики указывает также И.В. Евсеева. Исследователь подчеркивает несколько моментов: во-первых, гнездо производных слов своим лексическим составом отражает словообразовательную активность лексем, во-вторых, выводимость производных значений, в-третьих, что самое главное, «непрерывность семантического пространства» [3: с. 104], язык как систему, системные связи, явленные в том числе и на словообразовательном уровне.

Для СГ важен количественный признак, учет которого позволяет разграничивать нулевые (потенциальные), слабо и сильно развернутые гнезда [13]. Исчислительно-объяснительный подход предложен И.С. Улухановым. По мнению ученого, использование счетных методов помогает отчетливо, аналитически рассмотреть словообразовательную систему внутри системно-структурной парадигмы. Так называемое нулевое гнездо на каком-либо этапе развития русского языка равно одному слову, как правило, заимствованному или узкоспециальному. А.Н. Тихонов не фиксирует в словообразовательном словаре «одиночные слова, т. е. слова, не имеющие в современном русском языке ни одного “родственника”» [16: с. 11]. Однако при включении в общественные отношения слово-одиночка перестает быть изолированным в словообразовательном отношении и порождает производные (типа автомобиль «Газель» — *газелин, газелька, газельщик, газелист*).

Слабо развернутое гнездо, состоящее из двух слов (вершины и одного производного), представляет собой промежуточный тип между нулевой и сильно развернутой структурой. Последнее состоит из десятков или сотен производных, таковых в русском языке большинство. Именно в сильно развернутых гнездах словопорождающие возможности русского языка реализуются в максимальной степени.

Для толково-словообразовательных гнезд большое значение имеет «инвентарь» смыслов и способов их формального выражения. В этом отношении можно отметить важность ключевой проблемы, обозначенной М.Ю. Казак. Исследователь утверждает, что необходимо различать этимологические гнезда

с общим корнем (живые отношения производности в них уже могут не ощущаться) и СГ, в которых семантические связи улавливаются носителями языка достаточно определенно [6: с. 6].

На стыке двух динамических процессов пополнения лексики современного русского языка — заимствования и словообразования — находится изучение СГ с вершиной — иноязычным словом (см.: [2: с. 7]). Словообразовательная активность «чужого» слова, его способность присоединять аффиксы, образуя производные лексемы, по мнению Л.П. Крысина и Ю. Хак Су, «один из показателей укоренения заимствования в языке» [8: с. 15]. Переход в языке-реципиенте от нулевого словообразовательного гнезда к сильно развернутому, появление производных слов у иноязычной лексемы, образование цепочек или гнезд деривации «подкрепляет... лексико-семантическую ассимиляцию иноязычной лексики», — такова позиция М.В. Орешкиной [10: с. 163]. В аспекте образования новых слов система предоставляет готовые модели, а заимствованное слово подчиняется внутренним законам русского языка. Т.А. Гревцева рассуждает о том, что заимствованное мотивирующее слово, будучи иноязычным по происхождению, в результате словообразования на русской почве и из русского инвентаря «теряет иноязычную окраску, когда в результате словообразовательного акта реализуется в дериватах-производных» [2: с. 8]. Оторвавшись от языка-источника, новое слово реализует словотворческие возможности, как и исконная лексика. Освоенные с семантической и словообразовательной точек зрения заимствования приобретают широкие перспективы, употребляются в разговорной, газетно-публицистической и художественной речи.

Представим словообразовательное гнездо с вершиной *пиар*. По А.Н. Тихонову, это так называемое исходное слово — глава каждого СГ. Оно является неприводным. Ученый подчеркивает важную роль мотивирующего слова в организации, строении и установлении смысловых отношений в СГ, «оно входит в состав всех производных слов, определяет их значение» [16: с. 12]. В словообразовательное гнездо с исходным словом *пиар* объединяются лексемы, имеющие формальное сходство, одинаковую морфему — корень, выступающий носителем общего «для всей семьи значения» [16: с. 10]. Это гнездо с вершиной — именем существительным, заимствованным из английского языка.

По аналогии с «Новым словообразовательным словарем русского языка» А.Н. Тихонова (2014) производные слова в СГ размещены в определенном порядке, обусловленном ступенчатым характером русского словообразования. Эта специфика заключается в том, что в результате словопроизводства аффиксы присоединяются к основе в определенной последовательности, постепенно, друг за другом «как бы нанизываются на корень слова» [16: с. 14].

С количественной точки зрения словообразовательное гнездо с исходным словом *пиар* квалифицируем как сильно развернутое — отмечаем 114 дериватов и одно исходное слово. Производные словообразовательного гнезда с вершиной

пиар относятся к I–III ступеням словообразования (рис. 1–2). На I ступени словообразования фиксируется максимальное количество производных — 91, из них: 9 суффиксальных дериватов, 2 приставочных и 80 композит. На II ступени — 17 производных, из них: 4 суффиксальных, 6 приставочных и 7 композит. На III ступени фиксируем 6 производных лексем, из них: 5 суффиксальных и 1 композита. В совокупности по способу словообразования отмечаем: 88 композит, 18 суффиксальных и 8 префиксальных дериватов. Аналогичные словообразовательные тенденции (в словообразовательном гнезде с вершиной *двигать*) ранее отмечала, например, Т.Н. Кельмяшкина, указывая, что и в истории языка, и в современном состоянии производство словообразовательных неологизмов происходит «в основном традиционными способами: аффиксальным и слово-сложением» [7: с. 344].

Для гнезд с исходным словом — именем существительным А.Н. Тихонов рекомендует следующий порядок на I ступени словообразования: 1) уменьшительно-ласкательные существительные; 2) уничижительные существительные; 3) увеличительные существительные; 4) остальные суффиксальные имена существительные; 5) имена прилагательные; 6) наречия; 7) слова, образованные при помощи приставок и суффиксов (следуют в алфавитном порядке); 8) глаголы; 9) сложные слова [16: с. 16].

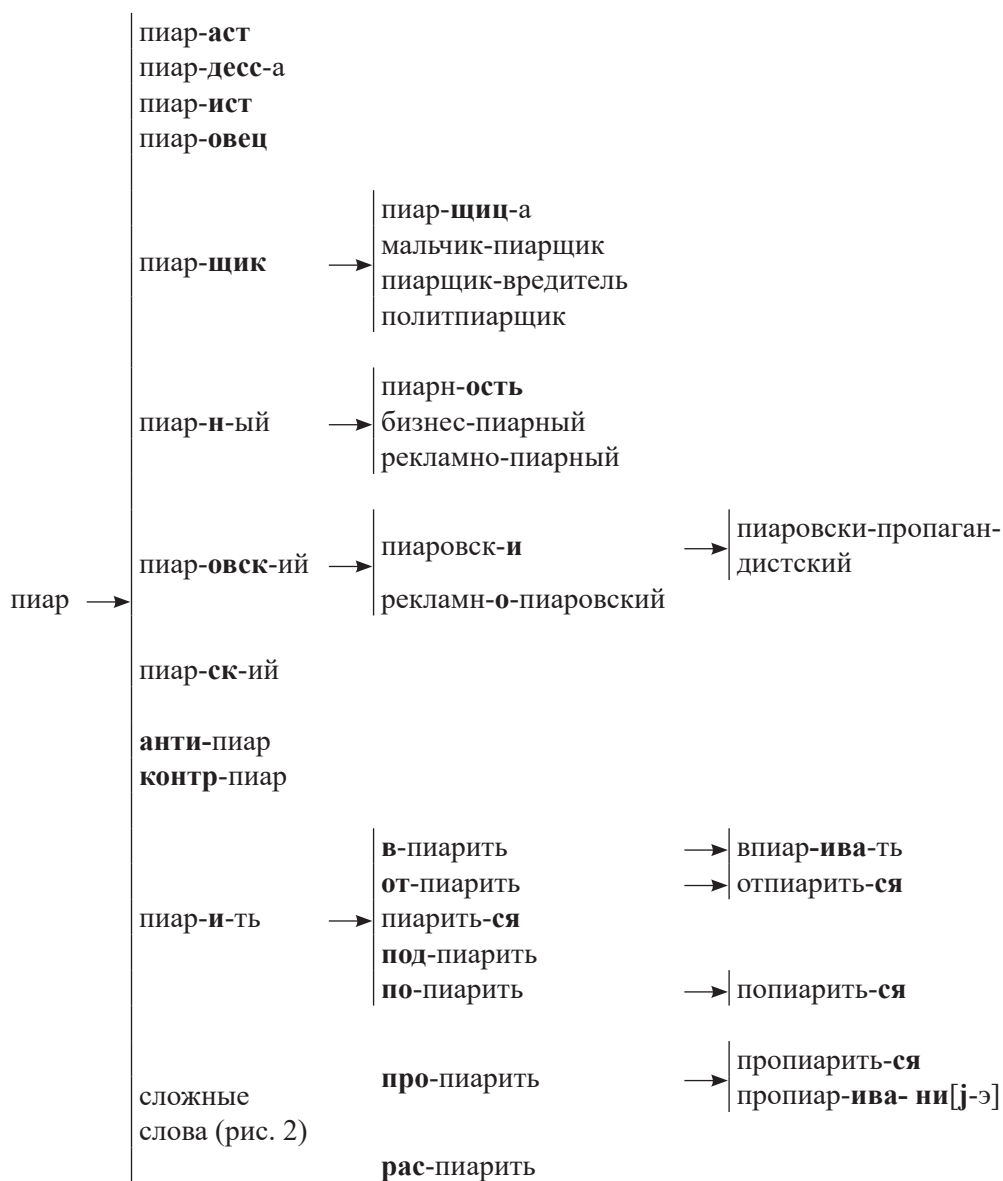
Словообразовательное гнездо с вершиной *пиар* характеризуется достаточно большой сложностью и глубиной. На горизонтальной оси, т. е. отношениями последовательного словопроизводства, структуру гнезда репрезентируют две единицы: минимальная — словообразовательная пара и более крупная — словообразовательная цепь. В гнезде *пиар* насчитывается 94 словообразовательные пары, 18 словообразовательных цепей, из них:

– 12 трехкомпонентных:

- пиар – пиарщик – пиарщица;
- пиар – пиарщик – мальчик-пиарщик;
- пиар – пиарщик – пиарщик-вредитель;
- пиар – пиарщик – политпиарщик;
- пиар – пиарный – пиарность;
- пиар – пиарный – бизнес-пиарный;
- пиар – пиарный – рекламно-пиарный;
- пиар – пиаровский – рекламно-пиаровский;
- пиар – пиарить – пиариться;
- пиар – пиарить – подпиарить;
- пиар – пиарить – распиарить;
- пиар – пиартехнолог – пиартехнология;

– 6 четырехкомпонентных:

- пиар – пиаровский – пиаровски – пиаровски-пропагандистский;
- пиар – пиарить – впиарить – впиаривать;
- пиар – пиарить – отпиарить – отпиариться;
- пиар – пиарить – попиарить – попиариться;
- пиар – пиарить – пропиарить – пропиариться;
- пиар – пиарить – пропиарить – пропиаривание.

Рис. 1. Словообразовательное гнездо с вершиной *пиар*

	пиар-агент
	пиар-агентство
	пиар-акцент
	пиар-активность
	пиар-акция
	пиар-амнистия
	пиар-война
	пиар-группа
	пиар-действие
	пиар-департамент
	пиар-десант
	пиар-деятельность
	пиар-директор
	пиар-задача
	пиар-законотворчество
	пиар-игра
	пиар-идея
	пиар-имитация
	пиар-индустрия
	пиар-инкогнито
	пиар-инструмент
	пиар-информационный
пиар →	пиар-кампания
	пиар-команда
	пиар-компания
	пиар-конкурс
	пиар-консультант
	пиар-контора
	пиар-лаборатория
	пиар-легенда
	пиар-менеджер
	пиар-маневр
	пиармен
	пиар-менеджер
	пиар-мероприятие
	пиар-монолог
	пиар-находка
	пиар-нуар
	пиар-обеспечение
	пиар-обработка
	пиар-обслуживание
	пиароемкий
	пиар-операция
	пиар-ответ
	пиар-отдел

	пиар-пир	
	пиар-победа	
	пиар-поддержка	
	пиар-политика	
	пиар-прием	
	пиар-программа	
	пиар-продукт	
	пиар-проект	
	пиар-производство	
	пиар-профессионал	
	пиар-работа	
	пиар-раздача	
	пиар-рынок	
	пиар-служба	
	пиар-сообщество	
	пиар-составляющая	
	пиар-специалист	
пиар	→ пиар-спурт	
	пиар-структура	
	пиар-сюжет	
	пиар-текст	
	пиар-технолог	→ пиар-технолог-и[j-a]
	пиар-травля	
	пиар-ум	
	пиар-усилие	
	пиар-услуга	
	пиар-фирма	
	пиар-фронт	
	пиар-ход	
	пиар-центр	
	пиар-школа	
	пиар-эффект	
	политпиар	
	самопиар	
	селф-пиар	

Рис. 2. Сложные слова с основой *пиар*

С нашей точки зрения, на данном этапе существования СГ с вершиной *пиар* возможна и пятикомпонентная цепь: *пиар* – *пиарить* – *пропиарить* – *пропиаривать* – *пропиаривание*. Однако лексема *пропиаривать* не фиксируется. Такое положение дел вполне закономерно. Так, А.В. Никитевич считает, что словообразовательное гнездо не только предмет синхронного описания, но и объект лингвистического моделирования будущей структуры. Анализируя процесс словообразования, дериватолог должен учитывать, что свойство системности языка может нарушаться. Возможны несистемные асимметричные структуры, характеризующиеся наличием лакун (см.: [9: с. 125]). Ученый говорит о том, что если в цепочке производных слов формально выражены словообразовательные отношения, то на следующей ступени «логично увидеть факты “нереализации” тех или иных семантических позиций» [9: с. 125].

С морфологической точки зрения словообразовательное гнездо представлено четырьмя частями речи: именем существительным — 94, глаголом — 12; именем прилагательным — 8 и наречием — 1.

Словообразовательные цепи (СЦ) по строению в плане частеречной принадлежности представлены следующими моделями:

а) в группе трехкомпонентных:

- сущ. + сущ. + сущ. (5 СЦ);
- сущ. + прил. + прил. (3 СЦ);
- сущ. + прил. + сущ. (1 СЦ);
- сущ. + глаг. + глаг. (3 СЦ).

б) в группе четырехкомпонентных:

- сущ. + прил. + нареч. + прил. (1 СЦ);
- сущ. + глаг. + глаг. + глаг. (4 СЦ);
- сущ. + глаг. + глаг. + сущ. (1 СЦ).

Наши наблюдения подтверждают рассуждения Е.Н. Важиной и Г.Г. Москальчук, предложивших трактовку словообразовательного гнезда как иерархически организованного текста. Исследователи сделали несколько важных выводов: 1) СГ как текст обладает строгими правилами построения: для данной иерархической пространственной системы свойственно саморазрастание «вниз и вправо / влево (ветвление)», зависимость всех последующих дериватов от главного слова, «которое воспроизводится во всех компонентах гнезда как однокоренной повтор» [1: с. 106]; 2) СГ, в отличие от естественно порожденного самодостаточного текста, «является принципиально открытым, незамкнутым текстом», оно в потенции имеет возможность трансформации и в направлении увеличения производных слов, и уменьшения его количественного состава [1: с. 106].

По данным Национального корпуса русского языка, впервые слово *пиар* было зафиксировано в 1989 г. В докторской диссертации М.Ю. Казак отмечает, что появление в языке морфологического или семантического неологизма практически неизбежно приводит к созданию словообразовательного гнезда, «сформированного регулярными и по сути обязательными моделями

для данного класса» [6: с. 47]. К настоящему времени гнездо насчитывает 114 новообразований, т. е. сохраняются тенденции развития языка постперестроечной эпохи. Проведенный анализ подтвердил положения, сформулированные авторами «Толкового словаря современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [17]. Для стабильной лексической системы характерен постепенный и ступенчатый процесс деривации, когда новые слова возникают поэтапно в связи с потребностями общественной жизни, а СГ «формируется на протяжении достаточно длительного времени... Словообразование сейчас имеет лавинообразный характер, новые производные слова... входят в речевое употребление... стремительно, одномоментно, когда в соответствии с потребностями языкового коллектива в обиход входит целое словообразовательное гнездо» [17: с. 8].

Библиографический список

Литература

1. *Важина Е.Н., Москальчук Г.Г.* Словообразовательное гнездо как иерархически организованный текст // Мир лингвистики и коммуникации. 2015. № 40. С. 106–112.
2. *Грецева Т.А.* Структурно-семантическая организация словообразовательных гнезд с исходным морфологически несклоняемым существительным в современном русском языке: на материале иноязычной лексики: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2004. 292 с.
3. *Евсеева И.В.* Словообразовательное гнездо как вопросно-ответное диалогическое единство // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 103–110.
4. *Иванова М.В., Байрамова Л.К.* Русская культура в «Аксиологическом фразеологическом словаре русского языка» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 10–12.
5. *Иванова М.В.* Речь журналистов электронных СМИ // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ: сб. науч. ст. М., 2016. С. 86–94.
6. *Казак М.Ю.* Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование: дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004. 477 с.
7. *Кельмяшкина Т.Н.* Словообразовательное гнездо с вершиной *двигать* на временной оси // Преподаватель XXI века. 2009. № 2-2. С. 341–345.
8. *Крысин Л.П., Ю Хак Су.* О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филологические науки. 1998. № 3. С. 15–21.
9. *Никитевич А.В.* Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Б. и., 2016. С. 125–130.
10. *Орешкина М.В.* Заимствования из языков народов СССР как производящая база русского словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы VI Республиканск. науч.-практ. конф. Ч. II. Самарканд, 1991. С. 161–167.
11. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Средневековая литература и современное телевидение: семиотическая оппозиция и общая структурообразующая основа // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2. С. 265–270.

12. Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Философский диалог об именах: Платон, Сумароков, современное состояние // *Онтология проектирования*. 2015. Т. 5. № 4 (18). С. 463–471.

13. Улукханов И.С. Словообразование. Морфонология. Лексикология. М.: Логос, 2012. 600 с.

14. Ходунова Т.Н. Словообразовательное гнездо с вершиной *двигать*: история и современное состояние: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 340 с.

Справочные и информационные издания

15. Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1982. 784 с.

16. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным: около 40 000 слов, примерно 10 000 словообразовательных гнезд. М.: Lingua: АСТ, 2014. 639 с.

17. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия: более 7000 слов и устойчивых сочетаний / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

18. Ширшов И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ, 2004. 1024 с.

References

Literatura

1. Vazhina E.N., Moskal'chuk G.G. Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak ierarxicheski organizovannyj tekst // *Mir lingvistiki i kommunikacii*. 2015. № 40. S. 106–112.

2. Grevceva T.A. Strukturno-semanticheskaya organizaciya slovoobrazovatel'ny'x gnezd s isxodny'm morfologicheskimi nesklonyayemy'm sushhestvitel'ny'm v sovremennom russkom yazy'ke: na materiale inoyazy'chnoj leksiki: dis. ... kand. filol. nauk. Lipeck, 2004. 292 s.

3. Evseeva I.V. Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak voprosno-otvetnoe dialogicheskoe edinstvo // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2009. № 3. S. 103–110.

4. Ivanova M.V., Bajramova L.K. Russkaya kul'tura v «Aksiologicheskom frazeologicheskom slovare russkogo yazy'ka» // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2014. № 3 (45). S. 10–12.

5. Ivanova M.V. Rech' zhurnalistov e'lektronny'x SMI // *Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovremennogo yazy'ka v e'lektronny'x SMI: sb. nauch. st. M., 2016. S. 86–94.*

6. Kazak M.YU. Integrativnaya teoriya slovoobrazovatel'nogo gnezda: grammaticheskoe modelirovanie; kvantitativny'e aspekty; potencial; prognozirovanie: dis. ... d-ra filol. nauk. Belgorod, 2004. 477 s.

7. Kel'myashkina T.N. Slovoobrazovatel'noe gnezdo s vershinoy *dvigat'* na vremennoy osi // *Prepodavatel' XXI veka*. 2009. № 2–2. S. 341–345.

8. Kry'sin L.P., Yu Hak Su. O slovoobrazovatel'ny'x vozmozhnostyax inoyazy'chny'x neologizmov // *Filologicheskie nauki*. 1998. № 3. S. 15–21.

9. Nikitevich A.V. Slovoobrazovatel'noe gnezdo kak ob'ekt lingvisticheskogo modelirovaniya // *Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktual'ny'x problem sovremennogo yazy'koznaniya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.N. Golovina): sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. B. i., 2016. S. 125–130.*

10. *Oreshkina M.V.* Zaimstvovaniya iz yazy'kov narodov SSSR kak proizvodnyashchaya baza russkogo slovoobrazovaniya // Aktual'ny'e problemy' russkogo slovoobrazovaniya: materialy' VI Respublikansk. nauch.-prakt. konf. Ch. II. Samarkand, 1991. S. 161–167.
11. *Slozhenikina YU.V., Rastyagaev A.V.* Srednevekovaya literatura i sovremennoe televidenie: semioticheskaya oppozitsiya i obshchaya strukturoobrazuyushchaya osnova // Problemy' istorii, filologii, kul'tury'. 2012. № 2. S. 265–270.
12. *Slozhenikina YU.V., Rastyagaev A.V.* Filosofskij dialog ob imenax: Platon, Sumarokov, sovremennoe sostoyanie // Ontologiya proektirovaniya. 2015. T. 5. № 4 (18). S. 463–471.
13. *Uluxanov I.S.* Slovoobrazovanie. Morfonologiya. Leksikologiya. M.: Logos, 2012. 600 s.
14. *Xodunova T.N.* Slovoobrazovatel'noe gnezdo s vershinoy *dvigat'*: istoriya i sovremennoe sostoyanie: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010. 340 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

15. Russkaya grammatika. T. 1. M.: Nauka, 1982. 784 s.
16. *Tixonov A.N.* Novy'j slovoobrazovatel'ny'j slovar' russkogo yazy'ka dlya vsekh, kto xochet by't' gramotny'm: okolo 40 000 slov, primerno 10 000 slovoobrazovatel'ny'x gnezd. M.: Lingua: AST, 2014. 639 s.
17. Tolkovy'j slovar' sovremennogo russkogo yazy'ka. Yazy'kovy'e izmeneniya konca XX stoletiya: bolee 7000 slov i ustojchivy'x sochetanij / pod red. G.N. Sklyarevskoj. SPb.: Folio-Press, 1998. 700 s.
18. *Shirshov I.A.* Tolkovy'j slovoobrazovatel'ny'j slovar' russkogo yazy'ka. M.: AST, 2004. 1024 s.

T.V. Levanova

The Word-family with the Vertex *PR* in the Modern Russian Language

The article explores the word-forming activity of a foreign lexical element of *PR*, its ability to serve as a basis for creating derivative words with the help of Russian word-building tools. The description of the word-family with the top of *PR* in the modern Russian language is given. It is deduced that from the quantitative point of view, it is strongly expanded and includes 114 derivatives and one original word.

Keywords: word-family with the vertex *PR*; *PR* and its derivatives; neologisms; modern Russian language; lexis.

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Гл. ред. М.Б. Лоскутникова. М.: МГПУ, 2016. Вып. 11. 196 с.)

Рецензируемый сборник — результат научного сотрудничества МГПУ и Литовского эдукологического университета. Его название говорит об освещении различных вопросов и актуальных проблем в гуманитарной науке. По тематике это научное издание разделено на две части: лингвистическую и литературоведческую, которые представляют собой равную научную ценность в филологии. В книге несколько разделов: «Лингвистика», «Литературоведение», «Школа молодого исследователя», «Актуальное интервью», «Рецензии».

Раздел «Лингвистика» объединяет работы, в которых очевидна актуальность проблем, рассмотренных исследователями.

Статья *Н. Авиной* (Вильнюс) «Речевой этикет билингвов в межкультурной коммуникации (на материале электронных писем)» посвящена анализу изменений в речевом этикете. Именно в коммуникативной среде Интернета наиболее очевидны изменения речевого этикета, так как данная среда способствует «появлению новых форм существования языка и соответственно новых стереотипов речевого поведения» (с. 11). Исследование лингвокультурной коммуникации на основе диалога языков необходимо для решения проблем развития культур в современном мире.

Статья *М.В. Захаровой* (Москва) посвящена явлению «языковой игры в историческом, психолингвистическом и диахронном аспектах» (с. 46). Исследование связей языковой игры и русского литературного языка в различные периоды определяет более глубокое понимание произведений писателей, живущих в ту или иную эпоху, что открывает новые перспективы в изучении индивидуального стиля этих писателей.

Н.М. Девятова (Москва) рассматривает специфику наречий с приставкой *по-*, уделяя внимание проблеме соотношения наречий и притяжательных прилагательных на примере наречий, связанных с существительными-зоонимами. Анализируя сравнительную семантику наречий, которые встречаются в текстах

русской литературы, автор приходит к выводу, что образ-зооним соотносится с определенным эталоном поведения человека, сформированным в русской языковой культуре, и это обусловлено культурой народа и его традициями.

М. Бирней (Вильнюс) обращается к роли интертекста в появлении концепта *вода* в творчестве Бунина, подчеркивая, что переключка этого концепта у русского писателя с архетипическими и мифопоэтическими образами «становится тем механизмом интертекстуального характера, который определяет в авторской картине мира смысловое наполнение концептуальной структуры “вода”» (с. 68). Значимо наблюдение автора статьи о концептуальной связи воды и вечности, соотносимой с душой, характерной именно для мировоззрения Бунина.

Т.В. Белошапкова (Москва) в исследовании «Понимание дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания» выделяет две точки зрения на эту проблему. Первая сопряжена «с динамичностью и процессуальностью дискурса», вторая — с изучением дискурса «как совокупности многих отдельных текстов» (с. 21). Последняя характерна для отечественного направления когнитивной лингвистики. Т.В. Белошапкова считает, что существует как «интровертное понимание, связанное с изучением дискурса у определенного этноса, так и экстравертное понимание <...> дискурса через его социокультурные особенности» (с. 30).

И.Д. Михайлова (Москва) анализирует концепцию «Словаря радикалоидов современного русского языка» и его структуру. Сравнивая существующие профильные словари, автор акцентирует внимание на том, что данный справочник облегчает иностранцам возможность «освоить лексический минимум», а носителям языка помогает «глубже проникнуть в словообразовательную структуру исконно русского» (с. 55).

Раздел «Литературоведение» включает в себя работы, посвященные изучению произведений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова и Ф.М. Достоевского.

Е.Ю. Полтавец (Москва) раскрывает тему охотничьего мифа в произведениях Л.Н. Толстого. Охота рассматривается как способ самоутверждения толстовских героев-охотников, а эпизоды охоты, связанные с любовной линией сюжета, помещены писателем в мифологический контекст. Расстановка персонажей в повести «Казачьи» соотносится с особенностями романа «Пионеры» Ф. Купера, а возникающая тема оленя уходит своими корнями в миф об Актеоне и Артемиде и в «Махабхарату». Анализ, осуществленный Е.Ю. Полтавец, открывает перспективы для более глубокого изучения темы охоты, ее мифологических источников в мировой культуре.

В исследовании *М.Б. Лоскутниковой* (Москва) «Образы “дворянского гнезда” в знаковой системе романа И.С. Тургенева “Отцы и дети”» анализируется символический образ, ставший одним «из важнейших ценностных ориентиров» писателя (с. 99) и заложенный Тургеневым в сюжетобразующий фундамент романа. Понятие «семья» символически развивается в идее «гнездо» на примере трех «дворянских гнезд»: Кирсановых, Одинцовой и Базаровых. Во взаимоотношениях отцов и сыновей писатель подчеркивает «гордость Отцов за своих Детей и неустанную тревогу за них» — в этом, по Тургеневу, «основа и смысл самой жизни» (с. 104).

Т.С. Карпачева (Москва) в статье «О возможном влиянии трактата Ч. Беккарии “О преступлениях и наказаниях” на образный строй и идейно-тематическое содержание романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» делает предположение, что писатель не мог не обратить внимания на книгу итальянского ученого, переведенную на русский язык в 1803 г., и отмечает отголосок философских вопросов, поставленных в трактате Ч. Беккарии, в романе Достоевского.

В рубрике «Школа молодых исследователей» представлены результаты научных работ, осуществленных в рамках инновационной площадки МГПУ «Литературное наследие России».

В статье *А.Р. Дамирбековой* «Ольфакторный код в прозе И.С. Тургенева 1850-х гг.» внимание уделено поэтике запахов в повестях писателя. В работе *Ю.Ю. Гребениčkова* «Образы дворянских гнезд в романах И.А. Гончарова “Обрыв” и И.С. Тургенева “Дворянское гнездо”» рассматривается восприятие семьи и родного дома Борисом Райским и Федором Лаврецким, подчеркнуто сходство в чувствах героев, обретающих покой и тишину жизни во время возвращения домой. Публикация «Райский как читатель в романе И.А. Гончарова “Обрыв”» *Д.С. Медведевой* посвящена образу Райского как читателя и как романиста одновременно. Герой и писатель «пишут» роман вместе. Метафора «книга жизни» становится в романах Гончарова «руководством для читателя, пробуждая его к житнетворчеству» (с. 145). *В.В. Коротаева* в работе «Лес в структуре художественного пространства в романе И.А. Гончарова “Обрыв”» обращается к образу леса, отмечая его связь с топосами рощи, сада, обрыва, что соотносится с национальной ментальностью. *А.А. Семкина* в статье «Женские образы в романе И.А. Гончарова “Обрыв” и “фаустовский сюжет”» рассматривает связь романа Гончарова с творчеством Гете через «сюжетную модель, в которой важен “фаустовский” тип героя» (с. 154). *Е.В. Баяев* исследует особенности употребления темпоральной лексики в романах И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв», выявляя закономерности в употреблении лексем «секунда», «минута», «час».

Раздел «Актуальное интервью» знакомит читателей с *О. Чинбаяром*, президентом Союза переводчиков Монголии, представляет его взгляд на проблемы перевода на монгольский язык не только русской классики, но и произведений современных писателей России.

В рубрике «Рецензии» *С.А. Джанумов* (Москва) рассказывает о книге «Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора» (сб. ст. и материалов / отв. ред.: С.П. Сорокина, Л.В. Фадеева. М.: ГИИ, 2015. 456 с.), а *Е.С. Ярыгина* представляет учебник Е.Г. Борисовой и Е.Ю. Геймбух «Стилистика и литературное редактирование» (М.: Юрайт, 2016. 275 с.).

Материалы, вошедшие в сборник «Русистика и компаративистика», свидетельствуют о серьезной научной работе, затрагивающей актуальные проблемы филологии, имеющей важное значение для развития современной гуманитарной науки в целом.

Т.Б. Трофимова

**Рецензия на учебник для магистратуры
В.Е. Чернявской, Е.Н. Молодыхенко
«Речевое воздействие в политическом,
рекламном и интернет-дискурсе»
(М.: Ленанд, 2017. 176 с.)**

Наука о языке интерпретативна по своей сути, и лингвистический анализ состоит в переосмыслении того, что нам известно о языке и как лингвистические знания и методы приложимы в объяснении социально значимых процессов и практик. Это возможно через новую интерпретацию уже известных объектов и в широком смысле отношений между языковыми формами и структурами и социальным контекстом. В настоящее время возможно говорить о формировании нового исследовательского и публикационного вектора, фокусирующего прикладные, объяснительные возможности лингвиста в междисциплинарном блоке гуманитарного знания.

Работа В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко, посвященная анализу речевого воздействия в политическом, рекламном и интернет-дискурсе, представляет собой уникальное для современной отечественной практической лингвистики издание, восполняющее лакуарность методического обеспечения профессиональной лингвистической подготовки, в частности в сфере магистратуры и аспирантуры. Написанная авторами в жанре учебных пособий, она оказывается шире заявленного формата и по своему содержанию, характеру и стилю научного повествования приближается к формату монографического. В учебнике обобщены и доступно изложены ключевые концепции современного языкознания и результаты теоретических изысканий ученых, работающих в рамках ведущих лингвистических парадигм: лингвистической прагматики, теории коммуникации, дискурсивной и когнитивной лингвистики.

Методологически и содержательно новым в работе является следующее: лингвистическая теория представлена в направлении от декларативных («знаю, что») к процедурным знаниям («знаю, как»). Приоритет объяснительного подхода соответствует современному направлению развития науки о языке, которая может и должна анализировать и объяснять эффекты использования речевых технологий в разных коммуникативных сферах.

Вместе с тем представленное исследование логично продолжает и развивает дискурсивный анализ, успешно разрабатываемый в направлении дискурсивной лингвистики под руководством Валерии Евгеньевны Чернявской и ее школы. В рамках данной школы получают развитие ключевые проблемы,

поднимаемые в теории и практике дискурсивного анализа (например, см.: *Лингвистика текста. Лингвистика дискурса* [3]).

Читатель получает целостное представление о том, какие именно проблемы осознаются современным лингвистическим сообществом как актуальные, в частности, в области анализа форм вербального взаимодействия, реализуемого через разнообразные дискурсивные формации.

Авторам удалось аккумулировать и синтезировать в синергетически последовательный продукт различные теории и коммуникативные практики речевого воздействия, найти некое единое представление, позволяющее избежать достаточно распространенного в работах такого рода «собрания пестрых глав» (А.С. Пушкин. *Евгений Онегин*). Для этого потребовалось критически осмыслить и соотнести разнообразные метапостроения, что особенно трудно бывает сделать в лингвистике как науке, работающей в системе «качественных полаганий», где метатермины часто вводятся произвольно, не соотносятся с предшествующими и конкурирующими метасистемами, вновь вводимые термины часто не получают определения, а их содержание считается очевидным и основано на понимании значения соответствующих слов в литературном языке [2].

В пособии анализируется роль языковых средств в реализации коммуникативных задач в рамках различных дискурсивных практик и таким образом читатели получают системное представление, одновременно позволяющее начинающему лингвисту выстроить перспективу собственного исследования, при этом на фоне и с учетом того, что делается в смежных областях знания.

Рецензируемая работа логично выстраивается авторами в двухчастную структуру. В первой части представлены формы, стратегии и средства речевого воздействия, во второй части анализируются коммуникативные практики речевого воздействия. В первых двух разделах — *Язык как инструмент воздействия в обществе* и *Воздействующая речь: основные средства* — рассматриваются лингвистические средства на лексическом уровне: эвфемизмы и дисфемизмы, стереотипы, семантически пустые слова, интенсификация и генерализация оценки, а также на грамматико-синтаксическом: манипулирование ролями субъекта и объекта действия, субъектность и бессубъектность, диалогизация и обращенность речи; анализируется роль имплицитного: имплицатуры, импликации и пресуппозиции; изучается контекст и принципы лингвистической экспертизы текста. Таким образом, системно исследуются языковые средства, речевые стратегии и принципы их построения. В третьем и четвертом описаны стратегии и тактики воздействующей речи.

Вторая часть учебника посвящена коммуникативным практикам речевого воздействия: речевой агрессии в политическом дискурсе, коммуникативно-прагматическим характеристикам и типичным приемам конфронтационной риторики, таким как редукционизм, оценочность, гиперболичность, метафоричность, гипотетичность, смысловая неопределенность, создание образа врага, его демонизация и создание фантомной угрозы. Кроме того, авторами обсуждается позиционирование товаров и создание образа потребителя.

В разделе о власти дискурса внимание уделяется важнейшему принципу дискурсивного анализа, позволяющего провести границу между так называемым

своим и чужим словом. Власть дискурса выражается через систему взаимосвязанных речевых текстовых средств, форм и приемов воздействия.

Внимание специалистов привлекает то, что пособие сопровождается внятной дидактической составляющей в виде компактно сформулированных практических заданий, в полной мере отражающих актуализированные образовательные тенденции. При этом принятая в учебнике система подачи материала позволяет ей служить пошаговым алгоритмом вычисления дискурсивной матрицы (см. [1]), а именно как многомерного и многофакторного «продукта», в основе продуцирования которого задействованы описанные речевые стратегии и тактики. И таким образом, вдумчивый читатель имеет возможность сформировать все релевантные компетенции, необходимые для выстраивания адекватной стратегии речевого взаимодействия.

Логика анализа и изложение материала выигрывает благодаря структуре работы, прозрачности содержания и одновременно фокусности разделов; о сложном говорится простым языком, работа легко читается.

Востребованность рецензируемого учебника не вызывает сомнений. Высокий уровень теоретических обобщений сочетается с прикладной значимостью книги. Она включает прекрасно подобранный иллюстративный материал на английском и русском языках. Работа безусловно найдет применение в вузовской науке. Она обращена как к начинающему исследователю, так и к специалистам, осознающим междисциплинарные связи гуманитарного знания, вовлеченным в практические дискурсивные практики: журналистам, работникам пресслужбы, специалистам по связям с общественностью и рекламе.

О.А. Сулейманова, О.Г. Лукошус

Библиографический список

Литература

1. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия: коллективная монография / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: URSS, 2018. 320 с.
2. Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. Вопросы лексикографического портретирования слов с общим значением *странный* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4-1 (70). С. 179–185.
3. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: Ленанд / URSS, 2014. 200 с.

References

Literatura

1. Diskurs kak universal'naya matricza verbal'nogo vzaimodeistviya: kollektivnaya monografiya / otv. red. O.A. Sulejmanova. M.: URSS, 2018. 320 s.
2. Sulejmanova O.A., Lukoshus O.G. Voprosy' leksikograficheskogo portretirovaniya slov s obshhim znacheniem *stranny'j* // Filologicheskie nauki. Voprosy' teorii i praktiki. 2017. № 4-1 (70). S. 179–185.
3. Chernyavskaya V.E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa. M.: Lenand / URSS, 2014. 200 s.

**Информационно-аналитический обзор
материалов конференции
«Фундаментальное и актуальное
в развитии языка: категории, факторы,
механизмы» (Москва, 13–16 сентября 2017 г.)**

Международная научная конференция в Московском городском педагогическом университете, состоявшаяся в сентябре 2017 г., была новой по своему формату, поскольку объединила в своих рамках отечественных ученых Школы-семинара имени Л.М. Скредлиной и лингвистов Международного общества функциональной лингвистики (SILF), деятельность которого в свое время была представлена в «Вестнике МГПУ» [2].

Видение темы конференции получило интегральное междисциплинарное звучание в 120 докладах и направило внимание на раскрытие идей отечественного лингвиста Л.М. Скредлиной и французского ученого А. Мартине о важности структурно-функционального подхода в изучении французского языка [15; 16].

Сферой интересов конференции стали:

- динамика языка: эволюция, трансформация, модернизация;
- объективные и субъективные факторы динамики языка (прагматические, этнокультурные, межкультурные факторы);
- механизмы, принципы и векторы языковых трансформаций;
- объяснительный потенциал теории психомеханики и психосистематики языка;
- формирование научного мировоззрения преподавателя-лингвиста.

Объединенная встреча исследователей (более 100 участников из 18 стран), представлявших различные научные школы и университетские центры по междисциплинарным проблемам гуманитарного знания (романская филология, лингвокультурология, переводоведение и др.), была организована на базе Института иностранных языков МГПУ. Организация такого рода конференции в рамках профильного вуза основана на том, что гуманитарии стремятся обсуждать актуальные

проблемы в рамках международного научного диалога. По результатам конференции вышел сборник материалов научной Школы-семинара им. Л.М. Скредлиной (руководитель — проф. Л.А. Становая, РГПУ им. А.И. Герцена), где 80 авторов рассматривают актуальные проблемы романистики и теории языка, зарубежной литературы и лингводидактики с позиций современной научной парадигмы [15].

В разделе, посвященном вопросам общего и романского языкознания, представлены размышления о языковых изменениях и вариативности в диахронии [9], прежде всего в русле формирования и эволюции французского языка [6; 8; 10; 11]. При рассмотрении трансформаций лексем в рамках диахронической этносемиотрии особую роль лингвисты отводят лингвокогнитивному механизму, который лежит в основе развития семантических компонентов, поэтапно отражаемых в словарях [3, 4]. Аргументируется концептуальная, аксиологическая сущность данного механизма эволюции слова, способного породить развивающуюся концептуальную цепочку. Особый интерес вызвали доклады лингвистов из Университета Сорбонны проф. О. Сутэ и К. Илинского, К. Квапиш-Осадник из Силезского университета (Польша) в рамках секции, посвященной потенциалу теории психомеханики и психосистематики языка [15: с. 114–120, 263–268].

Проблемы дискурса как коммуникативного пространства социума нашли свое отражение в докладах Л.А. Борботько, С.А. Герасимовой, Н.Б. Касьяновой и др. [1; 5; 8]. Так, Т.Ю. Загрязкина проследила вербализацию смыслов, заложенных в корпусе повествовательных текстов, относящихся к сфере французской гастрономии: устных (рассказы, впечатления, воспоминания) и письменных (произведения великих кулинаров, справочная кулинарная литература, обычные поваренные книги, художественная литература) [7].

Эпистемологическая значимость принципа антропоцентризма при изучении истории лингвистических идей показана в анализе испанских грамматик в лингвистической традиции эпохи золотого века. Примеры тесным образом связаны с идеалами Ренессанса, во многих из них получило отражение общее настроение эпохи золотого века, определявшее поступки и чувства человека того времени [12].

Вопросы литературоведения касались обращения к творчеству французских писателей Ф. Мориака [15: с. 321–323] и Ж. Грака [15: с. 318–320], жанровой характеристики бестиария [15: с. 311–317]. При рассмотрении сюжетов и композиции как приемов выразительности предпринята попытка анализа новеллы Ги де Мопассана с использованием приемов, предложенных Л.С. Выготским, включая графические записи для определения архитектоники и структуры произведения малой формы [14].

Рассуждая о новых вызовах ученому и преподавателю-практику при преподавании иностранного языка, Е.Г. Тарева обосновывает положение о том, что «современная эпоха по-своему расставляет приоритеты в области освоения иностранных языков как инструментов глобализации, интеграции, аккультурации, информатизации» [13: с. 366]. Сформировавшиеся вызовы времени, отвечая на требования эпохи Информации 4.0, побуждают вузовскую практику искать и находить пути формирования необходимых компетенций у выпускников-

лингвистов. Проблему преодоления традиционности в организации процесса обучения иностранным языкам в неязыковых вузах, осуществляющих подготовку специалистов для разных сфер производства, обозначила Е.И. Черкашина [14], обратив внимание на необходимость моделировать лингвообразовательный процесс в неязыковом вузе с учетом технологических этапов подготовки будущих специалистов.

В целом работа конференции продемонстрировала продуктивность научного общения, в ходе которого ставятся актуальные междисциплинарные проблемы и предлагаются варианты их решения. Ход и результаты конференции показывают важность поддержания российских традиций в организации научных форумов и одновременно необходимость внедрения новых форматов представления знания в соответствии с современными запросами образования и общества.

Э.М. Рянская

Библиографический список

Литература

1. Борботько Л.А. Коммуникативное поведение аудитории в рамках театрального дискурса // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 17–22.
2. Васильева Е.Г., Дубнякова О.А. Современная функциональная лингвистика: информационно-аналитический обзор материалов междунар. науч. конф. «Linguistique et ses spécificités» (Франция, Университет г. Ла Рошель, 17–21 окт. 2016 г.) // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 3. С. 129–133.
3. Видулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Михайлова С.В. Диахроническая этно-семиотика лексемы *salon* // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 47–52.
4. Герасимова С.А. Французский издательский термин *Предисловие* в исторической проекции // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 65–70.
5. Дубнякова О.А., Райскина В.А. Морфосинтаксические типы номинации персонажей лиц (на материале старофранцузского рыцарского романа) // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 91–97.
6. Загряжская Т.Е. Язык и культура повседневности сквозь призму гастрономического дискурса // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скреблиной (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 98–104.

7. *Ильина Т.П.* О вариативности в диахронии (на материале сочетаний со значением образа действия во французском языке XVII–XXI вв.) // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 121–125.*

8. *Касьянова Н.Б.* Музыкальное произведение как основа музыкального дискурса // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 126–129.*

9. *Лукина А.Е.* Диатопическая вариативность глагольных форм (на материале французских рукописей XII–XIV вв.) // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 162–168.*

10. *Лыкова Н.Н.* Проявления устной речи в ранних французских правовых документах // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 169–175.*

11. *Михайлова Е.Н., Колтунова С.В.* Испанские грамматики Золотого века в свете принципа антропоцентризма // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 181–187.*

12. *Тарева Е.Г.* Преподавание иностранного языка: новые вызовы ученому и преподавателю-практику // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 366–372.*

13. *Тимашева О.В.* Сюжет и композиция как приемы выразительности // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 327–331.*

14. *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 388 с.*

15. *Черкашина Е.И.* Подготовка будущих преподавателей иностранного языка к проектированию лингвообразовательного процесса в техническом вузе // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 373–379.*

16. *Stanovaia L.A.* Louise M. Skrélina et sa conception fonctionnelle de l'histoire de la langue française // *Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы: сб. ст. по материалам XVIII Междунар. конф. Школы-семинара им. Л.М. Скрединой (Москва, 13–16 сент. 2017 г.). М.: МГПУ, Языки Народов Мира, 2017. С. 7–10.*

References

Literatura

1. *Borbot'ko L.A.* Kommunikativnoe povedenie auditorii v ramkax teatral'nogo diskursa // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 17–22.
2. *Vasil'eva E.G., Dubnyakova O.A.* Sovremennaya funkcional'naya lingvistika: informacionno-analiticheskij obzor materialov mezhdunar. nauch. konf. «Linguistique et ses spécificités» (Franciya, Universitet g. La Roshel', 17–21 okt. 2016 g.) // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 3. S. 129–133.
3. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F., Mixajlova S.V.* Diaxronicheskaya e'tnosemiometriya leksemy' salon // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 47–52.
4. *Gerasimova S.A.* Francuzskij izdatel'skij termin *Predislovie* v istoricheskoy proekcii // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 65–70.
5. *Dubnyakova O.A., Rajskina V.A.* Morfosintaksicheskie tipy' nominacii personazhny'x licz (na materiale starofrancuzskogo ry'czarskogo romana) // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 91–97.
6. *Zagryazkina T.E.* Yazy'k i kul'tura povsednevnosti skvoz' prizmu gastronomicheskogo diskursa // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 98–104.
7. *Il'ina T.P.* O variativnosti v diaxronii (na materiale sochetanij so znacheniem obraza dejstviya vo francuzskom yazy'ke XVII–XXI vv.) // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 121–125.
8. *Kas'yanova N.B.* Muzy'kal'noe proizvedenie kak osnova muzy'kal'nogo diskursa // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 126–129.
9. *Lukina A.E.* Diatopicheskaya variativnost' glagol'ny'x form (na materiale francuzskix rukopisej XII–XIV vv.) // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 162–168.
10. *Ly'kova N.N.* Proyavleniya ustnoj rechi v rannix francuzskix pravovy'x dokumentax // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 169–175.

11. *Mixajlova E.N., Koltunova S.V.* Ispanskije grammatiki Zolotogo veka v svete principa antropocentrizma // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 181–187.

12. *Tareva E.G.* Prepodavanie inostrannogo yazy'ka: novy'e vy'zovy' uchenomu i prepodavatelyu-praktiku // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 366–372.

13. *Timasheva O.V.* Syuzhet i kompoziciya kak priemy' vy'razitel'nosti // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 327–331.

14. Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. 388 s.

15. *Cherkashina E.I.* Podgotovka budushhix prepodavatelej inostrannogo yazy'ka k proektirovaniyu lingvoobrazovatel'nogo processa v texnicheskom vuze // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 373–379.

16. *Stanovaya L.A.* Louise M. Skrélina et sa conception fonctionnelle de l'histoire de la langue française // Fundamental'noe i aktual'noe v razvitii yazy'ka: kategorii, faktory', mexanizmy': sb. st. po materialam XVIII Mezhdunar. konf. Shkoly'-seminara im. L.M. Skrelinoj (Moskva, 13–16 sent. 2017 g.). M.: MGPU, Yazy'ki Narodov Mira, 2017. S. 7–10.

**Международная научная конференция
«Русская интеллигенция и революция
в литературе XX в. К 100-летию
революции 1917 г. К 125-летию
со дня рождения К.А. Федина»
(Саратов, 10–12 октября 2017 г.)**

Государственный музей К.А. Федина на протяжении многих лет ведет важную культурную и научную работу. В числе постоянных проектов музея — традиционные *Фединские чтения*, имеющие строгую структуру и конкретную тематику. В год 100-летия Великой русской революции музей совместно с Институтом мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Саратовским национальным исследовательским государственным университетом им. Н.Г. Чернышевского, при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства культуры Саратовской области, организовал и провел Международную научную конференцию «Русская интеллигенция и революция в литературе XX в. К 100-летию революции 1917 г. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина».

Торжественное открытие конференции состоялось в одной из старейших библиотек России — Саратовской областной универсальной научной библиотеке. Участников конференции приветствовали министр культуры Саратовской области *Т.А. Гаранина*, директор Государственного музея К.А. Федина *Н.Ю. Щелканова*. С напутствием к многочисленным гостям, значительную часть которых составили студенты вузов города, обратились ведущие ученые: д-р филол. наук, чл.-кор. РАН, зав. отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ им. А.М. Горького РАН *Н.В. Корниенко*; д-р филол. наук, проректор по учебно-методической работе, проф. СГУ *Е.Г. Елина*. Прозвучало аудиоприветствие дочери писателя *Нины Константиновны Фединой*, предоставленное внуком писателя *К.А. Роговиным*.

Обширный круг участников конференции — сотрудники музеев, архивов, библиотек, ученые академических институтов и крупнейших вузов России (Саратов, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск) и зарубежных стран (Польша, США, Швеция, Белоруссия) — обеспечил высокий научный уровень форума. Среди докладчиков — 27 докторов наук, 36 кандидатов наук.

На конференции обсуждались проблемы развития культуры и искусства, их соотношение с социально-политическими процессами, судьбы интеллигенции в революционные годы, что наглядно продемонстрировали доклады, прозвучавшие

на секциях «Осмысление темы интеллигенции и революции 1917 г. в литературе русского зарубежья XX в.», «Интеллигенция и революция: региональный аспект».

На пленарном заседании в докладе *Н.В. Корниенко* «Блоковские “народ и интеллигенция” в романе первого советского десятилетия» всесторонне проанализирован трагический пафос А.А. Блока в постановке проблемы «народ и интеллигенция» и показаны сложные и разнообразные векторы его влияния не только на поэзию, но и на прозу 1920-х гг. (романы А. Платонова, М. Булгакова, К. Федина, Б. Пильняка, В. Зазубрина). Трагическое восприятие революционных событий интеллигенцией осмыслено и в других выступлениях на пленарном заседании (докладчики: Е.Г. Елина, А.М. Грачева, Н.О. Осипова, И.Ю. Иванюшина, А.Г. Гачева, И.Э. Кабанова). Многогранная картина эпохи отражена во взаимоотношениях, полемике участников литературного процесса тех лет («Три взгляда на литературу и революцию: Л. Троцкий, Вяч. Полонский, Г. Лелевич»), в трансформации традиции смеховой культуры («Революция 1917 г. в зеркале русской смеховой культуры», «“Другая” революция Владимира Маяковского»), в философских идеях космистов («Тема “интеллигенция и революция” в творческом сознании космистов 1920-х гг.»), в стремлении осмыслить исторические формы современности («“Революция или чай пить?” — историософская концепция книги А.М. Ремизова “Россия в письменах”»)). О восприятии романа К.А. Федина «Города и годы» современниками рассказала в своем выступлении И.Э. Кабанова.

Секционные заседания расширили круг рассматриваемых проблем. Раскрыты новые аспекты темы «Интеллигенция и революция»: интеллигенция как объект и субъект революции; социокультурная миссия интеллигенции в переломное время; интеллигенция и народ; интеллигенция и власть; мера исторической ответственности российской интеллигенции за революционные потрясения XX в.; формирование новых форм существования культуры в революционный и постреволюционный периоды и др.

В секции «Осмысление темы интеллигенции и революции 1917 г. в литературе XX в.» заявленная тема освещалась в нескольких аспектах: «“Апокалипсис нашего времени” В.В. Розанова и его читатели» (П.Е. Фокин), «Мотив свободы творчества в драматургическом интертексте М. Булгакова (грибоедовский след)» (Ю.Н. Борисов), «Октябрь и вожди Октября в творчестве М.М. Зощенко. Смешное о несмешном» (А.Д. Семкин) и др.

Расширили исследовательское поле стендовые доклады, в одном из них освещалась судьба России в контексте революционных событий на материале публицистики И.А. Бунина (А.И. Смирнова), в другом — участие Е. Замятина в дискуссиях о «последней революции» (М.Ю. Любимова). В докладе Г.Н. Воронцовой сообщалось об изображении интеллигенции в романе А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921), Е.К. Муренина проанализировала проблему показа интеллигенции 1920-х гг. сквозь призму постмодернизма на примере произведения М. Булгакова «Записки юного врача» и осмысление его в интермедийном контексте XXI в.

Тема «Интеллигенция и революция: региональный аспект» рассматривалась с разных позиций, приоритетное место в обсуждении заняла проблема «Пути и судьбы двух саратовских интеллигентов (филологи-классики М.Е. Сергеевко

и А.И. Доватур)» (Л.М. Лукьянова), с судьбой «ленинского комиссара» Э. Рейтера познакомил слушателей доклад «Эрнст Рейтер в Саратове (1918–1919 гг.)» (А.А. Герман), существенно дополнил представление о революционной эпохе доклад «“Искусство народу”: споры о новой культуре на страницах саратовских альманахов “Горнило” и “Взмахи” 1918–1920 гг.» (А.В. Раева).

Философско-религиозные и идейно-эстетические искания русской интеллигенции в преддверии революции обсуждались в одноименной секции, ее работа продемонстрировала сложную мировоззренческую ситуацию накануне революции. На примере философско-религиозных взглядов С.Л. Франка и его высказываний о характере русской революции показан глубинный процесс уяснения причин и последствий «ужасной катастрофы» в России (В.А. Фриауф). Дополнило идейную картину эпохи знакомство с размышлениями Д.С. Мережковского о русской революции в свете историософской концепции (Т.А. Дронова). О настроениях лучших умов в России в ту эпоху свидетельствует анкета-дискуссия «Революция и литература» (1906), проведенная в газете «Свобода и жизнь» Корнеем Чуковским (П.М. Крючков). Одна из ключевых проблем периода *между двух революций* — проблема эволюции взглядов многих участников и очевидцев событий — была наглядно разобрана на примере творчества известной писательницы Н. Тэффи (Е.М. Трубилова).

Судьбы интеллигенции в революционный и постреволюционный периоды осмысливались в контексте времени на примере трагической участи фольклористов В.В. Бартенева и А.А. Каменева (Т.Г. Иванова), непростого пути потомков революционного демократа Н.Г. Чернышевского, их возвращения в Саратов из столичного Петербурга (Д.Г. Сапожникова). Жизненная и творческая история талантливой художницы, музы В. Борисова-Мусатова, к сожалению, малоизвестной в наше время, Е.В. Борисовой-Мусатовой (Александровой) представляет собой наглядный пример драматичной судьбы творческой интеллигенции на фоне эпохи начала XX в. (Е.С. Платонова). Проблема изгнанников и вынужденных беженцев из советской России долгое время оставалась строго выверенной идеологической темой, где враги страны рисовались в исключительно монохромном цвете, поэтому узнать о патриотической деятельности в Швеции меньшевика-беженца Павла Ольберга (П. Энеруд) было чрезвычайно познавательно.

Значительной ценностью в историческом и культурном пространстве обладают эго-документы, особое внимание привлекают факты, запечатленные очевидцами и участниками переломных исторических эпох, их воспоминания. Важное место занимает проблема понимания революции сквозь призму эго-документов, где важны наблюдения и оценки представителей различных социальных прослоек, к примеру, Архиерейские свидетельства: образ революции в воспоминаниях митр. Евлогия (Георгиевского), митр. Вениамина (Федченкова), архиеп. Василия (Кривошеина) (С.В. Кекова, Р.Р. Измайлов), или портреты известных поэтов и писателей (А. Блок, Д. Мережковский, З. Гиппиус, В. Брюсов, В. Розанов) в дневниковых записях их современника С.П. Каблукова за 1919 г. (Б.А. Минц). Творческая интеллигенция в первые годы после революции уповала на справедливость и правосудие, искренне надеясь на своевременную помощь, во многом полагаясь на авторитет Максима

Горького, что подтверждает его обширная почта (Л.Г. Жуховицкая). Повседневная жизнь Саратова 1920-х гг., наполненная тяготами бытового и политического характера, предстает в воспоминаниях выпускника Саратовского сельскохозяйственного института (ныне — Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова) М.В. Владимирского (М.Н. Шашкина).

Внимание к творчеству К.А. Федина, его литературным связям было уделено в самостоятельной секции, в ее работе принял участие внук писателя К.А. Роговин, сообщив о современных изданиях К.А. Федина. Н.А. Гуськов рассмотрел повесть К.А. Федина «Наровчатская хроника» в историко-культурном контексте. Е.А. Мазанова проанализировала тему искусства и революции в романе К.А. Федина «Братья». Л.И. Щелокова познакомила с результатами своих наблюдений о своеобразии публицистики писателя в контексте военных лет. М.В. Григорьева осветила историю взаимоотношений К. Федина и К. Паустовского на основе их писем.

Разнообразные аспекты осмысления темы интеллигенции и революции 1917 г. в литературе русского зарубежья представлены в работе одноименной секции. И.А. Тарасова рассказала о мемуарной прозе Георгия Иванова, об отражении революции в пространстве Петербургского текста в ней. Е.Г. Трубецкова сообщила об осмыслении революции 1917 г. в метафорах морбуального дискурса. О.В. Лапшина посвятила свое выступление восприятию революции 1917 г. Мариной Цветаевой и Ариадной Эфрон. Важным компонентом проведения конференции явилась презентация труда большого коллектива авторов — книги *«Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века»* (Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016).

Дискурсивные практики революционной эпохи широко представлены в нескольких аспектах: в преломлении современной литературы конца XX — начала XXI в. (М.А. Черняк). Л.Ю. Коновалова познакомила слушателей с историей восприятия группы «Серапионовы братья» современниками, идеологическими противниками. А.И. Ванюков рассказал об издании и содержании журнала «Летопись» в 1917 г. и др.

Достойным дополнением, способным наглядно продемонстрировать основные события литературной и культурной жизни общества, явилась экскурсия по музею, проведенная на высоком профессиональном уровне И.Э. Кабановой, заместителем директора по научной работе Государственного музея К.А. Федина.

По материалам конференции готовится сборник научных статей «Русская интеллигенция и революция в литературе XX века».

Л.И. Щелокова

**АВТОРЫ «Вестника МГПУ»,
СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ», 2018, № 1 (29)**

Афанасьева Ольга Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Борисова Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: BorisovaE@mgpu.ru

Иванова Анна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: conraoi@yandex.ru

Леванова Татьяна Владимировна — аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций филологического факультета МГПУ (Самарский филиал).

E-mail: tatianalevanova@yandex.ru

Лукошус Оксана Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации ИИЯ МГПУ.

E-mail: kim8807@rambler.ru

Мартьянова Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

E-mail: martyanova62@list.ru

Матунова Галина Александровна — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: matunovag@gmail.com

Нефедова Ольга Игоревна — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgonavt@gmail.com

Осипова Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Осламенко Алена Сергеевна — аспирант кафедры русского языка ИГНиУ МГПУ.

E-mail: dema_89@mail.ru

Плотникова Светлана Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

E-mail: snplotn@mail.ru

Погодаева Светлана Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета.

E-mail: sapogodaeva@mail.ru

Попова Ксения Александровна — аспирант кафедры германистики и лингводидактики ИИЯ МГПУ.

E-mail: sombrashes@mail.ru

Романова Татьяна Александровна — аспирант кафедры английской филологии ИИЯ МГПУ.

E-mail: tatianatatiana1616@gmail.com

Рянская Эльвира Михайловна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и перевода Нижневартковского государственного университета.

E-mail: elohka2210@yandex.ru

Стрельникова Марина Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры туризма и гостиничного дела Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

E-mail: miss.marst@mail.ru

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания и переводоведения ИИЯ МГПУ.

E-mail: olgasoul@rambler.ru

Трофимова Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

E-mail: troftat@yandex.ru

Труфанова Маргарита Ивановна — аспирант кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ

E-mail: bacca_mt@mail.ru

Фу Мэйянь — старший преподаватель, заместитель декана Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР).

E-mail: gaudy_fu@mail.ru

Щелокова Лариса Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы ИГНиУ МГПУ.

E-mail: lariva2007@yandex.ru

**Authors of «MCU Vestnik»,
Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»,
2018, № 1 (29)**

Afanasyeva Olga Vasilyevna — Doctor of Philology, full professor, head of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Borisova Elena Sergeevna — PhD (Philology), associate professor of Romance Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: BorisovaE@mgpu.ru

Ivanova Anna Mikhailovna — PhD (Philology), associate professor of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: conraoi@yandex.ru

Levanova Tatiana Vladimirovna — postgraduate of Philology and Mass-communication department, Philological faculty, MCU (Samara affiliate).

E-mail: tatianalevanova@yandex.ru

Lukoshus Oksana Gennadyevna — PhD (Philology), associate professor of EFL Methodology and Business Communication, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: kim8807@rambler.ru

Martyanova Svetlana Alexeevna — PhD (Philology), docent, head of Russian and Foreign Philology department, Vladimir State University named after Al. and N. Stoletovs.

E-mail: matyanova62@list.ru

Matunova Galina Alexandrovna — postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: matunovag@gmail.com

Nefedova Olga Igorevna — postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.

E-mail: olgonavt@gmail.com

Osipova Lyudmila Ivanovna — Doctor of Philology, full professor, professor of Russian Language department, Institute of Humanities and Management, MCU.
E-mail: LIOSIPOVA40@gmail.com

Oslamenko Alena Sergeevna — postgraduate of Russian Language department, Institute of Humanities and management, MCU.
E-mail: dema_89@mail.ru

Plotnikova Svetlana Nikolaevna — Doctor of Philology, full professor, professor of English Philology department, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University.
E-mail: snplotn@mail.ru

Pogodaeva Svetlana Alexandrovna — PhD (Philology), docent, associate professor of French Philology department, Kuban State University.
E-mail: sapogodaeva@mail.ru

Popova Ksenia Alexandrovna — postgraduate of Germanic Studies and Linguodidactics department, Institute of Foreign Languages, MCU.
E-mail: sombrashes@mail.ru

Romanova Tatiana Alexandrovna — postgraduate of English Philology department, Institute of Foreign Languages, MCU.
E-mail: tatianatatiana1616@gmail.com

Ryanskaya Elvira Mikhajlovna — Doctor of Philology, docent, professor of Linguistics and Translation department, Nizhnevartovsk State University.
E-mail: elohka2210@yandex.ru

Strelnikova Marina Anatolyevna — PhD (Philology), docent, associate professor of Department of Tourism and Hotelwork, Yelets State University named after I.A. Bunin.
E-mail: miss.marst@mail.ru

Sulejmanova Olga Arkadyevna — Doctor of Philology, full professor, head of Linguistics and Translation Theory department, Institute of Foreign Languages, MCU.
E-mail: olgasoul@rambler.ru

Trofimova Tatiana Borisovna — PhD (Philology), Senior Researcher, Institute of Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS.
E-mail: troftat@yandex.ru

Trufanova Margarita Ivanovna — postgraduate of Russian Literature Department, Institute of Humanities and Management, MCU

E-mail: bacca_mt@mail.ru

Fu Meiyang — lecturer, deputy dean of Tianjin Foreign Studies University (People's Republic of China).

E-mail: gaudy_fu@mail.ru

Shchelokova Larisa Ivanovna — PhD (Philology), docent, associate professor of Russian Literature department, Institute of Humanities and Management, MCU.

E-mail: lariva2007@yandex.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5; поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а. л.). Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия на русском языке помещается аннотация (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяет их точка с запятой. Также указывается автор, название статьи, аннотация (Resume) и ключевые слова (Keywords) на английском языке.

4. Статья снабжается затекстовыми ссылками, оформленными в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка». Также приводится транслитерация библиографического списка в соответствии с ГОСТ 7.79–2000.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147].

6. Рукопись подается в редакцию журнала на электронном и бумажном носителях.

7. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов), отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей), заверенный печатью и подписью.

8. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробные сведения о требованиях к оформлению рукописи можно найти на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора *Ларисе Георгиевне Викуловой* (Москва, Малый Казенный пер., 5 б, каб. 444).

Телефон редакции: (495) 607-76-37.

E-mail: VikulovaLG@mgpi.ru

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
2018, № 1 (29)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62502 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор педагогических наук, профессор *А.В. Щепилова*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

Е.С. Терновская

Корректор:

К.М. Музамилова

Перевод на английский язык:

О.В. Вострикова

Техническое редактирование и верстка:

Г.П. Васильева, О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 25.04.2018 г.
Формат 70 × 108 1/16. Бумага офсетная.
Объем: 9,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.